

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOO LI
TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

507

ДУНГАНОВЕДЕНИЕ

Труды по востоковедению

Oriental Studies

V

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 507 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

ДУНГАНОВЕДЕНИЕ

Труды по востоковедению

Oriental Studies

V

ТАРТУ 1979

Редакционная коллегия: Я.Конкс (председатель), Л.Мяль,
П.Нурмекунд (отв.редактор)

В БРАТСКОЙ СЕМЬЕ НАРОДОВ

Между учеными Отдела востоковедения АН Киргизской ССР и Тартуского государственного университета существуют многолетние научные связи. Большая заслуга в установлении деловых контактов между учеными двух научных учреждений, а также в совместной разработке проблем дунгановедения принадлежит заведующему кабинетом ориенталистики ТТУ П. Нурмекунду.

Своеобразным результатом тесного сотрудничества ученых является издание данного сборника, посвященного юбилейной дате — 100-летию пребывания дунган в составе России.

В декабре 1877 г. после жестокого подавления известного дунганского восстания против деспотизма цинской династии часть повстанцев, спасаясь от поголовного уничтожения со стороны императорской карательной армии, бежала из Китая в Россию.

Приняв русское подданство, дунгане навечно связали свою судьбу с судьбами русского, киргизского, казахского и других народов большой России.

Конечно, в условиях феодального, а затем капиталистического строя дунгане так же, как и другие народы Средней Азии и Казахстана не были избавлены от социального и национального угнетения. Но даже при этом дунгане сохранили себя как народность, тесно облизившись с народами Киргизии и Казахстана.

Находясь в России, дунгане привлекли к себе братское внимание передовых людей русского общества. Ярким примером заботы о развитии дунганского просвещения является деятельность учителей русско-дунганской школы в Каракумузе Василия Ивановича Цибузгина и Анатолия Николаевича Шмакова.

Огромную роль в победе и упрочении Советской власти на местах сыграли исторические акты Октябрьской социалистической революции, такие как "Декларация прав народов России" и обращение Советского правительства "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока".

В области культурного строительства среди дунган неоценимую помощь оказывали ученые, прежде всего в создании гра-

фической письменности. Пионерами в научном изучении дунганского языка были Александр Александрович Драгунов и Евгений Дмитриевич Поливанов. Их заслуги в этой области дунгановедения велики, потому что они первыми занялись изучением дунганского языка и подготовкой первых научных кадров.

Большую помощь в практическом внедрении новой письменности среди дунганского населения, в издании учебной, художественной и политической литературы оказывало правительство Киргизской республики. Поэтому не случайно, что для советских дунган Киргизия стала родиной графической письменности.

Сегодня в местах компактного проживания дунган и в школах с преобладанием детей дунганской национальности введено преподавание родного языка и литературы, в столице Киргизской ССР г. Фрунзе издается межреспубликанская газета "Шый-үеди чи" ("Знамя Октября") на дунганском языке.

Дунгановедение как отрасль советской востоковедческой школы является детищем Великого Октября. За годы Советской власти дунгановедами были созданы весьма интересные исследования о языке и истории, быте и культуре. Сегодня они вместе со всеми учеными решают актуальные проблемы современной науки, а также составляют учебные пособия для школ по родному языку и литературе.

Ярким свидетельством подлинного расцвета духовных сил маленького народа является формирование и развитие у среднеазиатских дунган письменной литературы.

Киргизское издательство ежегодно издает более десяти названий учебной, художественной и политической литературы. Литературные произведения дунганских писателей и поэтов выходят в Москве и во Фрунзе. Советская дунганская письменная литература связана с именем Народного поэта Киргизстана Ясыра Шиваза. Его заслуга заключается не только в том, что он принимал деятельное участие в разработке письменности, в составлении первых учебных пособий, но прежде всего в том, что своими литературными произведениями Ясыр Шиваз способствовал развитию культуры советских дунган.

AUSGEWÄHLTE KAPITEL DER DUNGANISCHEN SPRACHGESCHICHTE

P e n t   N u r m e k u n d
(Tartu)

Die dunganische Sprache gehört zum Chinesischen im weiten Sinne und damit, folglich, auch zur sinotibetischen (anders: tibetochinesischen oder indochinesischen, gemäß der alten Terminologie) Sprachfamilie. Jedoch, und zwar im Unterschiede zu den übrigen chinesischen Dialekten, stößt man hier und da gelegentlich auf die nur fürs Dunganische spezifischen Merkmale, öfterst zwar in der Gestalt des türkischen sprachlichen Einflusses.

Als eine der zeitgenössischen chinesischen Sprachen oder Dialekte verfügt das Dunganische sowohl in der Phonetik, als auch in der Morphologie und Syntax über derartige vollkommen spezifische und allgemein prinzipielle Merkmale, die von den für das chinesische (und teilweise sogar für das ganze sinotibetische) Sprachsystem charakteristischen Zügen herrühren.

In der Sprache der sowjetischen Dunganen gibt es zwei Hauptdialekte: 1. den Gansu-Dialekt, so genannt nach der Benennung der chinesischen Provinz Kansu (chin. Gānsù shěng), dung. Gansw, Ganswstn, Ganstn; 2. den Schensi-Dialekt, so genannt nach der Benennung der chinesischen Provinz Schensi (chin. Shǎnxī shěng), dung. Šansi, Šansistn.

Der erste der oben angeführten Hauptdialekte liegt der gegenwärtigen dunganischen Schriftsprache zugrunde. In quantitativer Hinsicht stellt er die am meisten fortgeschrittene und - im Vergleich zum Schensi-Dialekt - sich vom Pekingischen am weitesten entfernte Variante des Dunganischen dar.

Der Gansu-Dialekt zerfällt in die Untermundarten Jage und Hetschou (russ. хэжэу , chin. hezhou, dung. xəʒɤy (xəʒw)).

Die Jage-Dunganen stammten vorwiegend aus Lantschou (chin. Lánzhōu) und Jintschuan (chin. yinzhuān), sowie aus anderen naheliegenden Städten und Dörfern. Anscheinend bil-

deten sie den wesentlichen Kern der einstmaligen Sokuluk-schen Gruppe von Dunganen. Das Hauptgebiet ihrer Niederlassung umfaßte früher die Siedlungen Alexandrowka, Sokuluk und Tschilik. Jetzt wohnen sie in vielen Siedlungen mit dunganischer Bevölkerung (vorzugsweise unter den Kansu-Dunganen). Man vermutet, daß ihr Ninghsia (chin. níngxià) - Lantschou-Dialekt ursprünglich ein eigenartiges Mittelglied darstellte, das die untereinander bedeutend abweichenden Gansu- und Schensi-Dialekte miteinander verband.¹

Der Schensi-Dialekt schließt in sich die Untermundart dunmyi (dunг. дунми (dunmǐ)).

Neben beträchtlichen Übereinstimmungen können innerhalb jeder chinesischen Dialektgruppe Unterschiede beobachtet werden. Insbesondere gilt es von den nördlichen Dialekten. So unterscheidet sich der Gansu-Dialekt in bedeutendem Maße von demjenigen von Schensi. Und beide Dialekte weichen ihrerseits vom Pekingischen - das bekanntlich die Grundlage der gegenwärtigen Nationalsprache, des Putunghua (chin. pǔtōnghuà) ist - ab. Auch von den übrigen chinesischen Dialekten unterscheidet sich das Dunganische, d.h. die Sprache der mittelasiatischen Dunganen, der ja die Dialekte von Kansu und Schensi zugrundeliegen.

Im Laufe der letzten hundert Jahre entwickelte sich die dunganische Sprache in Mittelasien und Kasachstan getrennt von den der Abstammung nach verwandten chinesischen Dialekten. Dies führte dazu, daß es in den letztgenannten viel mehr ursprüngliche Züge erhalten sind, als in dem heutigen Gansu- und Schensi-Dialekte.²

Diejenigen Züge aber, welche die dunganische Sprache von dem Nordchinesisch-Pekingischen und den anderen chinesischen Mundarten unterscheiden, sind zwar am vollständigsten im Gansu-Dialekt vertreten. Im Schensi-Dialekt fehlen etliche von ihnen, und somit bekleidet er in gewisser Hinsicht eine Mittelstellung zwischen den nordchinesischen Mundarten einerseits und dem Gansu-Dialekte des Dunganischen andererseits.

Nach Ansicht von E.D. Poliwanow erklärt sich die hohe Intensität der Entwicklung des Gansu-Dialekts dadurch, daß er in seiner neuen Umgebung in Mittelasien und Kasachstan

unter den starken Einfluß seitens fremder, nicht-chinesischer Sprachen geriet. Als einen wichtigen Faktor derartiger fremsprachlichen Beeinflussung glaubt E.D. Poliwanow naturgemäß in der türkischen Umgebung zu suchen. Jedoch meint er annehmen zu dürfen, daß ein beträchtlicher Teil der Entwicklungserneuerungen des Gansu-Dialekts auch denjenigen westchinesischen Dialekten eigen sein könnten, zu denen die dunganische Sprache hingehört.

Was die Unterschiede innerhalb des Gansu-Dialekts (genauer ausgedrückt: zwischen den Idiomen einzelner bevölkerter Punkte) anbelangt, so sind die im allgemeinen von lexikalischer Beschaffenheit und bisweilen recht gering. Man kennt die sogen. Familienidiome innerhalb einer und derselben Siedlung. Zur Zeit des Umzuges der Dunganen nach Mittelasien und Kasachstan in den Jahren 1876 und 1882 gerieten in den Bestand einer konkreten Siedlung Menschen aus verschiedenen Ortschaften Westchinas. Auf diese Weise entstand in der Sprache der Einwohner einer und derselben Siedlung eine Reihe von Doppelformen oder Wortdubletten, und zwar: 1. mit anlautenden ɣw - und f -, z. B. ɣw 'das Wasser' - charakteristisch für jemand aus dem Gebiet von Lingschou (chin. Lingshou) gebürtigen - und fi 'das Wasser' als die Form der gegenwärtigen sowjetdunganischen Normalsprache: ɕw II; $\text{ɣwa} \sim \text{fa}$ 'spielen' (in der Normalsprache: ɕa II); $\text{ɣu} \sim \text{fu/fw}$ 'der Baum', 'das Buch' (in der Normalsprache ɕy I) usw. Übrigens gibt es innerhalb der Provinz Kansu dreierlei Formen für das Wort 'Wasser', d. h. fi , ɣwi , ɣwi . - 2. Der Gebrauch des Hilfszeitwortes ɕ statt dessen gewöhnlichere Form st . Die Dublette ɕ wird im allgemeinen den aus Didao gebürtigen zugeschrieben (in der Normalsprache ɕw I).

Von dem historisch-phonetischen Standpunkte aus betrachtet ist die Dublette mit dem Zischlaut ɕ bedeutend archaischer als diejenige mit dem Sibilanten st . Die erste erscheint im Pekingischen, Baodingfuschen, sowie in einer ganzen Reihe anderer chinesischer Dialekte, darunter in den Untermundarten der Provinz Kansu, wozu auch die Sprache des Gebietes von Didao gehört.

Über die wesentliche phonologische Einheit in der dunganischen Sprache.

Gewöhnlich wird das Phonem mit der elementaren phonologischen Einheit auf gleichen Fuß gestellt. Das Phonem ist die kleinste Einheit des Lautsystems einer Sprache, die zur Unterscheidung der lautlichen Hülle von Wörtern und Morphemen dient. Die Lehre vom Phoneme wird Phonologie genannt.³

Ganz eigenartig wird die Frage nach der wesentlichen phonologischen Einheit in solchen Sprachen wie die tibeto-chinesischen gelöst. Auf dem Gebiete der Phonologie der chinesischen Sprache herrschen unter den Sinologen zwei Gesichtspunkte. Laut dem einen ist die kleinste bedeutungsunterscheidende Einheit in der chinesischen Sprache das Lautphonem, laut dem anderen - das Silbenmorphem. Zur Rechtfertigung des letztgenannten führt man gewöhnlich folgende Argumente an: 1) die Laute der chinesischen Sprache haben keine bedeutungsunterscheidende Funktion, und 2) die Grenzen der Silbe und des Morphems fallen miteinander zusammen. Jedoch heben einige mitunter hervor, daß es in einer Reihe von Fällen nicht der Fall sei! Allein seien die Beispiele des Nichtübereinstimmung von Grenzen des Morphems und der Silbe immerhin nicht zahlreich. Viel mehr gerechtfertigt sei das Argument, laut welchem die chinesischen Laute befähigt seien, die Bedeutungen zu differenzieren.

Zugunsten der Lautphoneme spricht auch die Schöpfung des Alphabets Тсhујін зїмu (chin. zhùyīn zìmǔ) und des neuen phonetischen Alphabets auf der Grundlage der lateinischen Schrift, in welchem sich die Ausscheidung von Einzellauten der chinesischen Sprache widerspiegelt und zumindest die Richtigkeit der Theorie des Silbenmorphems als der kleinsten phonologischen Einheit zu bezweifeln gestattet.

Da die dunganische Sprache zu derselben Sprachfamilie wie das Chinesische gehört, warfen einige Forscher in den Jahren des Schaffens des dunganischen Alphabets auf der Grundlage der lateinischen Schrift die betreffende Frage auch in bezug auf die dunganische Sprache auf. Trotzdem äußerte sich beispielsweise E.D. Poliwanov, wenn auch ziemlich vorsichtig, immerhin zugunsten der Theorie des Silben-

morphems in der dunganischen Sprache, in dem er von der führenden Rolle der Silbe in dem phonetischen Systeme desselben sprach.⁴

Jedoch bereits E. D. Poliwanow selber, sowie auch A. und E. Dragunow erwähnen das Vorhandensein von weichen Konsonanten in der dunganischen Sprache. Dies aber bedeutet, daß die einsilbigen Wörter vom Typus $\bar{a} - \bar{a}$ (latiniert $ba - \bar{b}a$ (sich nicht gänzlich mittels der Syllabeme, sondern mittels einzelner Konsonanten unterscheiden, welchen ihrerseits die Schattierungen eines und desselben Vokals nachfolgen. Folglich ist die Annahme der Theorie des Silbenmorphems als der kleinsten phonologischen Einheit in der dunganischen Sprache unbegründet. Übrigens waren schon A. und E. Dragunow, obwohl sie gleichfalls von der Theorie des Silbenmorphems ausgingen, nahe der Anerkennung von Lautphonemen in der dunganischen Sprache.⁵

Ferner hat sich die Frage von jenem Standpunkte aus in der dunganischen Sprachwissenschaft nicht mehr gestellt. Scheinbar läßt das vieljährige Bestehen des phonetischen Alphabets der dunganischen Sprache auf Grundlage der arabischen, nachher der lateinischen und russischen Schrift, in welchen jeder Laut bekanntlich durch ein besonderes Zeichen wiedergegeben wird, keinen Platz mehr für eine derartige Frage übrig.⁶

Die Struktur der Silbe im Dunganischen.

Bekanntlich brauchen in vielen Sprachen die Grenzen der Silbe und des Morphems nicht zusammenzufallen. Jedoch folgt daraus nicht, daß es zwischen den Silben und den Einheiten anderer Aspekte der Sprache (beispielsweise dem Morphem und dem Worte) keine nötige Beziehung gibt. Am meisten offensichtlich ist diese Beziehung in solchen Sprachen wie das Dunganische, wo die Grenzen der Silbe und des Morphems stets systematisch zusammenfallen. Das letztere erklärt sich durch den Bau mehrsilbiger Wörter in diesen Sprachen, die beim Versuch, sie in Silben zu zerlegen, gleichzeitig auch in einzelne Morpheme zerfallen. In der dunganischen Sprache geschieht es deshalb, weil die mehrsilbigen Wörter

in ihr im wesentlichen durch die Zusammenlegung von einsilbigen Wörtern entstanden sind. Der Wortschatz der betreffenden Sprache wird in bedeutendem Maße gerade durch derartige Wörter gestellt. Hieraus ergibt sich auch die außerordentliche Rolle einer bestimmten Anzahl von Einsilblern in dieser Sprache.

Im Dunganischen zeichnet sich die Silbe durch einen bestimmten Lautbestand aus und kann mit dem einen oder dem anderen Ton gesprochen werden. Es gibt im ganzen 351 (darunter 17 mundartlichen Gepräges) Silben. Mit Hinzuziehung aller möglichen Tonvarianten aber würde die Gesamtzahl von Silben etwa 867 betragen.

Die Tatsache, daß jede Silbe im Dunganischen mit diesem oder jenem Tone gesprochen werden kann, deutet darauf hin, daß eine jede von ihnen als potentiell Wort fungieren kann. Hieraus erfolgt gleichzeitig, daß man bei der Ausscheidung dunganischer Sprachlaute sich auf diese festgesetzte Anzahl von Silbenwörtern (Einsilblern) stützen darf.⁷

Der Phonembestand der dunganischen Sprache.

Bei der Aufdeckung der Phoneme stellt man gewöhnlich einzelne Wörter und Morpheme einander gegenüber. In der dunganischen Sprache kann zwar jede Silbe als potentielles Wurzelmorphem (einsilbiges Wort) betrachtet werden. Es gibt also eine festgesetzte Anzahl von Silben, die einen stabilen Lautbestand haben und sich voneinander scharf unterscheiden. Folglich kommt es bei der Aufdeckung des Phonembestandes unter gegebenen spezifischen Eigentümlichkeiten der dunganischen Sprache auf die Analyse dieser festgesetzten Anzahl von Silben (Einsilblern) an.⁸

Der maximale Bestand eines Syllabems besteht nach E.D. Poliwanow aus vier Elementen. Das sind: 1) ein Konsonant, 2) ein nicht silbenbildender Vokal, 3) ein silbenbildendes Element, 4) ein stimmhafter Laut (d. h. ein Nasal oder ein R-artiger Laut -ŋ) als Schlußelement eines Diphthongs.⁹

Die zweiten Elemente eines Syllabems sind nicht silbenbildende enge Vokale, und zwar: ein unsilbisches u (w),

ein unsilbisches ü (ʏ), und ein unsilbisches b (b). Dabei kann man sich merken: 1) das Moment der Labialisierung in der Form eines unsilbischen u (w) nach den harten (velaren) und eines unsilbischen ü (ʏ) nach den weichen (palatalen) Konsonanten. - 2) Ein Übergangselement zwischen einem harten Konsonant und einem i (ü): ʃbj = ʃbi (быи) 'die Farbe', ʮbj = ʮbi (быи) 'weiß'.

Das Schluß-i (ü) in den Silben vom Typus ʮbj (быи), gwj (гуй), sowie ki (ku), wo das i durch das Zusammenziehen eines Diphthongs (ki ← *kbi) entstanden ist, erscheint recht oft als Widerspiegelung eines altchinesischen auslautenden *-k. Eine derartige Abspiegelung des Schluß-k trifft man teilweise auch im Nordchinesischen (Pekingischen u. s. w.) - beispielsweise in ʮbj (быи) 'der Norden', bai (бай) 'hundert' - jedoch im Dunganischen trägt diese Erscheinung einen bei weitem regulären Charakter. Beispiele: gwj (гуй) 'der Staat', ʮbj (быи) 'weiß', ki(ku) 'der Gast' (nordchinesisch ke/kə), dbj (дыи) 'die Tugend' (nordchin. de/дэ ist japanisch toku), ʃbj (быи) 'die Farbe' (nordchin. se/сэ ist japanisch soku), zbj (зыи) 'schmal, eng'.¹⁰

Nach E.D. Poliwanow ist das Dunganische einer der Dialekte der gegenwärtigen chinesischen Sprache, oder, vielmehr, eine der gegenwärtigen chinesischen Sprachen. In ihrer Charakteristik wiederholt die dunganische Sprache eine ganze Reihe von Zügen, die auch für andere gegenwärtige chinesische Sprachen - insbesondere für das sogen. Nordchinesische - maßgebend sind. Seines Erachtens gebe es jedoch in der dunganischen Sprache eine Anzahl von unterscheidenden Eigentümlichkeiten (insbesondere in dem sogen. Gansu-Dialekte des Dunganischen). Diese Unterschiede fallen auf Rechnung einer mehr fortgeschrittenen Evolution innerhalb des dunganischen Sprachsystems und wurzeln in der wirtschaftlichen Symbiose und der kulturellen Abhängigkeit von den anderssprachigen Völkerschaften. In der Tat schlossen sich dem dunganischen Kollektiv gewisse mehr oder weniger bedeutende türkische Elemente an. So beteiligten sich an der Formierung des nationalen dunganischen Kollektivs beträchtliche Kontingente der altuigurischen Bevölkerung. Jedoch

scheinen die Spuren des türkischen sprachlichen Einflusses in der dunganischen Sprache nicht besonders entscheidend gewesen zu sein, und die Fakta des türkischen sprachlichen Beitrages liefern im allgemeinen ein recht bescheidenes Bild.

Als spezifisch dunganische Neuerungen seien zu betrachten: 1) das Erscheinen des abnormen Silbenbestandes auf Kosten der entlehnten Wörter (hauptsächlich der Arabismen und Persismen, die zwar durch türkische Vermittlung - in der letzten Zeit auch durch den Einfluß der russischen Sprache - eindrangen). - 2) Das Aneignen eines zitterigen r-Lautes im Bestande der entlehnten Wörter. - 3) Der Übergang des anlautenden unsilbigen w(ŷ) zum v und des anlautenden unsilbigen i (ü) zum j (ü), desgleichen der Übergang des kakuminalen ž zum einfachen z. 4) Das Erscheinen der Kategorie der paarigen weichen Konsonanten.

Die phonologische Beschaffenheit des Dunganischen.

Der traditionellen Annahme gemäß sei im Chinesischen (mit Einschluß vom Dunganischen) die Silbe als die elementarste phonologische Einheit zu betrachten. Trotzdem mangelt es bis jetzt an einem allgemeingültigen, einheitlichen Gesichtspunkte, und es gibt derer genug, die als die kleinste bedeutungsunterscheidende Einheit der sogen. Silbensprachen nicht das Silbenmorphem, sondern das Lautphonem annehmen.¹¹

Die normalen und anomalen Silben. Die ersten sind die Silben mit einem normierten Lautbestande. Die anomalen Silben dagegen kommen im Bestande der (dem Arabischen, Persischen, Türkischen und Russischen) entlehnten Wörter vor. Im dunganischen Wortschatze bilden sie zahlenmäßig ein geringes Anhängsel.

Wie im Chinesischen, wird auch im Dunganischen die Silbe durch einen bestimmten Lautbestand gekennzeichnet. Sie kann in der einen oder anderen Tonart gesprochen werden. Die Gesamtzahl der dunganischen Silben mit Einschluß von Tonvarianten und 17 Silben mundartlicher Beschaffenheit

beträgt etwa 865. In den normalen Silben des Dunganischen liegt vor das Gesetz der offenen Silbe.¹²

Der maximale Bestand der normalen Silbe im Dunganischen besteht aus vier Elementen, aus vier Phonemen verschiedener Kategorien in der folgenden Reihenfolge, und zwar sind es: 1) der Anfangskonsonant, das Initial oder die Initiale - I; - 2) ein unsilbiger enger Halbvokal ($\underset{\sim}{u}/w, \underset{\sim}{ü}/\underset{\sim}{u}, \underset{\sim}{b}/\underset{\sim}{u}$) oder das Mediale - M; - 3) das silbenbildende Element (ein Vokal) oder der sogen. Hauptvokal - HV; - 4) ein (sonores) $\underset{\sim}{q}, n, \underset{\sim}{\eta}$ (die sogen. Halbkonsonanten oder Konsonanten in der Rolle von Vokalen) als das zweite Element eines Diphthongs oder das Finale - F.

Die Gesamtformel der normalen dunganischen Silbe lautet demnach: $IM/\underset{\sim}{u}/w, \underset{\sim}{ü}/\underset{\sim}{u}, \underset{\sim}{b}/\underset{\sim}{u} / HV F / n, \underset{\sim}{\eta}, R/\underset{\sim}{q}/$.

Die Mehrheit der dunganischen normalen Silben besteht jedoch aus drei oder zwei Elementen. Beispielsweise können alle diese Silben ihrem Lautbestande nach etwa folgenden Typen zugezählt werden, und zwar: 1) Silben, die aus einem einzigen Vokal bestehen (insgesamt 5 Silben); - 2) Silben, die aus einem Konsonant und einem nasalierten Vokal bestehen (insgesamt 126 Silben); - 3) Silben, die aus einem Konsonant und einem Diphthong bestehen (insgesamt 45 Silben); - 4) Silben, die aus einem Konsonant und einem einfachen Vokal bestehen (insgesamt 158 Silben).¹³

Die vier Kategorien der Elemente der dunganischen Silben.

I Die ersten Elemente der Silben oder die Initialen.

Im Dunganischen sind die konsonantischen Phoneme faktisch auch die Anfangskonsonanten oder die Initialen der Silben. Sie sind entweder stimmhaft oder stimmlos. Dagegen werden alle übrigen Elemente der Silben prinzipiell durch die Stimmhaftigkeit gekennzeichnet.

Die Gesamtzahl der umsprochenen Anfangskonsonanten oder Initialen beträgt im Gansu-Dialekt etwa dreißig statistisch normale Phoneme, zu welchen noch vier sporadische konsonantische Phoneme hinzugefügt sind, und zwar: $\underset{\sim}{\eta}, \underset{\sim}{q}, \underset{\sim}{r}$ (das sogen. zitterige r in entlehnten Wörtern), $\underset{\sim}{\text{f}}$ (der

stimmhafte gutturale Spirant in der individuellen Aussprache für η).

II Die zweiten Elemente der Silben oder die Medialen.

An Medialen gibt es im ganzen drei, und zwar: 1) den ultrageschlossenen $\underset{u}{u}$ -Laut (in der dunganischen latinisierten Schrift als w), der dem chinesischen u gleichzusetzen ist und nur nach harten Konsonanten steht; - 2) den geschlossenen unsilbigen $\underset{y}{y}$ -Laut (high-front-round; in der dunganischen latinisierten Schrift als y), der bloß nach weichen Anfangskonsonanten (jedoch mit Ausnahme von weichen Lippenlauten) anzutreffen ist; - 3) den unsilbigen b_l -artigen Laut (in der dunganischen latinisierten Schrift als b), der nach harten Konsonanten mehrfach das Fehlen von Palatalisation angibt. Gesetzmässig ist im Dunganischen die unmittelbare Verbindung eines harten Konsonanten mit dem Vokalzeichen i prinzipiell unmöglich. Dem Zeichen i entspricht in solchen Fällen die Lautverbindung b_i , die sich aus dem chinesischen Diphthong aj erklären läßt (in gewissen Silben auch aus dem chinesischen aj).

III Die dritten Elemente der Silben. Die silbenbildenden Vokale oder die Hauptvokale.

An silbenbildenden oralen Einzelvokalen gibt es insgesamt dreizehn Phoneme (d. h. neun harte und vier weiche Phonemvarianten). Es sind: $a, \acute{a}; e, \acute{e}; \text{ə}; i; o, \acute{o}; u, \acute{u}; w, b_l; \ddot{u}$. Nasalisierte Vokale gibt es acht (sechs harte und zwei weiche), nämlich: $\tilde{a}, \tilde{\acute{a}}; \tilde{i}, \tilde{\acute{i}}; \tilde{o}, \tilde{\acute{o}}; \tilde{u}, \tilde{\acute{u}}; \tilde{b}_l; \tilde{\ddot{u}}$. Von ihnen bilden mit den vorhergehenden unsilbigen Medialen (steigende) Diphthonge vier orale und zwei nasalisierte Vokale, und zwar: $w\acute{a}, w\acute{e}, w\acute{o}, w\acute{o}, w\acute{i}, b_l\acute{i}; w\tilde{\acute{a}}, w\tilde{\acute{a}}, w\tilde{\acute{o}}$.¹⁴

IV Die vierten Elemente der Silben oder die Finals.

Unter den Finals versteht man im Dunganischen gewöhnlich die sogen. Halbkonsonanten oder Konsonanten in der Rolle von Vokalen - $n, \eta, R (\text{oj})$. Da aber im Dunganischen normalerweise zugleich das Gesetz der offenen Silbe obwaltend ist, so darf die erwähnte Annahme bloß formaler, graphischer Art sein. In der Tat markieren die finalen Nasalzeichen n, η bloß die Nasalisierung der vorhergehenden Hauptvokale. Das finale kakuminale $R (\text{oj})$ aber verschmilzt

gänzlich mit den vorhergehenden Hauptvokalen und wird allerorts wie ɔ^R gesprochen.¹⁵

Methodisch nicht ganz einleuchtend wirkt die Annahme von E. D. Poliwanov, daß es in den dunganischen Silben wie bin 'die Krankheit', jin 'der Laut', min 'das Volk' usw. kein vokalisches i gebe, also $b'ij$, $j'ij$, $m'ij$ statt $b'i$, $j'i$, $m'i$, usw. Oder sollte man etwa ein finales sonatisches (η) η voraussetzen?

Über die musikalische Silbenbetonung (das sogen. Tonsystem) des Dunganischen

Von den charakteristischen Eigentümlichkeiten der tibetochinesischen Sprachen hebt man unter anderem auch das Vorhandensein der sogen. Töne (d. h. die den bestimmten Silbenmorphemen innewohnenden verschiedenen Melodien des Stimmtons, den. sogen. Silbenakzent) hervor. Man warnt jedoch davor, den musikalischen Silbenakzent mit dem musikalischen Wortakzent zu vermischen.¹⁶

Die erste Arbeit über die dunganischen Töne, eine etwa 17 Seiten umfassende Schrift von E. D. Poliwanow, beruht gänzlich auf den auditiven Eindrücken des Verfassers. In dem man zunächst das Vorkommen dreier Töne (anstelle der nordchinesischen vier Töne) im Gansu-Dialekte des Dunganischen konstatiert, charakterisiert E. D. Poliwanow sie auf folgende Weise: den ersten Ton (I) (entspricht dem ersten (1) und dem zweiten (2) nordchinesisch-pekingischen Töne) als einen ebenen, verhältnismäßig andauernden Ton; - den zweiten Ton (II) in den Wörtern mit dem nordchinesisch-pekingischen dritten (3) Töne vorkommend) als einen absteigenden, verhältnismäßig kurzen Ton; - den dritten Ton (III), der sich zu dem nordchinesisch-pekingischen vierten Töne (4) verhält, als einen aufgehenden, gleichfalls verhältnismäßig kurzen Ton.¹⁷

In der Broschüre von J.J. Janschansyn "Ton und Akzent in der dunganischen Sprache" werden die Ergebnisse der ersten experimentellen Untersuchung der dunganischen Töne vorgelegt. In ihrer Schilderung jedoch stützt sich J.J. Janschansyn allem Anschein nach hauptsächlich auf seine eige-

nen auditiven Eindrücke und nicht auf die angeführten Kymogramme und graphischen Darstellungen der Bewegung des Grundtones innerhalb der sechs einsilbigen dunganischen Wörter.¹⁸

Die experimentelle Untersuchung zeigt, daß die bestehende Auffassung von drei Tönen im Gansu-Dialekte des Dunganischen einer wesentlichen Präzisierung bedarf. Am interessantesten in dieser Hinsicht ist der erste Ton.

Wie oben hingewiesen, ist es üblich anzunehmen, daß im Gansu-Dialekte des Dunganischen der erste und zweite nordchinesisch-pekingische Ton zu einem dunganischen ersten Tone zusammengefloßen sind. Es hat sich jedoch herausgestellt, daß die Verschmelzung dieser Töne keineswegs allgemein erscheint. In der Stellung vor einer Pause - in den isoliert gesprochenen Wörtern und in den zweiten Komponenten freier Wortgruppen - gibt es zwischen den beiden oben erwähnten chinesischen Tönen im Gansu-Dialekte des Dunganischen tatsächlich keinen Unterschied mehr. Die aufgehenden und die aufgehend-absteigenden Varianten des in dieser Stellung hervortretenden dunganischen ersten Tons sind nur durch die Intonation bedingt: ein und derselbe Einsilbler hat im Inneren einer Gruppe von Wörtern oder Wortgruppen in der Regel eine aufgehende Melodie, am Ende einer solchen Gruppe jedoch eine aufgehend-absteigende Melodie.

Anders verhält sich der dunganische erste Ton in dem ersten Komponente von Wortgruppen - in der Stellung vor einer anderen Silbe. In dieser Lage fehlt die durch eine abschließende Intonation bedingte aufgehend-absteigende Variante des ersten Tons. Gleichzeitig gibt es in einigen Morphemen neben der aufgehenden Melodie noch eine ebene, niedrige Bewegung des Grundtones, die in den isolierten Wörtern und in den zweiten Komponenten der Wortgruppen nicht anzutreffen ist. Also ist der Prozeß der Konvergenz des ersten und zweiten nordchinesisch-pekingischen Tons und ihre Verschmelzung zu einem einzigen dunganischen Tone bei weitem nicht abgeschlossen.

Im Tonssysteme des Gansu-Dialekte des Dunganischen besteht nach wie vor der reduzierte (Null-) Ton: er wird in den Suffixen nach den Silben mit dem dunganischen zweiten

und dritten Tone vermerkt. Nach dem ersten Gansu-Tone kommen in den Suffixen vollwertige dunganische (der erste und der zweite) Töne auf. Der Unterschied des dunganischen ersten und zweiten Tons in den Suffixen einerseits, und der Unterschied des ursprünglich nordchinesisch-pekingischen ersten und zweiten Tons in der Wurzelsilbe andererseits besteht in schroffer gegenseitiger Abhängigkeit.

In dem Pekinger Dialekte unterziehen sich zwar die unbetonten Silben, die ihren etymologischen Ton eingebüßt haben, neben der qualitativen auch einer quantitativen Reduktion - es findet eine starke Kürzung der Dauer und der Intensität von Finali statt. Eine analogische Erscheinung zeigt sich auch in den Silben mit dem reduzierten Tone in dem Gansu-Dialekte des Dunganischen.¹⁹

Das System der Schensi-Toneme unterscheidet sich von demjenigen der Gansu-Toneme in erster Linie durch die Erhaltung zweier ebener Töne, d. h. 1) eines niedrigen und relativ kurzen und 2) eines hohen und langen Tones. Mit anderen Worten: im Schensi-Dialekt gibt es keine Konvergenz des nordchinesisch-pekingischen ersten und zweiten Tons. Folglich bietet der Schensi-Dialekt insgesamt vier Töne. Man charakterisiert sie auf folgende Weise: der erste (I) Ton ist ein kurzer, niedriger und ebener Ton (jedoch mehr andauernd als der dritte (III) Ton) mit einem fakultativen Sinken am Ende. Entspricht dem chinesischen ersten (I) Tone. - Der zweite (II) Ton ist ein hoher, ebener, fließend anhaltender Ton mit fakultativem, bei langsamer Aussprache gut hörbarem Steigen am Ende. Er ist der längste von allen vier Tönen des Schensi-Dialekts. Entspricht dem chinesischen zweiten (2) Tone. - Der dritte (III) Ton ist ein kurzer, hastig fallender Ton, der kürzeste von allen vier Tönen des in Rede stehenden Dialekts. Entspricht dem chinesischen dritten (3) und fünften (5) Tone. - Der vierte (IV) Ton ist ein hastig steigender, anhaltender (jedoch kürzer als der zweite (II) Ton. Entspricht dem chinesischen vierten (4) Tone.

Die Umstellung des expiratorischen Akzents im Gansu-Dialekt.

Das Substantiv chinesisch dāoza "das Messer" hat An-

fangsbetonung, d. h. den Akzent auf der Silbe *dāo*, wie auch in allen anderen nordchinesischen (darunter auch in Schensi) zweisilbigen Substantiven mit dem Suffix *-za*. Im Chinesischen hat das Substantiv den ersten Ton und tritt im Gansu-Dialekt zu der Kategorie des ersten (I) Tons über: *doʒm/doʒb* I. Nachher versetzte sich laut dem Gesetze der Umstellung der expiratorische Akzent auf die zweite Silbe (das Suffix), also dunganisch mit dem Akzent auf *-ʒm/-ʒb* (gewöhnlich mit dem Reibelaut *ʒ* (russisch *з*) gesprochen). Hieraus die Regel: trägt die erste Silbe im Chinesischen den ersten (1) oder den zweiten (2) Ton, so wird im Gansu-Dialekte des Dunganischen der expiratorische Akzent auf die zweite Silbe verschoben.

Das Substantiv chinesisch *douza* "die Bohne" (als Gesamtbezeichnung für Hülsenfrüchte) hat im Chinesischen den vierten (4) Ton, im Gansu-Dialekte den dritten (III) Ton: *doʒm/doʒb* III. In einem derartigen Substantiv bleibt der expiratorische Akzent im Gansu-Dialekt auf der ersten Silbe bestehen. Hieraus die Regel: trägt die erste Silbe im Chinesischen den dritten (3) oder den vierten (4) Ton, so ruht im Gansu-Dialekte des Dunganischen der expiratorische Akzent auf ihr.²⁰

Der Schensi-Dialekt des Dunganischen kennt eine derartige Umstellung des expiratorischen Akzents je nach dem Tone nicht.

Anmerkungen und Verweisungen.

1. Народы Мира. Этнографические очерки. Народы Средней Азии и Казахстана. II. Москва, 1963. S. 531.
2. А. К а л и м о в. Употребление служебного слова БА в дунганском языке. - Восточная филология. Характерологические исследования. Москва, 1971. S. 136.
3. Siehe beiläufig Г. А. Климов. Фонема и морфема. К проблеме лингвистических единиц. Москва, 1967. S. 26 ff.
4. Е. Д. Р о л и в а н о в. Фонологическая система ганьсуйского наречия дунганского языка. - *ʒwn-jan xuadi ʒjeŋa* (orfografiŋa) vbnti. Вопросы орфографии дунганского языка. S. 35. - Фрунзе, 1937. Siehe hierbei auch М. Х. Имазов. Основы дунганской фонетики. Фрунзе, 1972. S. 10

5. Б.Д. Поливанов. Фонологическая система гансуйского наречия дунганского языка. - *Җәм-җан хуади җефа (ortografija) vñti*. Вопросы орфографии дунганского языка. §. 35. - Фрунзе, 1937.
6. М.Х. Имазов. Основы дунганской фонетики. Фрунзе, 1972. §. 7-II.
7. М.Х. Имазов. Основы дунганской фонетики. Фрунзе, 1972. §. 12, 13.
8. М.Х. Имазов. Основы дунганской фонетики. Фрунзе, 1972. §. 31.
9. Б.Д. Поливанов. Фонологическая система гансуйского наречия дунганского языка. - *Җәм-җан хуади җефа (ortografija) vñti*. Вопросы орфографии дунганского языка. §. 34. - Фрунзе, 1937.
10. Б.Д. Поливанов. Фонологическая система гансуйского наречия дунганского языка. - *Җәм-җан хуади җефа (ortografija) vñti*. Вопросы орфографии дунганского языка. §. 37, 38. - Фрунзе, 1937.
11. А. и Е. Драгуновы. Дунганский язык. - ЗИВ АН СССР. VI. М.-Л. 1937. §. 120, Fusznote 1. - М.Х. Имазов. Фонетика дунганского языка. Фрунзе, 1972. §. II, 13.
12. М.Х. Имазов. Фонетика дунганского языка. Фрунзе, 1972. §. 5, 7.
13. М.Х. Имазов. Фонетика дунганского языка. Фрунзе, 1972. §. 7.
14. Ю. Цунвазы, Ю. Яншансин. Хуэйзү йуянди хёкүэфу. Ту йи буфын. Файинцүе дэ Зыфашуе. Йинви жунцүеди 5-хо дэ 6-хо класс. - Ю. Цунвазы, Ю. Яншансин. Грамматика дунганского языка (фонетика и морфология). Часть I для 5-6 классов средней школы. Фрунзе, 1959. §. 5, 12, 13, 14. - Ю. Яншансин. Жун-Ян йуянди шефа лүфу. Фрунзе, 1960. §. 19, 49, 50.
15. М.Х. Имазов. Фонетика дунганского языка. Фрунзе, 1972. §. 15, Fusznote 1.
16. Б. Д. Поливанов. Музыкальное слогуударение или "тоны" дунганского языка. - *Җәм-җан хуади җефа (ortografija) vñti*. Вопросы орфографии дунганского языка. §. 44. Фрунзе, 1937.

17. О. И. Завьялова. Тоны в дунганском языке. - В журнале "Народы Азии и Африки", 3, с. 109. Москва, 1973. - Е.Д. Поливанов. Музыкальное слогуударение или "тоны" дунганского языка. - *Ṣwɔ-jan xuadi ʃjeɣa* (orfoɣrafija) vbnti. Вопросы орфографии дунганского языка. с. 44-58. Фрунзе, 1937.
18. Ю. Жапсанов. *Ṣwɔ-jan xua litudi ʃɔɲjin de ʃwɔɲjin*. Тоны и ударение в дунганском языке. Фрунзе, 1940. - О. И. Завьялова. Тоны в дунганском языке. - В журнале "Народы Азии и Африки", 3, с. 109. Москва, 1973.
19. О. И. Завьялова. Тоны в дунганском языке. - В журнале "Народы Азии и Африки", 3, с. 115, 119. Москва, 1973.
20. А. и К. Драгунов. Über die dunganische Sprache. Reprinted from Archiv Orientalni, Vol. 8 (1936), No 1. S. 40. - Е.Д. Поливанов. Музыкальное слогуударение или "тоны" дунганского языка. - *Ṣwɔ-jan xuadi ʃjeɣa* (orfoɣrafija) vbnti. Вопросы орфографии дунганского языка. с. 51, 53, 54. Фрунзе 1937. - А. и Е. Драгуновы. Дунганский язык. - Записки Института Востоковедения АН СССР, М.-Л., 1937. т. VI, с. 123 - М.Х. Имазов. Основы дунганской фонетики. Фрунзе, 1972. с. 4, 5.
21. Е.Д. Поливанов. Музыкальное слогуударение или "тоны" дунганского языка. - *Ṣwɔ-jan xuadi ʃjeɣa* (orfoɣrafija) vbnti. Вопросы орфографии дунганского языка. с. 51. Фрунзе, 1937.

Избранные главы из истории развития
дунганского языка

П. Нурмекунд (Тарту)

Резюме

Статья рассматривает отдельные главы из более обширной работы по истории дунганского языка в целом. В работе идет речь о главах: (1) общая историческая справка о дунганских диалектах, (2) основная фонологическая единица языка дунгаз, (3) структура дунганского слога, (4) фонемный состав дунганского языка, (5) категории основных элементов языка, (6) музыкальное слоговое ударение (система тонов) дунганских диалектов, (7) перемещение экспираторного ударения в гансуйском диалекте дунганского языка.

На основе данных глав, статья дает весьма обширное представление о процессе постепенного становления дунганского языка в целом.

БОРЬБА ДУНГАН ПРОТИВ ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИХ В КИРГИЗИЮ И КАЗАХСТАН

М. Сушанло (Фрунзе)

Настоящая статья посвящена 100-летию прибытия дунган во главе с их предводителем Быйяньху М.А. в Киргизию и Казахстан. В ней повествуется о борьбе дунганского народа во второй половине XIX века против Цинской династии и уход оставшихся повстанцев в Россию, а также судьбе их потомков на новой родине.

Источником для написания данной статьи послужили архивные документы и материалы, собранные автором по данному вопросу, а также опубликованные в литературе сведения.

Дунгане (самоназвание - хуэйхуэй, лаохуэйхуэй, чжунвань)¹ накануне восстания во второй половине XIX века проживали почти по всей Цинской империи, однако очагами их расселения являлись провинции Ганьсу, Нинся, Шеньси, Цинхай на северо-западе; Юньнань - на юге; Хэбэй, Хэнань, Шаньдун - на востоке. Дунганское население имелось и в Синьцзяне, особенно в Илийской долине.

Английский исследователь В. Брумхолл в книге "Ислам в Китае" привел таблицу расселения дунганского населения в начале XX века. Как видно из нее, дунгане проживали почти во всех провинциях Цинской империи. Изучая эти данные, можно сказать, что основными местами расселения дунганского населения являлись провинции Ганьсу, Шеньси, Юньнань. В отношении же количества автор назвал приблизительную цифру², к ко-

¹ О проблеме происхождения дунганского народа см. Краткое сообщение Института этнографии АН СССР, 1951, № 1; Народы Восточной Азии. М.-Л., 1965; Очерки истории советских дунган, Фрунзе, 1967; М. Сушанло. Дунгане. Фрунзе, 1971; Этническая история народов Азии. М., 1972; Ли Ян Чжэнь - юй. Чжунго миньцзу цзяньши. Пекин, 1951; Ба Яй Шоу - и, Хань До Жэнь, Динь Иминь. Хуэйхуэй миньцзуду цзяньши хэ сяньчжуань. Пекин. 1957 и др.

² Вопрос о численности дунганского населения при Цинской династии, да и в настоящее время, является спорным. Одни предполагали, что в Китае проживало 20 млн. дунган, другие - около 5-6 миллионов. До частичной переписи населения в 1953 году в КНР насчитывалось около 8 млн. дунган, по данным этой же переписи в стране проживало 3.530.498

торой следует отнестись критически.

Там, где дунгане преобладали или составляли компактную массу, они жили отдельными поселениями в сельских районах, а в городах — отдельными кварталами. В этих кварталах и поселениях сильное влияние имели представители мусульманского культа. В союзе с эксплуататорскими элементами они поддерживали власть цинов в дунганской среде. А обособленность представляла удельную почву для насаждения вражды между дунганями и китайцами. Как известно, внутренняя, социальная политика цинов по отношению к некитайским народам строилась на столкновении интересов различных групп и народов Китая. А в области национальных отношений она предусматривала создание условий для разжигания национальной вражды между китайцами и некитайскими народами. По отношению к некитайцам цинь провоздрили политику поддержки национально-шовинистических и экспансионистских идей китайской аристократии и высшего чиновничества. Именно при Цинской династии Китай насильственно захватил и присоединил к своей империи обширную территорию некитайских народов на юге и северо-западе, на севере страны и в Тибете. Причем формы и методы угнетения некитайских народов и при цинях, которые проводили великоханьскую, национально-шовинистическую политику китайских императоров, остались прежними.

В районах расселения некитайских народов цинская власть поддерживала эксплуататорские элементы той или иной некитайской народности и опираясь на них, проводила национально-шовинистическую политику, насаждая всеобщую атмосферу страха и повиновения. Не будет преувеличением сказать, что Китай во времена Цинской династии являлся тюрьмой для некитайских народов, населявших страну.

По отношению к основной массе империи — крестьянам цинь поддерживали крупных и средних земельных собственников, а что касается арендаторов и мелких земельных собственников, то они были самой бесправной и эксплуатируемой массой со стороны государства, а также и со стороны арендодателей. Так же как и китайские крестьяне дунганское крестьянство в рассматриваемый период распадалось на три неравные группы. Первая —

дунган (Л ю й Ч ж э н ь - в й. Чунго миньцзу цзяньши. Пекин, 1951, с.10; Ба й Ш о у - и и др. Хуэйхуэй миньцзуду цзяньши хэ сяньчжуань. Пекин, 1951, с.11).

самая немногочисленная была представлена собственниками земли, вторая — держателями государственных, храмовых и военных земель и, наконец, третью группу составляли арендаторы частных земель. Положение последних было самым тяжелым. 9/10 обрабатываемой площади в Цинском Китае находились в частном владении. Частные земли находились в собственности крупных, средних и мелких помещиков, чиновников, купцов и крестьян. По данным советского ученого О.Е. Непомнина, общая площадь зачисленной в Цинские государственные кадастры земли во второй половине XIX в. в провинции Ганьсу равнялись 10.358 тыс. му³ частной и 3.996 тыс. му казенной земли, а в провинции Сичуань — 9.340 тыс. му только частной земли⁴.

Частные и казенные земли передавались безземельным крестьянам-арендаторам для обработки небольшими участками (за ги су). Арендная система издавна служила основной формой эксплуатации крестьян, получив дальнейшее развитие при цинях. Собственники земли при помощи арендной системы выколачивали у безземельных крестьян большую долю прибавочного продукта.

На северо-западе Китая дунгане в основном занимались земледелием и огородничеством, а также различными промыслами, связанными с сельскохозяйственным производством. Дунганские крестьяне выращивали рис, озимую и яровую пшеницу, масличино-бобовые растения, а также различные сорта овощей, собираемые как весной, так и осенью. Они рационально комбинировали выращивание различных видов и сортов зерновых и бобовых культур. На протяжении многих веков дунганские крестьяне с большой практической пользой использовали грабковую систему возделывания полей, создав целый комплекс сельскохозяйственных орудий, которые они с большим умением использовали в своих хозяйствах. Орудия труда удачно были приспособлены к определенным климатическим условиям и характеру обрабатываемой почвы. Многие орудия труда в рисовом хозяйстве, в макосеянии, для возделывания других зерно-масличных культур, а также для обработки бабче-огородных культур поражали своей

³ Одна му равен 0,16 га.

⁴ О.Е. Непомнин. Экономическая история Китая 1864-1911. М., 1974 (см. таблицу на с.236).

простотой и практичностью⁵.

Посев зерновых и маслично-бобовых культур проводился в большинстве случаев вручную, а полив и обработка их проходили при напряженном использовании мускульной силы арендаторов. При молотье, особенно в рисовом хозяйстве, применялись лошади и мулы для приведения в движение каменных катков.

Много труда дунганские крестьяне, работавшие от зари до зари с одной целью — прокормить семью, затрачивали на выращивание овощей. Причем здесь наравне с мужчинами трудились женщины и дети. А высокие нормы изъятия прибавочного продукта в форме земельной ренты и многочисленных налогов цинских властей на местах делали крестьянские хозяйства весьма неустойчивыми даже в годы небольших неурожадов, не говоря уже о стихийных бедствиях: засухе, наводнении или нападении саранчи.

Дунгане-арендаторы платили собственникам земли ренту, достигавшую 50 и более процентов урожая, подносили традиционные подарки, выполняли различные работы в имении собственника, несли немало еще различного рода государственных трудовых повинностей, как починка мостов, дорог, строительство дамб, каналов и т.д. Натуральные повинности нередко были более обременительными, чем налоги. Самой тягостной для дунганских крестьян была строительная повинность, в первую очередь исправление дорог и мостов в провинциях Шэнься, Ганьсу, Цинхай и, частично, в Синьцзяне. На плечи крестьян тяжелым бременем ложилось еще обслуживание фуражом и продовольствием разъезжавших по дунганским поселениям многочисленных чиновников, военной верхушки цинских войск и различных торговцев. Тяжело отражалась на дунганском хозяйстве поставка лошадей, особенно для хозяйств средних и мелких земельных собственников. Лошади играли первостепенную роль в хозяйстве дунган и как тягловая сила в земледелии, при обработке полей, уборке урожая, особенно при обмолае риса и других зерновых культур, и как средство передвижения, так как многие дунгане в северо-западных районах занимались извозным промыслом.

⁵ Многие орудия труда дунганские переселенцы принесли с собой и на новую родину в Среднюю Азию. Так, почти вплоть до конца 50-х годов в дунганских колхозах Чуйской долины Киргизии можно было еще встретить специфические орудия труда для обработки рисовых полей, обмолаа, а также очищения риса на специально построенных, с простейшими приспособлениями рисосушках.

Обман, обмеривание и обвешивание крестьян-арендаторов со стороны земледельцев цинских чиновников были обычным явлением. Так, когда землевладелец сдавал крестьянам в аренду 8 или 9 му земли, то считал их за 10 или 12 му, такая форма аренды получила название в народе "хушинзы зу", что в переводе значит "безжалостная аренда". Во время сбора арендной платы помещик пользовался специальной тарой, при которой арендатор терял в каждом весе до 10 процентов зерна; кроме того, дунганские арендаторы весной занимали рис и другие зернопродукты у торговца или ростовщика с обязательным двойным возвратом, т.е. если он брал 10 доу риса весной, то осенью был обязан вернуть 15 или 20 доу.

За несвоевременное внесение арендной платы помещики и земледельцы присваивали себе урожай арендатора, уводили скот, насильственно забирали документы на землю, опечатывали имущество, продавая его с аукциона. В союзе с земледельцами наживались и дунганские торговцы-ростовщики. Последние, используя экономическую слабость крестьян, на кабальных условиях отпускали в кредит зерно, предметы первой необходимости и орудия труда, заставляя погашать этот кредит продуктами земледелия и подсобных промыслов. В таких условиях арендаторы вынуждены были продавать продукты своего труда по искусственно заниженным ценам⁶.

В среде дунган получила распространение и такая форма кредита, когда арендаторы, да и вообще крестьяне, за продукты земледелия и подсобного промысла получали от торговцев - мироедов товары низкого качества, но по завышенным ценам. "Особенность этой формы, - писал В.И. Ленин, - состоит в том, что она свойственна не одним только мелким промыслам, а всем вообще неразвитым стадиям товарного хозяйства и капитализма"⁷. При невыплате арендной платы землевладелец арестовывал арендатора и подвергал пыткам, либо заставлял его отдать жену и детей в свой дом в качестве фактических рабов.

Арендаторы должны были в свободное от полевых работ время заниматься строительством жилых помещений для помещика, рыть канавы, сажать деревья и кустарники. В течение года арендаторы по несколько десятков дней бесплатно работали в

⁶ Некоторые формы аренды были перенесены переселенцами-дунганцами в Среднюю Азию и просуществовали до победы колхозного строя.

⁷ В.И. Ленин. Пол. собр. соч., т. 3, с. 367.

доме помещика, а их жены и невестки обязаны были работать в доме помещика в качестве служанок или кормилиц.

Представители господствующего класса имели целый арсенал средств воздействия на арендатора-крестьянина, включая судебное преследование, а на случай возмущения бедноты содержали специальные вооруженные отряды. В районах дунганского расселения эксплуататоры по своему усмотрению облагали население всевозможными податями. Не удивительно, что именно в лице местных властей и сборщиков налогов крестьяне-арендаторы видели своих врагов.

Таким образом, арендаторы-крестьяне в цинском Китае являлись самым бесправным и самым угнетенным слоем населения империи.

Крестьяне-труженики страдали не только от арендного, налогового и ростовщического гнета, но и от стихийных сил природы, нередко лишавших их жизни и имущества. Особенно большое бедствие наносили крестьянам-собственникам и арендаторам стихийные бедствия — засуха и нападение на посевы саранчи. Народ боялся этой "кары небес" едва ли не больше, чем лихоимцев-чиновников, гнета и обмана помещиков, купцов и ростовщиков.

Немаловажную роль в разложении натурального хозяйства у дунган в северо-западных провинциях сыграло развитие макосеяния. К 60-м годам XIX в. провинции Ганьсу и Шэньси были крупными районами производства опийного мака. Посев мака нарушал прежнюю структуру земледелия, его возделывание отрицательно сказалось на урожайности других культур, в первую очередь зерновых, поскольку макосеяние истощало землю и требовало больше удобрений.

Причем, для посева опийного мака в Шэньси и Ганьсу отводились лучшие участки, расширение маководства неизбежно вело к повышению арендной платы и росту цен на продовольствие, а это усиливало зависимость крестьян от помещиков, купцов и ростовщиков.

Во второй половине XIX в. налоговый гнет цинских властей в провинциях Шэньси, Ганьсу, Синьцзян, Цинхай возрастал с каждым годом. Причиной увеличения налогообложений явилась потеря цинами своей власти и доходов в наиболее богатых южных районах империи, которые были охвачены восстанием тайпинов, а также уплата большой контрибуции европейским державам и наемникам, участвовавшим в военных действиях против тайпи-

нов. Вследствие этого в годы тайпинского движения население северо-западных провинций, в т.ч. дунганское, переживало особенно тяжелые времена, так как цинские власти вводили дополнительные поборы.

Ухудшение экономического положения дунганского и другого населения в северо-западных районах страны было связано и с тем обстоятельством, что торговый путь на запад, который в начале XIX в. приобрел большое значение благодаря торговле с Россией⁸, в годы Тайпинского восстания пришел в упадок, поскольку главным поставщиком чая и других товаров были южные провинции, где полихало пламя крестьянского восстания.

По поводу дунганского восстания в Китае Г.А.Колпаковский отмечал, что ввиду восстания крестьянских масс пришли в упадок прежде цветущие промышленно-торговые города: Сиань, Ланьчжоу, Сучжоу, Аньси, Урумчи, Чугучак, Кульджа и другие, через которые осуществлялась большая торговля Китая со Средней Азией, Сибирью⁹.

Упадок этой торговли нанес тяжелый удар караванщикам, содержателям постояных дворов и вообще представителям торгового капитала у дунган особенно в провинциях Шэньси, Ганьсу, Синьцзян; не случайно эти слои населения принимали участие в движении и недовольствах крестьянских масс.

Другим фактором разорения народных масс был бесконтрольный ввоз дешевых товаров западных капиталистических стран после заключения Тяньцзиньского договора в 1858 году и открытия для них беспомышленного доступа к внутреннему рынку северо-западных провинций империи. Современники сообщали, что в результате беспомышленного ввоза иностранных товаров пришло в упадок благосостояние населения провинции Шэньси.

Снижалось кустарное производство многих металлических изделий, например, из-за ввоза лучшей и более дешевой фабричной продукции¹⁰.

Общее чувство недовольства и протеста возникало из-за неудовлетворенности экономической политикой цинского двора и

⁸ В отличие от торговой экспансии капиталистического Запада и Северной Америки сухопутная торговля России с Цинской империей в рассматриваемый период через Монголию и Восточный Туркестан (Синьцзян) характеризовалась взаимовыгодностью, причем среди русского экспорта полностью отсутствовал опиум.

⁹ ЦГИА Ленинград, фонд 967, опись I, дело 49, лист 3.

¹⁰ Richthofen's Letters, 1882-1870, p. 57.

жестоких методов и форм проведения ее властями на местах, особенно в районах некийтайского расселения. Недовольство цинским правлением в рассматриваемый период выражали все слои населения страны, поэтому любое повышение налогов и другие меры местных властей вызвали негодование народных масс и явилось толчком для перехода к открытому выступлению. Так, в донесении посланника России из Пекина от 14 апреля 1872 г. указывалось, что генерал-губернатор провинций Шаньси и Ганьсу Цзо Цзун-тан сообщал императору по поводу движения дунган, что мусульманские старшины в союзе с местными чиновниками стали больше обирать народ, что и заставило население восстать¹¹.

Притеснения цинских властей переполнили чашу терпения дунган и других жителей в северо-западных районах страны. Народные массы только и ждали удобного случая, чтобы выступить против своих угнетателей.

Остановимся кратко на роли мусульманского духовенства в жизни дунган. Духовенство имело чрезвычайно сильную экономическую базу и пользовалось престижем в обществе. Ни одно событие не обходилось без представителя мусульманского культа. "В жизни дунган мулла и ахун все заменяет, он советник их, руководитель и наставник во всех обстоятельствах жизни как важных, так и мелких", — отмечал Ф.В. Поляков¹².

Бай Шоу-и¹³ и английский исследователь мусульманства в Китае Брумхолл¹⁴ также отмечали, что дунгане находились под сильным влиянием исламской религии.

Зная это, цины поддерживали влияние мусульманского духовенства и с помощью его проводили в дунганской среде свою социальную и экономическую политику.

При расселении в сельской местности или в городах дунгане должны были соблюдать строгие правила религиозной общины-фана. Каждая из них имела молитвенный дом со своим духовным отцом. Несколько таких общин объединялись в большую общину, при ней имелась мечеть, которую возглавлял духовный деятель — имам, у которого были помощники ахун, муэдзин и газуй-су-

¹¹ АВВР. Главный архив, I-9, часть IV, 1866, дело 16, л. II.

¹² Ф.В. Поляков. Последний эпизод дунганского восстания. Берный, 1901, с. 37.

¹³ Бай Шоу-и. Чжунго исланши ганьяо цанькао цзыляо (К истории ислама в Китае). Шанхай, 1948.

¹⁴ W. Broomhall. Islam in China. London, 1910.

дья, разбиравший и мирские дела в религиозной общине.

Дунганское духовенство использовало цинскую систему местного управления - "бао-цзя" для образования религиозных общин. Система "бао-цзя" состояла в следующем: каждые 10 семей образовывали одну единицу под названием "пай", а каждые 10 пай одну единицу - "цзя" и каждые 10 "цзя" одну единицу "бао". Во главе десятка - "пай", сотни - "цзя" и тысячи - "бао" стояли назначенные цинскими властями старосты. Главная цель этой системы - контролировать поведение людей, их движение, а также вести учет населения.

Дунганское духовенство использовало эту систему, позволяющую вести учет и контроль, для объединения верующих в религиозную общину. Религиозные деятели контролировали жизнь верующих по строгим законам исламской религии. Каждый верующий должен был подчиняться неписанному закону, причем круговая порука была возведена в своеобразный культ.

Мусульманские богословы - дунгане приспособили исламское учение к своеобразной обстановке в Китае. Прав А. Палладий, отмечавший в статье "О магометанстве в Китае", что в первом мусульманском сочинении "нет ничего оригинально магометанского, все приспособлено к нравственному учению конфуцианства, как будто и другое учение основано на одних и тех же началах"¹⁵. Дунганами Китая была усвоена только внешняя сторона ислама, без существенных перемен в их древнем мировоззрении и верованиях. Существование в религии дунган старых представлений создавало условия для возникновения различных сектантских течений. Религиозная сектантская борьба у дунган в Цинской империи отмечена в исследованиях проф. Бай-Шоу-и¹⁶, Л.И. Думана¹⁷, В. Брумхолла¹⁸, В. Бейлза¹⁹, автора этих строк и в других работах.

Дунгане распадались в Цинской империи по религиозным признакам на две большие секты: ло-жэ (старая секта), цин-жэ (новая секта). Сторонники старой секты носили черную тубейку, а сторонники новой секты - белую.

¹⁵ А. П а л л а д и й. О магометанстве в Китае. Труды русской духовной миссии в Китае. СПб, 1866, с. 447.

¹⁶ Б а й Ш о у - и. Указ. соч.

¹⁷ Записки института востоковедения АН СССР, 1939, № 7.

¹⁸ W. B r o s t h o l l. Указ. соч.

¹⁹ Ть. Ть у н ' т а н г by W. B a l e s. Shanghai, 1937.

Китайская власть поддерживала сторонников старой секты в их религиозной борьбе против представителей новой секты. Религиозную сектантскую борьбу в дунганской среде цинь использовали для подавления народного движения. Интересную оценку происходящему дал русский посланник в Пекине от 10 августа 1863 г. в период начала дунганского восстания в северо-западных провинциях империи, который писал, что цинский двор рассчитывает на партию дунганских мусульман, которые желают перейти на их сторону²⁰. Эта надежда цинь оправдалась в ходе восстания, представители старой секты переходили на сторону китайских властей, облегчая цинь разгром восстания народных масс.

Выяснение истории возникновения той или иной религиозной секты в дунганской среде, места и продолжительности ее деятельности — дело чрезвычайно сложное. Дело в том, что представители духовенства ортодоксального ислама самым тщательным образом уничтожали почти все произведения, в которых излагались воззрения различных сектантских течений у дунган. А. Палладий писал: "Исповедание китайских магометан дунган — т.е. есть сунитское. Говорят, что между ними есть и шииты, но ни лично, ни из расспросов, ни в их книгах, которых у меня было 30, я не мог в том удостовериться"²¹. Однако разногласия внутри больших религиозных сект у дунган были. Эта борьба выразилась в столкновении двух сект у дунган: ло жё ("старое учение") и шин жё ("новое учение"). Религиозные секты отражали интересы отдельных групп дунганского общества. Так, руководители секты ло жё были крупными землевладельцами, являлись сторонниками циньской власти, защищали ее как могли, тогда как сторонниками шин жё были преимущественно представители торгового капитала, развитие которого в известной мере мешали феодальные отношения в стране. Не случайно деятельность секты шин жё началась в период расцвета торговли Китая со Средней Азией и Сибирью. Известно, что секты шин жё возникли у дунган во второй половине XVIII века, в период насильственного захвата территории Восточного Туркестана.

²⁰ АВПР, Главный архив, I-9, 1863, д. 12, л. 161.

²¹ А. П а л л а д и й. Указ. соч., с. 451.

Бай-Шоу-и, Хуа Ган²², Шан Юэ²³, Чжу Вэнь-Чжан²⁴ и другие писали, что Ма Мин-синь и Сусынь-сань, прибывшие из Западного края в провинцию Ганьсу, стали проповедывать новое учение цин дэ, бороться против представителей местного дунганского духовенства. Уже в конце XVIII века руководители новой секты возглавили борьбу дунганских крестьян в провинции Ганьсу. Современный китайский историк Хуа Ган пишет: "В 1781 г. мусульманское население провинции Ганьсу сделало попытку восстать. Когда руководитель подготовляемого восстания Ма Мин-синь был арестован и брошен в тюрьму, толпы мусульман ворвались в Ланьчжоу (главный город провинции - М.С.), требуя его освобождения. Кровопролитные бои с цинскими войсками продолжались несколько дней. Однако восставшие не могли овладеть тюрьмой, и Ма Мин-синь был казнен. В 1783 г. мусульманское население местности Шифынбао уезда Танвай той же провинции снова восстало, на этот раз уже под лозунгом "Отопьем за Ма Мин-сина"²⁵.

В очерках истории Китая мы читаем: "В 46-й год Цяньлун (1781) дунганы Сусыньсань поднял восстание в Синьхуатине (Синьхуа, провинция Цинхай), атаковал и захватил Хэчжоу (Линься, провинция Ганьсу), а также западные ворота Ланьчжоу ...

Ма Си-гуй, Чжан Вэнь-цин и другие, собрав еще больше дунган, подняли восстание против цинов ..."²⁶.

"Цинское правительство, видя влияние секты цин дэ на крестьянские массы дунган, издавало специальные прокламации и декреты о ее запрещении. Даже после переселения и расселения части дунганского населения из Цинского Китая в Киргизию и Казахстан борьба религиозных сект не прекратилось, а наоборот, усилилась"²⁷.

Несмотря на гонения и запрет со стороны цинской власти,

²² Х у а Г а н. История революционной войны Тайпинского государства. М., 1952.

²³ Очерки истории Китая под редакцией Шан Юэ. М., 1959, с. 552.

²⁴ C h u W e n - d i a n g. The Muslim Rebellion in North-West China 1862-1878. Paris, 1966.

²⁵ Х у а Г а н. Указ. соч., с.50.

²⁶ Очерки истории Китая под редакцией Шань Юэ, с.552-553.

²⁷ О религиозной сектантской борьбе дунган в Киргизии и Казахстане см. нашу работу: Дунгане, Фрунзе, 1971, с. 268-272.

секта цин жё расширяла свое влияние и к моменту восстания народных масс в Шэньси, Ганьсу, Синьцзян, Юньнань и в других районах уже имела довольно большое воздействие.

Как уже говорилось, цинская власть в общем поддерживала духовенство, однако к секте цин жё она относилась с опаской, видя среди ее членов антицинские настроения; это особенно проявилось в годы восстания дунган во второй половине XIX в. и в последующие периоды. Любопытно сообщение русского посланника из Пекина в Азиатский департамент МИД России от 10 августа 1863 года (начало восстания дунганского населения в провинциях Шэньси, Ганьсу, Юньнань), в котором говорилось, что цинское правительство рассчитывает на некоторые партии дунганских мусульман, которые желают перейти на сторону цинского государства²⁸.

Ставка на некоторую часть дунганского духовенства оправдалась: в ходе восстания одна часть духовенства, в первую очередь представители секты - ло жё, перешла к цинам и активно помогала последним в подавлении восстания в северо-западных районах империи, поскольку ее представители являлись крупными помещиками и владельцами больших участков земли. Для них, видимо, восстание дунганских крестьян, так же было опасно, как и для цинской власти.

Дунганские купцы и торговцы к этому времени пользовались значительным влиянием, несмотря на неблагоприятные условия для их торговли и высокие налоги цинской администрации. Многие авторы отмечали, что купцы - дунгане играли важную роль в торговле в северо-западных районах страны. Так, М.В. Веников отмечал, что дунгане северо-западного Китая в большинстве случаев были торговцами или ремесленниками²⁹. Следует сказать, что средние и мелкие торговцы, связанные с рыночной торговлей и отчасти еще не выделившиеся из среды ремесленников, были выходцами из простых слоев населения, но сведения о них чрезвычайно скудны. Дунганское купечество и ростовщики были тесно связаны с земледелием. А в большинстве же случаев купцами или ростовщиками являлись те же помещики, жестоко эксплуатировавшие крестьян.

В дунганской среде широко была распространена торговля

---

²⁸ АВПР. Главный архив, I-9, 1963, дело I2, л. I6I.

²⁹ М. В е н и к о в. Очерк современного Китая, СПб, 1900, с.19.

вразнос. Бродячие торговцы еще сводили концы с концами, зарабатывая, как правило, лишь на пропитание. Торговля вразнос получила распространение впоследствии у дунган в Семиречье. Мелкие торговцы были посредниками между торговыми домами, с одной стороны, и покупателями, с другой.

Отметим, что большинство дунганских торговцев относилось к цинской администрации на местах с недоверием, поскольку последняя ограничивала их деятельность. Именно это обстоятельство и послужило главной причиной участия торговцев в восстании дунганского крестьянства. Участвуя в движении народных масс, дунганские купцы и торговцы преследовали определенную цель — добиться от цинского правительства признания за ними права свободной торговли и уменьшения налогового обложения.

В восстании дунганского крестьянства принимали участие различные деклассированные элементы, именуемые в докладах цинской администрации "зый коу" (разбойники или воры). Официальные документы цинских властей обвиняли их в причастности к повстанческому движению, принимая значение и роль народных масс в борьбе против цинов. В заключение приведем слова советского историка В.Н. Никифорова о состоянии дунганского общества в период антицинского восстания во второй половине XIX в.: в Китае "трудно провести четкую грань между низшими слоями эксплуататоров и верхними слоями эксплуатируемых. Между ними не видно той социальной пропасти, которая отделяла европейское наследственное дворянство от крестьянства"³⁰.

Острота социальных и национальных противоречий в районах проживания некитайского населения достигла предела. Дунгане стали открыто выражать недовольство цинским правлением.

Известно, что в 50-е годы Цинскую империю потрясло крестьянское движение тайпинов. Именно под его влиянием оживилась борьба некитайских народов — дунган, уйгуров, мяо, монголов и других против цинской феодальной диктатуры. Под непосредственным влиянием тайпинов дунганское население в провинции Юньнань первым подняло антицинское восстание под руководством Ду Вэнь-си или Сеида Сулеймана. Хотя тема восстания юньнаньских дунган является объектом специального исследования, однако оно тесно связано с событиями дунганского

³⁰ Роль традиции в истории и культуре в Китае. М., 1972, с.237.

остатки в северо-западной части империи, тем более что Яньаньху Мухамед Аньюб принимал участие в борьбе юньнаньских дунган против Цинской династии.

Дунгане Юньнани связаны с дунганами северо-западной части страны не только общностью происхождения, но и тяжелой судьбой, одинаково испытывая несправедливость и жестокое национальное угнетение со стороны Цинской династии. На протяжении длительного периода дунгане Юньнани не раз поднимали восстания против своих притеснителей. Резкий протест юньнаньских дунган против цинского гнета особенно ярко проявился в период тайпинского крестьянского движения. Под влиянием тайпинов дунгане в провинции Юньнань открыто проявляли массовое недовольство и протест против цинских властей. Это послужило поводом генерал-губернатору провинции Юньнани Хэн Чуню для массового истребления дунганского населения. По его приказу только в городе Юньчане цинские солдаты вырезали 8 тыс. дунган³¹. Юньчанская резня послужила сигналом к всеобщему восстанию дунганского населения Юньнани против режима цинской династии и привела фактически к падению их власти в провинции. В конце 1855 года повстанцы захватили главный город провинции Дали. Руководителем и вожаком юньнаньских дунган был Ду Вэнь-сю. Ему удалось при активной поддержке народа свергнуть цинскую администрацию в провинции Юньнань и впервые в истории дунганского народа создать национальное государственное образование под названием "Пиннаньго", что значило "Южное государство мира".

Возникновение государственного объединения у дунган на юге страны явилось прогрессивным актом, оно было создано в результате народного движения против цинского деспотизма, в борьбе за спасение дунганского населения от поголовного уничтожения. В этом прогрессивная суть появления названного государственного объединения "Пиннаньго". Главная задача "Пиннаньго" состояла в защите дунганского населения от поголовного уничтожения со стороны местных китайских властей, получающих материальную и моральную помощь правящей династии.

Возникшее государство просуществовало недолго. Основной причиной этого было то, что Ду Вэнь-сю не смог решить аграрную проблему.

---

³¹ Ф а н ь В э н ь - л а н. Новая история Китая. М., 1955, с. 250.

Внутренняя структура государства "Пиннаньго" оставалась полуфеодалной, все ключевые позиции в нем заняли родственники и близкие Ду Вэнь-си. Земля сосредоточилась в руках главных руководителей повстанцев и представителей мусульманского духовенства, которые стали на путь личного обогащения, что и оттолкнуло многих крестьян-повстанцев. Вскоре внутри государства "Пиннаньго" появились оппозиции против деятельности Ду Вэнь-си и его сторонников, а некоторые ~~везики~~ встали на путь предательства. Первыми перешли на сторону Цинской династии Ма Да-синь и Ма Шу-дун - предводители юньчанских дунган. Раскол и предательство заставили главного руководителя Ду Вэнь-си искать путь к спасению за пределами родного края. В 1871 году он направил своего сына Ду Айнань в Англию и Турцию в поисках поддержки. Однако эта поездка не принесла спасения руководителю восстания, наоборот, англичане стали помогать Цинской династии в ликвидации очага восстания в провинции Юньнань, поскольку Цинский Китай уже капитулировал перед западными державами и стал превращаться в их полуколонию. Турция же тоже не оказала какой-либо помощи повстанцам, так как сама была втянута в Балкано-крымские дела.

Раскол же в среде повстанцев явился одной из главных причин падения государства "Пиннаньго", чем незамедлительно воспользовались китайские генералы для подавления народно-освободительного движения в провинции Юньнань. Когда цинцам в 1873 году опять удалось подчинить Юньнань, то началась жестокая расправа над мирным дунганским населением. Резня была настолько страшной, что численность дунган в провинции значительно сократилась. Новый генерал-губернатор Юньнани Лао Чун-гуан докладывал цинскому трону, что все обследованные местности крайне разорены, а поля заброшены³². Жестокость китайских солдат произвела удручающее впечатление даже на представителя правящей династии.

В год гибели дунганского государства "Пиннаньго" на больших просторах северо-западной части страны происходили ожесточенные сражения между повстанцами-дунганами и цинскими войсками под командованием китайского генерала Цзо Цзун-тана, палача и тирана неханьских народов.

Отметим, что некоторая часть дунганского населения в провинциях Шэньси, Хэбэй, Хэнань и др. принимала активное

³² Ф а н ь В э н ь - л а н. Указ. соч., с.251.

участие в восстании народных масс в провинции Юньнань. Так, Бай Шоу-и³³, Линь И-минь³⁴, Дуань Цзи³⁵, Ма Сяо-ши³⁶, Линь Гань³⁷, Фан Пу³⁸ и другие в своих работах и статьях о событиях тех лет отмечали, что дунгане северной части цинской империи участвовали в восстании Ду Вень-сю в провинции Юньнань.

В книге "Сибэйди шаошу миньцзу" приводились факты участия Бай Янь-ху, Хе Минь-тана, Чжан У³⁹ и других в восстании юньнаньских дунган и после их возвращения в начале 60-х годов XIX в. в провинцию Шэньси, где они вновь стали формировать повстанческие отряды для борьбы против Цинской диктатуры и китайского деспотизма в дунганских районах северо-западной части империи. После успешного начала восстания в северо-западных провинциях дунганские повстанцы стали создавать в очагах движения свои государственные объединения по типу "Пиннаньго". Такие объединения возникли в районах восстаний в Панляне, Нинся и в Восточном Туркестане.

Внутренняя структура этих объединений мало чем отличалась от структуры "Пиннаньго". Во главе повстанческого объединения стояли дунганские феодалы, торговцы или же крупные представители мусульманского духовенства; последние имели большое влияние в дунганской среде. Выше уже отмечалась роль мусульманского духовенства в жизни народа. Здесь же следует остановиться на той роли, которую играли представители мусульманского культа в движении народных масс.

Ко времени движения дунган против цинской диктатуры в северо-западной части империи ислам с его нетерпимостью к другим религиозным течениям и воинственностью пустил глубокие корни в народе. Представители религиозного культа контролировали жизнь каждого верующего в каждой дунганской семье. В то же время духовные деятели насаждали покорность и вер-

³³ Бай Шоу-и. Хуэйминь цийи. В 4-х томах. Пекин, 1952.

³⁴ Линь И-минь. Синьчжунгода хуэйхуэй миньцзу. Пекин, 1958.

³⁵ Дуань Цзи. Сибэй хуэйцзуду фаньпин дачжан. Шанхай, 1957.

³⁶ Ма Сяо-ши. Сибэй хуэйцзу гаминь цзяньши. Шанхай, 1952.

³⁷ Линь Гань. Циндай хуэйцзу цийи. Шанхай, 1957.

³⁸ Фань Пу. Сибэйди шаошу миньцзу. Шанхай, 1956.

³⁹ Там же, с. II 3.

ность власть имущим, национальную исключительность и религиозный фанатизм, а также враждебность и нетерпимость к представителям других религиозных течений.

В рассматриваемый период само дунганское духовенство распалось на три группы. К первой группе примыкали высшие деятели дунганских мечетей, владевшие большими площадями земли, а также крупные торговцы и ростовщики. Примером может служить Ма Хуа-дун, который являлся духовным отцом дунган "Шисан тэе", крупным помещиком и торговцем.

К второй группе относились имамы крупных мечетей в районах дунганского расселения, а также руководители старой и новой секты, мюридских школ-дотонов.

И, наконец, к третьей, плебейской группе дунганского духовенства относились сельские и городские муллы. Эта была самая многочисленная группа деятелей дунганского духовенства, их существование было сравнительно близко к жизни народных масс, они нередко разделяли и настроения трудового народа. Именно из их рядов выходили идеологи движения народного неповиновения. Многие из них, выступив совместно с трудовым народом, пали в борьбе против цинского господства.

Отношение представителей этих трех групп дунганского духовенства к народному движению было неодинаковым. Высшее духовенство открыто не примыкало к восставшим массам, а держалось выжидательной позиции. Духовенство второй и третьей групп сразу же примкнуло к восставшим массам, а некоторые из них выдвинулись в ряды руководителей повстанцев, особенно в провинциях Ганьсу, Нянся и Восточного Туркестана.

Высшее и среднее дунганское духовенство, примкнув к восставшим крестьянам, во многих местах возглавляло движение, направляя его по нужному им направлению. Этим объясняется разрозненность выступлений дунганского крестьянства в провинции Шеньси и Ганьсу. Они же были главными противниками в соединении повстанческих сил дунган с остатками тайпинской армии, а также с силами няньцзуней. Кроме того, видя, что восстание шло на убыль, многие из высших и средних представителей дунганского духовенства встали на путь прямого предательства, переходя открыто на сторону цинов.

Лишь плебейская группа дунганского духовенства стойко держалась и была активной участницей народного восстания в рассматриваемый период. Многие из ее представителей погибли на полях сражения, а некоторые боролись до конца и вместе с

Бийяньху, М.А., Мадажнем, Дасыфу бежали в Россию. Таково было отношение к повстанцам и участие различных групп дунганского духовенства в восстании крестьянских масс. Выше уже отмечалась расстановка классовых сил и социально-экономическое положение дунганского народа накануне восстания. Причины, этапы дунганского восстания, да и сам ход событий уже достаточно освещены в литературе. Ниже будут рассмотрены такие вопросы, как связь дунганских повстанцев с западными няньцзюнями, с остатками тайпинской армии, с повстанческими силами в других районах северо-западной части Цинской империи.

Известно, что дунганское восстание в северо-западных провинциях Китая началось в период спада тайпинского движения, в период раскола няньцзюнской армии на восточную и западную. Исследователи⁴⁰ указывали, что дунгане в провинции Шэньси восстали в результате прихода на юг остатков тайпинской армии и с занятием ими некоторых уездных городов — Ханьчжуна, Шаньяна, Вейнана и др.

Цинское правительство объявило дунган прямыми соучастниками движения тайпинов и виновниками падения цинской власти на юге Шэньси. Это послужило поводом для издания специального указа об истреблении дунганского населения этой провинции. Дунганским старшинам стал известен этот указ, вызвавший повсеместно взрыв народного возмущения. Более того, дунганам Китая был хорошо известен тайный прием цинов по истреблению некитайских народов в других районах Китая, в том числе и дунган в провинции Юньнань. В свое время юньнанские дунгане также были обвинены в помощи тайпинам, затем последовала страшная резня. Юньнанская трагедия была известна дунганам и других районов страны по рассказам очевидцев и участников события. Опасаясь повторения событий в провинциях Шэньси и Ганьсу, дунганские старшины стали формировать специальные отряды. В начале 60-х годов такие отряды возникли почти во всех дунганских поселениях провинции Шэньси и отчасти Ганьсу.

⁴⁰ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М., 1955; Хуа Ган. История революционной войны тайпинского государства. М., 1956; Илюшечкин В.И. Крестьянская война тайпинов. М., 1967; Чеканов Н.К. Восстание няньцзюней. М., 1963 и др.

Идея создания специальных формирований самозащиты дунганского народа принадлежит Бийяньху М.А. и его соратникам по борьбе с пинями в пинских районах империи. Они имели уже опыт борьбы с пинскими войсками при помощи таких народных отрядов.

По возвращении в провинцию Шэньси, Бийяньху и его друзья советовали дунганским старшинам создать специальные отряды самозащиты, зная заранее, что рано или поздно столкновение между китайцами и дунганами должно произойти и здесь, и сам начал собирать вокруг себя людей.

Следует отметить, что отряд Бийяньху М.А. был одним из первых антипинских сил в дунганских поселениях провинции Шэньси, да и всего северо-западного Китая. В статье Фань Пу верно подмечено, что Бийяньху был самым первым руководителем повстанцев-дунган в районах Вейнани и Дали⁴¹.

По примеру Бийяньху М.А. антипинские отряды появились во всех дунганских пунктах провинции Шэньси и Ганьсу, и к началу дунганского восстания насчитывалось 18 больших формирований или отрядов (жибо да йин).

Непосредственным толчком к началу восстания дунганского населения послужил приход в провинции Шэньси и Ганьсу остатков тайпинской армии, а также отрядов няньцзуней. Но почва для выступления некитайских народов в северо-западной части империи была подготовлена всем ходом социально-экономического развития пинского Китая накануне и в период тайпинского восстания и капиталистической агрессии.

Следует подчеркнуть, что с начала Тайпинского восстания налоговый гнет пинских властей в провинциях северо-западного Китая увеличивался с каждым годом. Вследствие этого в 50-е годы некитайское население северо-западных провинций переживало особенно тяжелые времена, поскольку пинская власть выжимала последние соки из тех районов, которые еще не были охвачены восстанием народных масс.

На невыносимое положение народных масс указывал даже пинский историк "Краткая история Ганьсу, Нянси и Цинхэя". "В последние годы Сяньфэя, вследствие войны Тайпинского государства, нормы поставок для северо-запада были значительно

⁴¹ Фань Пу. Бийяньху и восстание дунганского народа в северо-западном Китае. - "Гуаньминь жибао" от 26 мая 1958 года.

увеличены, и так как прямых налогов оказалось недостаточно, стали вводить в большом количестве различные обложения и тяжелые поборы⁴².

Таким образом, резкое усиление ограбления дунганского населения со стороны центральных и местных властей явилось главной причиной восстания.

Последней каплей, переполнившей чашу народного терпения, были слухи о готовящейся расправе над дунганским населением со стороны цинов. К тому же эти слухи подкреплялись фактами массовых разрушений дунганских поселений и убийств невинных людей карателями цинских отрядов, посланных для уничтожения тайпинской армии и отрядов няньцзюней на стыке трех провинций — Шэньси, Хубэй и Хэнань на юге Шэньси.

С самого начала дунганского восстания повстанцы не имели стратегической программы, определенной цели и единого руководства. Разобщенность движения, видимо, и явилась одной из главных причин неприсоединения и солижения дунганских повстанцев с основными силами тайпинской армии Чэнь Дэ-цая. Последний также допустил тактический промах, не доведя до всех руководителей дунганского восстания целей и задач прихода его армии в Шэньси. Хотя командиры тайпинской армии посылали своих вербовщиков-агитаторов в дунганские районы, однако их призывы остались почти без откликов, ибо дунгане нередко относились к ним с большой предосторожностью, т.к. тайпинские агитаторы-вербовщики были китайцами. А отношения, как говорилось выше, между дунганцами и китайцами были настолько натянуты, что малейшее недоверие могло привести к взрыву, к противоборству.

Посланцы дунганских повстанцев, отправленные некоторыми руководителями к тайпинам, также не находили должного понимания со стороны командования тайпинской армии.

Совместная борьба (имеем в виду соединение тайпинской, няньцзюнской армии с восставшими дунганцами) подразделяется на два периода. Первый период охватывает май 1862 и конец 1863 года, когда тайпинская армия, вступив на территорию юга Шэньси, сковала действия цинской армии и создала благоприятную обстановку для восстания дунган. Особенность этого периода заключается в том, что подъем и спад дунганского дви-

---

⁴² Цит. по книге Н.К. Ч е к а н о в а. Восстание няньцзюней, с.131.

жения всецело зависели от успехов борьбы тайпинской и няньцзунской армий против правящей династии.

Быйяньху М.А., Хэ Минь-тан, Жэнь У и другие вожди движения в этот первый период стали подлинными руководителями своего народа в борьбе против Цинской династии. Уже тогда они убедились, что некоторые руководители встали на путь предательства и измены интересов народных масс. Такими попутчиками оказались Сунь Юйбао, Эр Хэ-чжоу, Ма Фу-чин, Ма Бо-лин и другие. Несмотря на предательство с их стороны, Быйяньху М.А. и его соратники по борьбе искали пути объединения повстанческих сил, главным образом в провинции Ганьсу. Здесь к концу 1863 года после падения Цинской власти образовались следующие очаги восстания: на севере в округе Нинся, в округе Хэ-чжоу, в округе Синин, в округе Сучжоу. Руководителями движения здесь стали Ма Хуа-дун, Ма Чжань-ао, Ма Вэнь-лу, Ма Юн-фу - четыре Ма. Все они принадлежали к богатым и состоятельным дунганским семьям. Некоторые из них являлись духовными руководителями дунганского населения на северо-западе страны и принадлежали к числу высшего духовенства.

Успешные действия дунганской повстанческой армии в этот период объясняется в первую очередь присутствием в Шэньси армии тайпинов. Появление тайпинских отрядов в этих районах наводило панику и дезорганизовывало войска цинов. Местная и центральная цинская власть делали все, чтобы воспрепятствовать объединению дунганских повстанцев с армией тайпинов, посылая отборные части во главе с несколькими генералами, чтобы помешать объединению дунган с тайпинами.

План объединения повстанческих дунганских сил с тайпинской армией осуществить не удалось, так как в начале 1864 года по приказу Хун Сю-цзяня войска Чань Дэ-цая были срочно переброшены из района Шэньси для спасения столицы тайпинского государства. Прибывание тайпинской армии в этом районе во многом облегчало дунганам их борьбу против цинов. Н.К. Чеканов отмечает, что "... западный поход тайпинов сыграл важную роль в развитии освободительного движения в Китае. Он не только всколыхнул широкие массы крестьянства северо-западного Китая на революционную борьбу, но и явился одной из первых, хотя и неудачных попыток повстанцев различных национальностей объединить свои усилия и направить их к одной це-

ли - ниспровержению Цинов ...⁴³.

Совместная борьба тайпинов и дунганских повстанцев против цинов явилась ярким примером сотрудничества различных национальных антицинских сил, хотя этому сотрудничеству и противились определенные круги внутри дунганского движения. Сотрудничество между дунганскими повстанцами и тайпинами имело большое значение и для некоторых вожаков няньцзуней, как Лай Вэнь-гуан, Ма Хун-хэ, Цю Кань-цай и другие, которые, познакомившись с условиями борьбы дунганских повстанцев, подготавливали почву для прихода в Шэньси западной армии няньцзуней.

Общаясь с тайпинами, вожаки дунганских повстанцев приобретали известный опыт и знакомство с методами борьбы тайпинской армии. Например, дунганские повстанцы успешно применяли такие формы борьбы тайпинских отрядов, как маневрирование, внезапность нападения, ложный уход и т.д. Уже после ухода тайпинов дунганские повстанцы сумели нанести ряд чувствительных ударов превосходящим силам цинской армии.

Уход тайпинской армии Чань Дэ-цая и раскол в лагере дунганских повстанцев в провинции Шэньси заставили Байяньху, Хэ Минь-тана и Жэнь У сконцентрировать повстанческие силы в единый кулак для дальнейшей борьбы с цинской армией. С этой целью они вышли на соединение с повстанцами - дунганами в провинции Ганьсу. Дунганские вожаки отправили свои семьи под охраной вперед к границе Ганьсу, а сами, разделившись на многочисленные группы, вторглись в глубь южных районов Шэньси, занятых цинами, и этим маневром они скрыли направление своего главного удара. Повстанцы нанесли неожиданные удары по основным силам цинов в округах Пинлянь и Цинян, возглавляемых генералами Луи Чжэнь-ванем и Чжан Цзай-шанем. Места эти были хорошо известны Байяньху М.А., т.к. его детство и юность прошли в этих районах. Успехи дунганских повстанцев были настолько ошеломляющими, что правительство Цинской династии приняло специальный эдикт о назначении генерала Цзо Цзун-тана главнокомандующим экспедиционной карательной армии для подавления движений дунганского и других нектитайских народов на северо-западе империи.

---

⁴³ Н.К. Чеканов. Указ. соч., с.133-134.

Узнав о благополучном прибытии их семей в район Дунчжиань, Бийяньху М.А., Ха Минь-тан и Янь У стали собираться туда. В это время один из ближайших соратников Бийяньху М.А. — Янь У получил в одной из стычек с цинами смертельную рану. Повстанцы похоронили его и после воссоединения всех сил в районе Дунчжиань провозгласили руководителем всех повстанцев-дунган Бийяньху Мухамеда Аньюба. В литературе отмечалось, что в районе Дунчжиань собрались разрозненные силы дунганских повстанцев из Шеньси и отчасти и из Ганьсу. Так, Дуань Цзи⁴⁴ писал, что в районе плоскогорья Дунчжиань повстанцы сформировали новую армию под командованием Бийяньху, Фань Пу в статье "Бийяньху и восстание дунган на северо-западе" также отмечал, что отряд Бийяньху был одним из самых ранних антицинских сил в районе Вейнань и Дали, он стал главным и в районе Дунчжиань⁴⁵.

В течение почти трех лет, с весны 1865 г. по 1867 г. дунганские повстанцы совершали набеги и наносили неожиданные удары по позициям цинских войск. Долгое время цины не знали базу повстанцев в Дунчжиане, которые могли там даже заниматься земледелием.

Плоскогорье Дунчжиань находится в районе Тяньшуй на стыке двух провинций — Ганьсу и Шеньси. Оно защищено со всех сторон горами. Все подходы к плоскогорью хорошо охранялись повстанцами, которые превратили этот район в свою опорную базу. Отсюда Бийяньху М.А. посылал своих людей для связи с другими очагами дунганских повстанцев, а также для подъема народных масс на борьбу против цинов. В результате к Бийяньху М.А. потянулись люди из различных уголков Шеньси, Ганьсу и Цинхая. По воспоминаниям Ликокуя⁴⁶, в лагере Дунчжиань осталось даже некоторое количество тайпинов, прозванных дунганами "чанмао", что значит люди с длинными волосами на голове. Приток новых сил был настолько велик, что в конце концов плоскогорье Дунчжиань стало главной базой повстанческой армии дунган Шеньси и Ганьсу.

---

⁴⁴ Дуань Цзи. Указ. соч., с.25.

⁴⁵ "Гуаньминь жибао", 25 мая 1968 г.

⁴⁶ Ф.В. П о я р к о в. Указ. соч., с.23.

Сосредоточив основную силу в этом районе, Быйяньху М.А. и его ближайшие соратники по борьбе не только стали совершать набеги на позиции цинов, но и готовили резерв, обучая вновь прибывших повстанцев. Об этом среди дунганского населения в Киргизии и Казахстане до сего времени ходит множество легенд и рассказов⁴⁷.

Словом, повстанческая база в Дунчжидань сыграла важную роль в сосредоточении сил восставших, в подготовке к длительной борьбе дунганских народных масс против карательной армии генерала Цзо Цзун-тана.

Наступившая некоторая передышка в этот период объяснялась обстановкой в стране. Цинам еще не удалось полностью ликвидировать тайпинскую армию, хотя столица тайпинов пала, однако даже разрозненные их силы еще давали о себе знать. Кроме того на просторах северо-китайской равнины, особенно в провинциях Аньхуэй, Цзяньсу, отчасти Хэнань и Шаньдун, разразилась большая крестьянская война, вошедшая в мировую историю как восстание няньцзюней⁴⁸. Движение было настолько сильным и опасным, что цинское правительство даже объявило осадное положение в столице династии г. Пекине. Цини напрягли все средства и силы борьбы против остатков тайпинской армии, а также в ликвидации очагов няньцзюнских движений. Для пополнения казны и других материальных ресурсов правительство прибегало к помощи крупных китайских феодалов, а также капиталистических стран Запада и Америки.

В рассматриваемый период няньцзюнская армия, усиленная остатками тайпинов, распалась на две части - восточную и западную. 20 октября 1866 года западная колонна няньцзюнской армии вышла из района Чэньлю, вступив в южный Шэньси. Более двух месяцев она вела маневренную войну против цинских войск в районе долины реки Вэйха.

⁴⁷ См. Ф.В. По я р к о в. Указ. соч., стр. 23-41; дунганский писатель А. Арбуди собрал значительный материал о Быйяньху М.А., готовя литературное произведение.

⁴⁸ Подробно см. работу: Н.К. Ч е к а н о в. Восстание няньцзюней. В ней автор использовал трудные и малодоступные источники по истории этого движения, главным образом на китайском языке. Она представляет существенный вклад в советскую востоковедческую науку по изучению крестьянских движений XIX века в Китае.

Прибытие части няньцзунской армии в южный Шэньси привело к активизации действий дунганских повстанцев в этой провинции и особенно в провинции Ганьсу, поскольку последняя стала очагом повсеместного выступления дунганского населения против цинов, власть которых во многих округах провинции пала. Монгольское население на севере, а мяоское на юго-западе по примеру дунган Шэньси и Ганьсу поднимали восстание против цинов. Поэтому прибытие западной колонны няньцзунской на юг Шэньси сильно обеспокоило цинское правительство. Прежде всего, оно опасалось соединения няньцзунской армии с повстанцами дунган, действовавшими в Шэньси и Ганьсу. Хотя с приходом няньцзунской армии и усилилась активность дунганских повстанцев, однако соединения их сил или совместно скоординированных действий все-таки не произошло, как правильно отмечал В.П. Илюшечкин, "... по причине глубоко укоренившейся межнациональной и религиозной розни, которая особенно усилилась в северо-западных провинциях Китая в те годы ..." ⁴⁹.

Приход няньцзунской армии в провинции Шэньси облегчал действия дунганских повстанцев, поскольку здесь сосредоточились значительные силы цинов, тем самым облегчая действия дунган в провинциях Шэньси и Ганьсу. Но даже эту благоприятную обстановку многие руководители дунганских повстанцев не использовали для объединения сил, они только расширяли свое влияние в том районе, который контролировали.

Действия няньцзунской армии в южной части Шэньси беспокоили цинское правительство; указом от 25 октября 1866 года главнокомандующим карательной армией для подавления дунганского восстания и восстановления власти цинов на юге Шэньси был назначен Цзо Цзун-тан. Генерал Цзо Цзун-тан получил от цинского правительства широкие полномочия как наместник Шэньси и Ганьсу и императорский уполномоченный по борьбе с повстанцами в северо-западных провинциях Китая. С лета 1867 года он начал стягивать свои войска к Шэньси, сужая район действия няньцзунской армии. Причем цинские войска имели большой опыт борьбы по подавлению народных восстаний и были намного лучше вооружены, чем повстанцы. Бои и стычки не приносили здесь успехов няньцзунской армии и она стала уходить на север, а в декабре после получения известий о критическом

---

⁴⁹ В.П. Илюшечкин. Указ. соч., с.380.

положении восточной армии в Шаньдуне, поспешила к ней на помощь. С уходом западной армии няньцзюней из Шэньси дунганские повстанцы стали готовиться к защите занимаемых ими районов Цзинцзипу, Хэчжоу, Сининь, Дунчжюань, Сучжоу, Дядао и др.

26 ноября 1868 г. генерал Цзо Цзун-тан прибыл в город Сиань и начал активные приготовления для подавления дунганского восстания. К этому времени ему удалось подтянуть свои войска из провинции Чжэцзяна и Фуцзяня и уничтожить последние отряды няньцзюнской армии в районе Шикина на северо-западе провинции Шаньдун. С гибелью последних отрядов няньцзюней завершилась многолетняя борьба крестьянских масс, вошедшая в историю под названием борьбы "факельщиков".

До весны 1872 г. повстанческие отряды вели маневренную войну, внезапно нападали на карательную армию Цзо Цзун-тана. В это же время Бэйяньху и другим предводителям стало известно о добровольном переходе к цинам некоторых лидеров хэчжоуских дунган. Они приняли необходимые меры предосторожности, отправив свои семьи с детьми, стариками и женщинами далеко вперед, а сами встали на защиту восточной части Ганьсу, превратив этот район в сплошной лагерь сопротивления. Цзо Цзун-тан докладывал императору, что шэньсийские повстанцы сопротивлялись в районе Хэчжоу до самоуничтожения⁵⁰. В боях на востоке Ганьсу карательная армия поплатилась жизнью двух генералов и тысячами убитых солдат. Только 18 марта цинам удалось захватить Хэчжоу. С падением этого города восточная часть Ганьсу была полностью подчинена цинскому правительству.

Остатки шэньсийских повстанцев во главе со своими предводителями отступали в глубь провинции Ганьсу и двигались к западной ее части для соединения с повстанцами саларами⁵¹ в районе Синина. Саларская община, как известно, восстала против цинской власти еще в 1862 году, но тогда цинским войскам удалось потопить в крови это движение. Многие салары ждали удобного случая для мщения, тем более, что основная масса саларского населения во главе с Ма Дэ-сином скрылась в труднодоступных горах.

⁵⁰ Доклад Цзо Цзунтана императору от 12 декабря 1871 года (Чжунго Бэйцзинь дананьцзюй минци лишэ дананьгуань хуэймин ций).

⁵¹ Салары - народность тюркского происхождения.

К приходу шэньсийских и остатков хэчжоуских повстанцев в районе Синина было уже сосредоточено более 70 тыс. повстанцев. Это количество значительно увеличилось с приходом шэньсийских и хэчжоуских отрядов. Также, как и в округе Хэчжоу, повстанцы превратили округ Синин в сплошную зону защиты, причем каждый отряд защищал определенный пункт. По указанию Бийяньху и других руководителей, повстанцы отказались защищать город Синин, предоставив его защиту местным дунганам, среди которых имелись соглашатели-предатели. В защите Сининского округа принимали участие восставшие дунгане, салары, монголы и тибетцы. В течение более трех месяцев объединенные силы повстанческой армии изматывали карательные войска Цзо Цзун-тана. Повстанцы упорно защищали каждый пункт, каждый горный проход. Но натиск карательной армии усиливался с каждым днем, в ход пускалось не только новое легкое огнестрельное оружие западных образцов, но французские и английские пушки. Специальные представители генерала Цзо Цзун-тана получали это оружие в Шанхае и переправляли его в действующую армию цинов в Шэньси и Ганьсу. Поставщиком оружия для карателей был глава шанхайских купцов - Ху Гуань-тан, последний также поставлял карателям продовольствие и обмундирование. Для расчета с шанхайскими купцами генерал Цзо Цзун-тан прибегал к грабежу населения и занимался спекуляцией. Знаменитый русский путешественник и ученый Н.К. Пржевальский писал по поводу спекуляции генерала Цзо Цзун-тана: "Главномандующий Цзо Цзун-тан во время своего долгого пребывания в Сучжоу закупил сразу весь опиум, находившийся в лавках купцов. Затем запретил продажу этого продукта; сам же продавал его солдатам по двойной цене. Вот какой аферой занимался "главнокомандующий", уж нечего говорить о мелких начальниках"⁵².

Несмотря на исключительную храбрость повстанцев, они, естественно, не могли устоять перед регулярной армией, вооруженной новейшим огнестрельным оружием западных стран, перед французскими и английскими пушками карателей. Тем не менее повстанцы, особенно мелкие конные отряды шэньсийских повстанцев, наносили чувствительные удары карательной армии Цзо Цзун-тана.

Русский врач и путешественник П.А. Пясецкий писал об

---

⁵² Сборник географических-топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск I, 1883, с.297.

озабоченности главнокомандующего в связи с получением известия о действиях Бийяньху. "Он сильно пал духом и целый день ходил по комнате из угла в угол, размышлял о том как выйти из затруднительного положения"⁵³. Для него шэньсийские повстанцы во главе с Бийяньху представляли самого грозного противника во всей компании по подавлению восстания неханьских народов на северо-западной окраине Цинской империи.

В лагере защитников Сининского округа не было согласованности в борьбе против карательной армии. Разобщенность между шэньсийскими, хэчжоускими, саларскими и самими сининскими повстанцами облегчала карательной армии подавление очагов восстания по частям - излюбленным приемом Цзо Цзун-тана. Более того, в среде повстанцев дунган наметилось предательство со стороны некоторых местных руководителей. Повторилась картина хэчжоуского предательства; 19 января 1873 года ворота Синина были открыты предателями борьбы за крестьянскую свободу - Ма Гу-панем и Ма Вэнь-панем и др. С падением этого города вся южная часть провинции Ганьсу перешла в руки карательной армии. Цзо Цзун-тан издал приказ о поголовном уничтожении всех подозреваемых в участии в восстании, 9 тыс. невинных людей были казнены в течение одной недели⁵⁴.

Шэньсийские и часть ганьсуйских повстанцев из южной части Ганьсу направились на запад, в округ Сучжоу; он являлся самым крайним городом на западной границе внутренней империи. До насильственного захвата цинами Восточного Туркестана Сучжоу являлся западным пограничным пунктом империи. Этот город служил для защиты западных границ Китая. По существу Сучжоу являлся воротами на запад и во Внутренний Китай. Город был хорошо укреплен и приспособлен к обороне. Зная это, повстанцы из внутренних районов, решили дать бой карательным войскам. Они с местными повстанцами разработали план защиты города, разделив свои силы на три группы. Первая из них под командованием Бийяньху М.А., в основном шэньсийцы, действовали небольшими отрядами в окрестностях города, нанося внезапные удары карательной армии, разрушая коммуникации и мешая снабжению; вторая группа под командованием Ма Сянь-шэня охраняла подступы к городу, в основном, защищала восточные

⁵³ П.Я. Пясецкий. Путешествие по Китаю 1874-1875. Т. 2, с.48.

⁵⁴ Ю.А. Сосновский. Указ. соч., с.523.

ворота; и, наконец, третья группа под командованием Ма Вэнь-лу, руководителя сучжоуских повстанцев, находилась внутри города. Зная его соглашательские высказывания, повстанцы указали ему место в обороне города и строго за ним следили. Выработанный план обороны города отражал умение повстанцев вести борьбу против карательной армии в укрепленных городах.

В течение 18 месяцев восставшие сдерживали наступление четырех армий карателей, во главе с самим генералом Цзо Цзун-таном. Много неприятностей доставили ему отряды шэньсийских повстанцев, которые внезапными нападениями изматывали армию карателей, захватывали военное снаряжение и западное оружие. В докладе Цзо Цзун-тана императору от 30 ноября 1873 года сообщается, что шэньсийские и ганьсуйские повстанцы применяют тактику ночного нападения, а днем скрываются в горах или других местах, этим они вносят панику в ряды карательной армии⁵⁵.

В районе Сучжоуского округа шэньсийские и часть ганьсуйских повстанцев хорошо ориентировались с помощью местных проводников и нередко наносили удары карательной армии там, где она менее всего их ожидала. Именно в этот период борьбы Бийяньху получил прозвище "Даху", что значит "Большой тигр", а генерал Цзо Цзун-тан за голову Даху назначал баснословную сумму, в 10 тыс. лан серебра. "Он (Даху) крепко насолил генералу Цзо Цзун-тану"⁵⁶, — писал академик В.И. Васильев в статье о новоподданом России.

Битва за Сучжоу становилась все ожесточеннее, ряды повстанцев редели, а карательная армия постоянно получала пополнение. С 30 октября 1873 года сам генерал Цзо Цзун-тан руководил взятием города; 4 ноября крепость пала. Ма Вэнь-лу открыл ворота города после ухода шэньсийских и части ганьсуйских повстанцев на Запад в Восточный Туркестан. В сучжоуском сражении повстанцы потеряли много своих верных борцов, в числе которых находились герои борьбы за крестьянскую свободу, руководители шэньсийских и ганьсуйских отрядов, в том числе Ма Сянь-шэнь, Ма Ахун, брат Мухамеда Аньюба Бий Ван-хай, Ма Чжэн-хэ и другие соратники и друзья Бийяньху. Далеко впереди под охраной вооруженных отрядов шли семьи пов-

⁵⁵ Доклад Цзо Цзун-тана от 30 ноября 1873 года (Чжунго Бей-цзинь даньбанцзюй минцин лишы дананьгуань хуэминь ции).

⁵⁶ Восточное обозрение, 1882, № 4, с. 6.

станцев — старики, женщины и дети, а многочисленные отряды, разделившиеся на небольшие группы, вели борьбу против преследователей. Когда генерал Цзо Цзун-тан брал крепость Сучжоу, семьи шеньсийских и ганьсуйских повстанцев были уже на земле Восточного Туркестана.

В Сучжоу карателям не удалось захватить главного руководителя восстания — Биньиньху М.А. После опроса пленных Цзо Цзун-тан узнал, что шеньсийские повстанцы со своими предводителями ушли в Синьцзян. Расправа над мирными жителями крепости является одной из самых кровавых страниц в биографии генерала Цзо Цзун-тана. Вот, что писал русский естествоиспытатель и врач П.Я. Пясецкий, побывавший в этом городе два года спустя после захвата его армией карателей. "Какая ужасная картина молчаливого покоя и смерти. Слово и трава не хочет расти на месте страшных злодеяний, совершенных здесь людьми над людьми"⁵⁷.

С падением Сучжоу народно-освободительное движение дунганского народа, длившееся в течение десяти с лишним лет в провинциях Шеньси и Ганьсу, потерпело поражение. Цинское правительство в 1874 г. приказало Цзо Цзун-тану начать кампанию для подавления народного восстания в провинции Синьцзян. Борьба переместилась в Восточный Туркестан, куда бежали остатки шеньсийских и ганьсуйских повстанцев под предводительством Биньиньху М.А., Ма Да-жэнь, Ма Ахун, Да Синфу и другие.

Несмотря на то, что дунганское восстание во внутреннем Китае продолжалось более десяти лет, оно в конце концов потерпело поражение. Основной движущей силой дунганского восстания являлось крестьянство, не было еще сознательного передового класса, который смог бы возглавить борьбу и создать новый общественный строй, поэтому его борьба в тот период была обречена на неудачу.

Уход остатков шеньсийских и ганьсуйских повстанцев означал окончательное поражение дунганского восстания во внутреннем Китае. В декабре 1873 года армия Цзо Цзун-тана овладела крепостью Цзялюйгуань — воротами на Запад и стала готовиться к подавлению народного движения в Восточном Туркестане.

Восточный Туркестан был насильственно захвачен цинскими

---

⁵⁷ П.Я. Пясецкий И. Указ. соч., с.328.

войсками в 1759 г. и его территория присоединена к Китаю. С тех пор этот край стал носить китайское название Синьцзян, т.е. "новая территория" или "новая граница". Он отличается от собственного Китая не только географической и экономической изолированностью, но и совершенно иным национальным составом населения. По своему происхождению, языку, религии и семейному укладу народы Восточного Туркестана больше тяготеют к народам Средней Азии и Казахстана.

В отличие от других провинций Китая здесь и поныне живут преимущественно уйгуры и другие тюркоязычные народы некитайского происхождения. Китайцы вплоть до середины 50-х годов нашего столетия составляли в Восточном Туркестане незначительное меньшинство. Однако китайское население в крае являлось господствующим. Цинские власти, а в наши дни маоисты проводили в Восточном Туркестане повиннистическую политику китайских правителей, натравляя один народ на другой, осуществляя девиз ханьских (китайских) императоров: править "варварами руками варваров". Китайцы держали в своих руках весь аппарат государственной власти, а также занимали важные экономические посты, выступая в роли колонизаторов и угнетателей некитайских народов. Это не могло не вызвать законного возмущения у коренного населения Восточного Туркестана, Монголии, Тибета и других районов некитайского расселения.

В результате народного движения⁵⁸ 60-х годов XIX века власть цинов в Восточном Туркестане была свергнута. Главными причинами выступления народных масс Восточного Туркестана явились произвол и бесчеловечная эксплуатация некитайского населения со стороны цинских властей, а поводом к движению послужило восстание дунган в Шэньси и Ганьсу.

Ко времени прихода повстанцев из внутренних провинций в Восточном Туркестане существовало уйгурское государство Джет-и-Шаар, возглавляемое Якуб-беком.

Направляясь в глубь Синьцзяна, шэньсийские и ганьсуйские повстанцы стремились организовать совместно с народами государства Якуб-бека сопротивление карательным силам цинов. В

⁵⁸ Восстание народов Синьцзяна против Цинской династии во второй половине XIX века было объектом исследования советских историков. Д. Тихонов, К. Усманов, Ф. Кареев, М. Касиров, П. Фесенко, Х. Юсупов, Ф. Шахматов, Д. Исиев, А. Ходжаев и другие в своих трудах и статьях дали правильную оценку народным движениям в этом крае во второй половине XIX века.

это же время правитель Джети-шаар хотел объединиться с дунганскими повстанцами из Шэньси и Ганьсу в борьбе против цинской армии, поскольку Бэйяньху М.А. со своими последователями задолго до своего появления в притяньшанских землях был окружен ореолом непобедимости⁵⁹.

Весной 1875 г. цинская армия заняла несколько городов в восточной части Синьцзяна. Однако дальнейшее движение карательных отрядов в глубь Синьцзяна было приостановлено сопротивлением народных масс. Тогда генерал Цзо Цзун-тан собрал большие военные силы под командованием Лю Цзинь-тана для подавления народно-освободительного движения в Синьцзяне. 22 апреля 1875 г. эта армия начала продвижение в глубь Синьцзяна, достигнув 15 июня города Гучэнь.

В течение лета 1876 г. цинские войска вели ожесточенные бои против повстанцев в районе турфанского оазиса. Народные массы оказали стойкое сопротивление карательным силам цинов. Базой народного сопротивления в этом районе служило старое кочевье Гумуди. Повстанцы превратили его в оборонительную линию, преграждавшую путь к городам Урумчи и Манас. Оборона Гумуди осуществлялась силами Якуб-бека и повстанцами-дунганами. 29 июля 1876 г. цинские войска атаковали укрепления в районе Гумуди.

В течение 15 дней шла ожесточенная битва в этой местности. 11 августа 1876 г. правительственные войска заняли Хуантян, а 17 августа пала опорная база — Гумуди. Над защитниками Гумуди цинская армия учинила жестокую расправу. Вот что писал русский купец И. Каменский об армии Лю Цзинь-тана: "... зверству нет предела, в особенности над дунганами, считается за счастье зарезать какого-нибудь дунганина и за каждую голову платят своим сателлитам по два лава. Надо полагать, что все дунгане весьма скоро будут истреблены до последнего, невзирая на полнейшую их невинность и даже службу в рядах цинской армии"⁶⁰.

Очистив районы Гумуди от повстанцев, цинские войска готовились к взятию Урумчи и Манаса. При наступлении на них Лю Цзинь-тану было предложено главнокомандующим цинским правительством во что бы то ни стало захватить Бэйяньху М.А. Об

⁵⁹ "Исторический вестник", 1841, № 5-6, с.631.

⁶⁰ И. Каменский. О важнейших событиях в Чжунгарии; АВПР, Главный архив, 1873, I-9, 12, часть У1, лист 231.

этом имеется специальный указ императора.

Бийяньху с остатками повстанцев отступил в Манас, который состоял из двух частей, одну из которых защищали местные дунганы во главе с Хань Шэнь-нином и Хэй Янь-шанем, другую — Бийяньху. Бийяньху М.А. защищал внешний подступ Манаса. 20 августа 1876 г. Лю Цзинь-тан приказал атаковать Манас. Защитники его в течение 20 дней яростно сопротивлялись цинским войскам. В середине сентября 1876 г. Бийяньху решил оставить Манас и перейти на южную сторону Тянь-шаня. 14 сентября 1876 г. он во главе своих смельчаков вышел из осажденной части Манаса. "... И вот случилось в истории что-то вполне беспримерное, — писал Грумм-Гржимайло. Громадная армия расступилась, чтобы дать пройти человеку, голова которого оценена была в 10 тыс. лан серебра"⁶¹.

28 октября после ухода Бийяньху из Манаса цинские войска заняли город, учинив жестокую расправу над дунганским населением. Трусами детей, женщин и стариков были буквально усеяны поселения в Манасском и Урумчинском округах. Над уйгурским и дунганским народами нависла реальная угроза полного физического истребления.

Манасская резня вызвала широкую волну протеста не только со стороны народных масс Синьцзяна, но и населения Средней Азии. Даже русские власти направили официальный протест против зверств, учиненных в Манасе цинскими войсками. Так, 23 мая 1877 г. генерал-губернатор Туркестана К.П. Кауфман писал в письме к генералу Цзо Цзун-тану: "Считаю священным долгом просить Вас, достопочтимый Цзо Цзун-тан, обратить серьезное внимание на изуверства, которые позволяют себе Ваши подчиненные, и принять действенные меры к предотвращению повторения ужасов манасских"⁶². Зверства в Манасе, совершенные китайскими солдатами цинской армии, имели тяжелые последствия для дунганского народа, который не видел иного выхода, кроме бегства за пределы цинского государства.

Уйгурское и дунганское населения стало массами бежать из северного Притяньшаня в Западный Синьцзян, а оттуда в Россию. Первыми шли мирные жители, которых прикрывали боеспособные повстанцы.

---

⁶¹ "Исторический вестник", 1841, № 5-6, с.639.

⁶² ЦГА Каз. ССР, ф. 21, д. 334, лист 239.

В Урумчинском округе лю цзинь-тану опять не удалось захватить дунганского предводителя Бийяньху М.А. Русский посланник в Пекине сообщал в Азиатский департамент МИД России, что цинские войска заняли Урумчи, а предводитель дунган Бийяньху скрылся⁶³.

Дунганские и уйгурские повстанцы отступили в Западный Синьцзян, чтобы собраться с силами в этом районе для сопротивления цинам. Однако внезапная смерть Якуб-бека в городе Курле⁶⁴ значительно ослабила повстанческие силы и облегчила цинам подавление освободительного движения некитайских народных масс в Западном Синьцзяне. "Успехам китайцев, - писала газета "Голос", - много помогли смуты, начавшиеся в Джеты-шааре после смерти Якуб-бека"⁶⁵.

Дунганские повстанцы уже не представляли значительной военной силы, однако генерал Цзо Цзун-тан все же считал, что поимка Бийяньху М.А. и его последователей является главной задачей в Западном Синьцзяне⁶⁶.

В приказах по армии указывалось, что ликвидация Бийяньху и других предводителей дунганского восстания является целью военной экспедиции цинов на Запад. В докладах генерала Цзо Цзун-тана императору от 10 октября и 5 ноября 1876 г. сообщалось, что войскам было приказано во что бы то ни стало захватить Бийяньху и других предводителей дунганских повстанцев. С этой целью он снарядил большой отряд на запад для поимки дунганских "разбойников"⁶⁷.

14 апреля 1877 г. Цзо Цзун-тан отдал приказ о движении карательной армии в Западный Синьцзян. Армия была разделена на две группы: одна двигалась к Турфану, а другая - к Токто-суну; последний обороняли Бийяньху М.А. и Ма Жэнь-дэ. Кроме

⁶³ АВНР, Главный архив, I-9, 1863, № 12, часть VI, л. 217.

⁶⁴ Якуб-бек умер 27 мая 1877 года в гор. Курле, см. журнал "Историк-марксист", 1940, № 3, с. 135.

⁶⁵ Газета "Голос" 1878, № 13.

⁶⁶ И.Я. П я с е ц с к и й. Указ. соч., с.366.

⁶⁷ Государственный исторический архив Минской и Цинской династий в Пекине. Материалы о дунганском (хуэйхуэйском) восстании, доклады Цзо Цзун-тана от 10 октября и 5 ноября 1876 г. (Чжунго Бэй-цзинь дананьцзюй минцин лишэ дананьгуань, хуэйминь ции).

того в районах Турфана и Токтосуна действовало несколько небольших отрядов повстанцев — дунган. Поэтому к этим городам двинулись главные силы карательной армии во главе с Лю Цзинь-таном.

24 апреля 1877 г. генерал Лю Цзинь-тан занял город Токтосун, а 16 мая пал город Турфан. Повстанцы-дунгане во главе со своими предводителями отступили на запад к границам русского государства. 7 сентября 1877 г. генерал Лю Цзинь-тан направился в долину Тарима.

Как уже отмечалось выше, цинские войска постепенно двигались следом за шэньсийскими повстанцами во главе с Бийяньху. Получив от местных жителей сведения, что он оборонял город Карашар, генерал Лю Цзинь-тан двинул туда свои войска. В течение сентября и октября 1877 года войска генерала Лю Цзинь-тана заняли города Карашар, Курля и др.

После занятия Куча (18 октября 1877) армия Лю Цзинь-тана продолжала наступление по направлению к Аксу. Недалеко от города Байчэнь дунганские повстанцы во главе с Бийяньху напали на передовые отряды цинов, что задержало на некоторое время их продвижение. Воспользовавшись этим, дунганские повстанцы вновь оторвались на значительное расстояние от преследовавших их карателей. Нужно отметить, что повстанцы из Внутреннего Китая отступали вместе с семьями, среди которых были люди самых различных возрастов. Чтобы обеспечить их безопасность, Бийяньху и другие предводители дунган отправляли их далеко вперед, а сами с боеспособными мужчинами нападали на правительственные войска.

В Аксу дунганские повстанцы разделились на две группы: одна пошла к Яркенду через Маралбаши под предводительством Ма Дажэня, а другая во главе с Бийяньху и Да Сыфу шла к Уч-Турфану.

25 октября 1877 г. генерал Лю Цзинь-тан со своей армией достиг Аксу. Но и здесь ему не удалось захватить Бийяньху. Разгневанный Лю Цзинь-тан в тот же день выступил для преследования шэньсийского лидера и 28 октября достиг города Уч-Турфана, жители которого сообщили, что дунгане с их предводителями ушли к русским.

Дунганские повстанцы, в основном шэньсийцы и ганьсуйцы, дойдя до города Уч-Турфана, вновь разделились на две части. Ганьсуйские дунгане во главе с Да Сы-фу двинулись в Россию через перевалы Бедель, Иштык-Саши, Кашкасу и в начале нояб-

ри 1877 г. прибыли в город Пржевальск в количестве 1166 человек⁶⁸.

Другая часть во главе с Бийяньху, состоявшая из шэньсийцев, также направилась в Россию, но другим путем. Возникает вопрос: почему Бийяньху не пошел на Пржевальск с Да Сы-фу? Обстоятельства сложились так, что семьи шэньсийских повстанцев были далеко от Уч-Турфана, когда они узнали об уходе Да Сы-фу в пределы России через Бедельский перевал. Возвращаться обратно в Уч-Турфан означало попасть в руки Лю Цзинь-тана, который был там уже со своей армией. Бийяньху со своим отрядом решил догнать свои семьи и идти в Россию другим путем.

После занятия цинскими властями городов Аксу, Уч-Турфана и падения Кашгара (22 декабря 1877 года) уйгурское и дунганское население приграничных районов массами бежали в Россию.

Была еще одна часть дунганских повстанцев, которая шла к Аксу через Маралбаши в Кашгарию. Преследуемые цинскими войсками, они двигались прямо с востока на запад. Эта группа, состоявшая из ганьсуйских и синьцзянских дунган под предводительством Ма Да-жэна, отступая под натиском армии Цзо Цзинь-тана, перешла в Ферганскую долину. Бегство из Кашгарии в пределы русского государства части мусульманского населения Кашгара и остатков повстанцев — дунган вошло в историю 60–80 годов XIX в. как яркий показатель нежелания неханьских (некитайских) народных масс Китая подчиняться феодальному гнету цинской империи.

Бегство дунган в Россию происходило в очень тяжелых условиях. Обмороженные повстанцы едва держались на ногах от холода и голода. Только своевременная помощь со стороны местных русских властей, киргизского и узбекского населения спасла их от смерти. Газета "Голос" писала об этом так:

"... для оказания помощи переселенцам начальник Омского уезда принял следующие меры: из Оша на перевал Терекдаван отправлено было 579 вьючных лошадей для перевозки больных, кроме того, нанято было в горах у киргизов 30 лошадей и верблю-

⁶⁸ Число дунган, прибывших в город Пржевальск, во главе с Да Сы-фу, взято из отчета о состоянии Семиреченской области за 1883 г. хранящегося в Центральном Государственном историческом архиве Ленинграда (см. ЦГИА в Ленинграде, ф. 1284, оп. 223, д. 201, л. 61).

дов. Перевезено на средства казны 1779 человек⁶⁹. По указанию русской администрации по пути от Терекдавана до города Оша были устроены станции первой помощи. На этих станциях имелись яры, питание и средства передвижения для сильно пострадавших.

Местное киргизское и узбекское население оказывали большую помощь дунганским и уйгурским беженцам продовольствием и средствами передвижения, только поэтому многие беженцы остались живы.

Врач военного лазарета в Оше П. Девятко со своими людьми оказывали первую медицинскую помощь беженцам в районе пригорода Оша под названием Ачи-Мазар. Помощь русской администрации и внимание и забота местных жителей о беженцах дунган и уйгурах оставили неизгладимую память в народе⁷⁰.

Третья группа шаньсийских дунган во главе с Бийяньху М.А., не заходя в Камгар, через горные перевалы Тяньшаня направились к Нарыну. Повстанцам-шаньсийцам предстоял нелегкий переход через труднодоступные перевалы Тяньшанских гор в условиях суровой зимы. Им приходилось преодолевать такие снежные перевалы, как Тамрабат, Чаркаратма, Туругарт, которые обычно открываются только летом. Помимо природных препятствий, повстанцы испытывали также нехватку в продовольствии и одежде. Вот как описывали "Туркестанские ведомости" этот переход дунган во главе с Бийяньху М.А. "... он сумел повести в суровую зиму свой народ с женами и детьми, больными и ранеными через перевалы в 14 тыс. футов высотой"⁷¹.

6 декабря 1877 г. к вечеру в Нарын⁷² прибыла толпа дунганских беженцев, среди которых были старики, дети и женщины, многие с грудными младенцами. Прибытие повстанцев-дунган

69 "Туркестанский сборник". Т. I95, с.136-137.

70 Современное дунганское население проживает в колхозе им. дважды Героя Социалистического Труда Х.Тамирова Ошской области, в Ферганской области, а также в Джалпак-Тюбе (Дунгановка Джамбульской области). И сегодня здесь вспоминают о тех давних временах, когда их предки бежали от поголовного истребления со стороны цинских солдат, и только благодаря помощи русской администрации, а также киргизского, узбекского и казахского народов они были спасены.

71 "Туркестанские ведомости", 1903, № 10.

72 Город Нарын - областной центр Киргизской ССР.

в Нарын в такое суровое время года было совершенной неожиданностью как для местных жителей, так и для русской администрации. Русские власти в Нарыне разоружили повстанцев и послали вестового в уездный город Токмак сообщить об их прибытии. От уездного начальника было получено указание, что повстанцам разрешается поселиться в Токмакском уезде. Начался второй этап передвижения повстанцев, на этот раз из Нарына в Токмак; несмотря на оказанную помощь, повстанцы после перехода Долонского перевала все же не досчитались нескольких сот человек.

Люди умирали не только от непосильных испытаний, но, главным образом, от недостатка продовольствия. На помощь страдавшим повстанцам пришло местное население, в первую очередь киргизы, которые помогали чем могли: и скотом, и хлебом, и жильем.

В результате этой поистине человеколюбивой помощи и поддержки многие беженцы остались живыми. Беженцы-дунгане ощущали эту помощь на всем пути от Нарына до Токмака. И сегодня, сто лет спустя, можно услышать слова большой благодарности от потомков Бийяньху М.А. в селениях Масанчи и Шортюбе, да и во всех других дунганских семьях о благородных деяниях братского киргизского народа в год тяжелейших испытаний — бегства их предков из Китая зимой 1877 года.

27 декабря 1877 года во второй половине дня в Токмак, тогдашний уездный город Семиреченской области, прибыл в сопровождении нескольких всадников человек средних лет, смуглый, со множеством шрамов на лице — предводитель беженцев дунган — Бийяньху Мухамед Аньюб. Кое-как объяснившись с представителем местной русской администрации, он указал рукой на дорогу и к вечеру сюда стали прибывать группами дунганские беженцы. В отчете Семиреченской области говорится, что Бийяньху бежал с большой частью дунган в Нарын. В первой половине декабря беглецы достигли Нарынского укрепления, а 27 декабря 1877 года 3314 мужчин и женщин прибыли в город Токмак⁷³.

Беженцы-дунгане расположились за старым Токмаком, где сразу же возник палаточный городок. То был первый мирный вечер в жизни повстанцев после перенесенных ужасов.

Доктор Ф.П. Поярков писал об этом со слов самих дунган: "В этот вечер весело и ярко пылали разведенные во многих ме-

---

⁷³ АВПР, Главный архив, I-9, 1977, № 6, л. 68.

стах костры, возле которых слышался уже веселый говор и небывалое давно оживление. И это — едва ли не первый раз после длинного, крайне тяжелого и мучительного изнурительного перехода. Счастьем и довольством сияли худенькие бледно-желтые лица дунганят, гревшихся вокруг костров и с жадным нетерпением ожидавших дорогого и вкусного ужина, которого они давно не видали, неподдельною, искреннею радостью светились глаза, посматривавшие из-под косо расположенных век. Маленькие бритые головы детей, своеобразные костюмы и лица взрослых с длинными позади у мужчин косами представляли при свете ярко пылавших костров своеобразную и положительно фантастическую картину"⁷⁴.

После поистине изнурительных переходов в условиях суровой зимы многим переселенцам-дунганам требовалась срочная медицинская помощь. Ее немедленно оказывали на месте уездный врач Адам Викентьевич Пржегодский и его помощник — фельдшер Василий Михайлович Фрунзе (отец видного государственного и партийного деятеля Советского государства, крупного организатора и полководца Красной Армии М.В. Фрунзе). Они сделали много для спасения больных беженцев и этим снискали незабываемую память в народе. Доктор Ф.В. Поярков писал о В.М. Фрунзе так: "Первым пришел он со своими помощниками на помощь несчастным и, как настоящий солдат, последним оставил поле сражения, оставил тогда, когда все сделали..."⁷⁵. И сегодня дунгане с большой благодарностью вспоминают о тех больших человеческих деяниях русских людей в далекой Киргизии.

В конце января 1878 года русская администрация предоставила возможность Быйяньху М.А. и его соратникам в выборе мест для расселения дунган на правом берегу реки Чу, вдали от дороги. Эту местность местные жители называли Каракуруз, что значит место скопления черных жуков, а сами дунгане называли его Инпань, что в переводе означает "военный лагерь". Оба названия дошли до наших дней.

Расселением шэньсийских групп дунганского населения в Токмакском уезде Семиреченской области закончилось многолетнее восстание дунган в северо-западной части Цинской империи.

---

⁷⁴ Ф.В. Поярков. Указ. соч., с.54.

⁷⁵ Там же, с.69-70.

Как только беженцы-дунгане устроились в Пишпекском уезде, Г. Колпаковский (командующий войсками Семиреченской области) получил недружелюбное письмо от китайского генерала Цзо Цзун-тана. По этому поводу он писал туркестанскому генерал-губернатору, что получил дерзкое по содержанию письмо с угрозой от китайских властей в Синоцзяне с требованием выдачи вожаков восстания и в первую очередь Бийяньху М.А.:

"... Толпа дунган, боровшихся за правое дело, искавших с оружием в руках за ними со стороны сынов "Небесной империи" человеческих прав, укрылись от жестокостей и насилия китайского правительства под наш кров, в наши пределы, человек этот, то есть Бийяньху не уголовный преступник или изверг, попирающий религиозные и человеческие законы, это преступник политический, которого вправе не выдавать"⁷⁶.

Из приведенного письма видно, что русская администрация в Туркестане считала дунганское восстание против Цинской династии освободительным актом, а в отношении же Бийяньху Мухамеда Аньюба она заняла твердую позицию: не выдавать его и других вожаков восстания на растерзание китайцам.

Твердый отказ русской администрации в Туркестане заставил генерала Цзо Цзун-тана засылать наемных убийц для физического уничтожения Бийяньху М.А. Так, в одном из документов, хранящихся в архиве Каз. ССР, говорится, что военный губернатор Семиреченской области предупреждал уездного начальника Токмака о готовящемся коварстве⁷⁷. Благодаря этому предупреждению удалось предотвратить коварный замысел китайских генералов в Синоцзяне.

Выдачи предводителя дунганского восстания требовали не только китайские генералы, но и цинское правительство. В донесении русского посланника от 4 апреля 1878 г. говорилось, что в Богдыханском Министерстве проводилось специальное совещание по вопросу о Бийяньху и что цинское правительство придает большое значение выдаче дунганского предводителя⁷⁸. Притязания цинского правительства не были удовлетворены. Этот шаг диктовался симпатией народов Туркестанского края к освободительной борьбе неханьских народов в Восточном Туркестане

⁷⁶ ЦГА Каз. ССР, фонд 21, д. 479, л. 73

⁷⁷ Там же, д. 471, л. 48.

⁷⁸ АВПР, Главный архив. I-9, 1878, № 6, л. 53.

против Цинской династии. Об этом хорошо было известно и туркестанской администрации, и МИДу России.

Настоятельные требования китайских властей выдачи им Бийяньху М.А. длились несколько лет - до его кончины в 1882 году в городе Пишпеке.

Каков же был этот человек? Согласно собранным нами материалами предводитель дунганских повстанцев родился в крестьянской семье среднего достатка в год "тигра" (по-дунгански "Хунян") в уездном городе Пинлян на юге провинции Шэньси. Год "тигра" по народному дунганскому календарю приходится на 1829 год. Эта дата совпадает с оценкой возраста Бийяньху М.А. в документах Пишпекского уездного начальника. Так, последний сообщал в Азиатский департамент, что 26 июля 1882 года в Пишпеке в возрасте пятидесяти с лишним лет умер от воспаления легких предводитель дунган Бийяньху⁷⁹.

Надо знать, что у дунган в Китае было два имени: официальное - гуаньминь и национальное - цзиньминь. Согласно этой традиции Бийяньху дали официальное имя - Су, и национальное - Мухамед Аньюб или Юур. Поэтому в официальных китайских документах он значится как Бий Су, зато собственно дунганское имя - Мухамед Аньюб или Юур осталось за ним на всю жизнь.

Со временем изменилось его официальное имя - Су, что было связано с его активной деятельностью в период народного движения дунган в провинции Шэньси. За мужество и подвиги в борьбе против Цинской династии повстанцы нарекли его именем Яньху, что в переводе на русский означает "отчаянный тигр". Приставку "тигр" он унаследовал от рождения, поскольку он родился в год "тигра", а "янь" - "отчаянный" он заслужил в вооруженной борьбе против китайцев. Часто его называли еще Худажин, что переводится как "почтенный гражданин Ху" или Даху, что значит "большой тигр"; последнее имя нередко фигурировало в официальных документах русской администрации в Туркестанском крае. Поэтому под символом Ху дунгане в Киргизии и Казахстане подразумевали семью Бийяньху и его родичей. И сегодня еще можно услышать в селениях Масанчи и Шортюбе Курдайского района, что их предки появились в этих селениях с Худажинном - "Худажин ба вэму лингуэлэли (Нас привел почтенный гражданин Ху)".

---

⁷⁹ АВПР, Главный архив. I-9, 1877-1882, № 6, л. 150.

Детство Мухамеда Аньюба прошло в городе Пинляне. По материалам Ликоуя, которыми пользовался Ф.В. Поярков, отец Мухамеда Аньюба был образованным человеком, стремившимся дать образование детям и особенно младшему сыну, который отличался смелостью, честностью и смысленностью. Родители определили его сначала в мусульманскую религиозную школу, а потом и в начальную китайскую. В школе он отличался исключительными способностями и родители определили его для продолжения учебы в городе Сяне.

Учеба в городе Сяне была прервана из-за материальной нужды семьи. Вернувшись домой, Мухамед Аньюб стал помогать отцу. Общаясь с единоверцами-дунганями, он уже тогда проявлял честность, смелость и принципиальность в решении некоторых спорных вопросов с цинской администрацией. Именно эти качества снискали ему уважение дунганского населения города Пинляня, которое выдвинуло его в старосты. Занимая эту должность, он защищал интересы дунганского трудового населения города как от цинских чиновников, так и от "своих" эксплуататоров. Ф.В. Поярков по этому поводу писал, что "Из частных и продолжительных наших распросов о Бийяньху и характере его управления мы вынесли убеждения, что он слабого старался не давать в обиду сильному, бедняку помогал, оскорбленного удовлетворял ... в этом заключалась нравственная сила Бийяньху и его неотразимое обаяние на своих единоверцев, таким дунгане и воспевают его теперь в своих песнях"⁸⁰.

Будучи старостой в городе Пинляне, Мухамед Аньюб также познал и испытал всю несправедливость китайских властей по отношению к дунганам и другим некитайским народам. Согласно законам цинской династии дунгане и другие некитайские народы за любые нарушения карались с наибольшей строгостью: дунгане за ущерб, нанесенный китайцам, возмещали им убытки в десятикратном размере, а китайцы за ущерб, нанесенный дунганам и другим некитайским народам, в размере одной десятой части. Вынося приговор по любым делам, местные китайские власти всегда защищали китайцев и притесняли дунган и представителей других некитайских народов. Такими методами цинская власть создавала почву для вражды и недоверия между различными народами Китая. Столкновения между дунганями и китайцами часто происходили на религиозной основе. Этим пользова-

---

⁸⁰ Ф.В. Поярков. Указ. соч., с.12.

лась китайская власть для насаждения национальной вражды, для формирования идеологии великоханьской исключительности по отношению к малым некитайским народам империи.

Будучи старостой дунганского района в Пинляне, Быйяньху М.А. испытал и на себе все гнусности цинской феодальной несправедливости. Он добывал во многих районах расселения дунган, активно участвовал в жизни своих соплеменников. Мухамед Аньюэ не был сторонним наблюдателем тех бурных событий 50-60-х годов XIX века, он активно участвовал в движении народных масс, став подлинным руководителем дунганского восстания.

История дунганского восстания в северо-западных районах Цинской империи связана с именем выдающегося вожака крестьянских масс Быйяньху Мухамеда Аньюэа. Он вошел в историю дунганского народа, как национальный герой, непримиримый борец за свободу и счастье своего народа, против Цинской династии.

Цинь считали Быйяньху М.А. крупным противником династии, назначив баснословную сумму (10 тыс. лан серебра) за его голову; а китайский генерал Цзо Цзун-тан - палач некитайских народов - отказался даже от наград императора⁸¹, мотивируя это тем, что он не смог казнить дунганского предводителя Быйяньху М.А., который ушел от преследований и с остатками повстанцев перешел к русским.

Академик В.П. Васильев писал в одной из статей, что Быйяньху "много насолил" цинскому правительству во внутренних провинциях империи⁸². А знаменитый путешественник и исследователь Азии Г. Грумм-Гржимайло дал следующую оценку Быйяньху М.А.: "... много лиц - крупных и мелких - выдвинула эта эпоха борьбы, но все они рисуются в рассказах туземцев весьма бледными красками, только Даху или Биянхур в этом отношении составляет крупное исключение ... Даху - это выдающийся деятель дунганского восстания"⁸³.

Ф.В. Поярков, длительное время живший среди дунган и собравший много интересных материалов о Быйяньху М.А., автор нескольких работ о дунганах, писал: "Душой дунганского восстания и его руководителем был Быйяньху ... человек выда-

⁸¹ АВПР, Главный архив. I-9, 1877, № 6, лист 68.

⁸² "Восточное обозрение", 1884, № 2, с. 82.

⁸³ "Исторический вестник", 1891, № 5-6, с. 130.

щийся из их среды и на котором внимание Китая было сосредоточено не менее, по крайней мере, пятнадцать лет ...⁸⁴.

Таковы оценки ученого, исследователя и путешественника Азии, а также любознательного русского человека о предводителе дунганского восстания.

Приходом дунганских повстанцев 1877-1878 гг. в Россию закончилась многолетняя борьба дунган против Цинской династии в северо-западной части империи. Дунгане расселились в Пишпекском, Пржевальском, Ошском, а потом и в Аулие-Атинском уездах, образовав здесь селения Каракунз (ныне Масанчи), Ирдык, Савой (ныне колхоз им. Таширова), Джалпак-Тюбе.

Общее количество прибывших тогда дунган исчислялось примерно 6 тыс. человек.

Осенью 1881 г. в Киргизию и Казахстан стали прибывать дунгане и уйгуры из Синцзяна в связи с передачей Илийского (Кульджинского) края⁸⁵ русскими властями Цинскому Китаю⁸⁶. Дунгане и уйгуры Илийской долины не могли забыть жестокости карательной армии цинов под командованием китайских генералов по отношению к их собратьям в период подавления дунганского восстания. Помнили они и о той помощи, которая была оказана русскими властями и местным населением при устройстве беженцев дунган и уйгуров зимой 1877-1878 гг. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в добровольном уходе части населения Илийского края в Россию. Уход дунган и уйгуров - показательное событие. Население изъявило добровольное желание переселиться, лишь бы не оставаться под игом Цинской династии.

Академик А.Л. Нарочницкий верно отмечал, что: "при передаче Кульджи Китаю 80 процентов уйгуров и большинство дунган, опасаясь истребления и преследований со стороны маньчжурских властей, переселились в русское Семиречье"⁸⁷.

⁸⁴ Ф.П. По я р к о в. Последний эпизод дунганского восстания. Верный, 1901, с. II.

⁸⁵ Более подробно о переселении Илийских (Кульджинских) дунган и уйгуров см. работы: А.Ю. Ю с у р о в. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фрунзе, 1961; М. К а б и р о в. Переселение уйгуров в Семиречье. Алма-Ата, 1951.

⁸⁶ А.Л. Н а р о ч н и ц к и й. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. М., 1956, с. 227-237.

⁸⁷ А.Л. Н а р о ч н и ц к и й. Указ. соч., с. 237.

По данным русской администрации на 1 июля 1884 г., в Киргизию и Казахстан перешли 4682 дунганина из Илийского (Кульджинского) края; они расселились в Джаркентском, Верненском и Пишпекском уездах Семиреченской области⁸⁸.

Жизнь дунганских переселенцев на новой родине теперь тесно переплелась с историческими судьбами киргизского, казахского и других народов России.

THE FIGHT OF DUNGANS AGAINST THE CH'ING DYNASTY
AND THE RESETTLEMENT OF ONE PART OF THEM IN KIRGHIZIA
AND KAZAKHSTAN

M. Sushanlo (Frunze)

S u m m a r y

The anti-Ch'ing movement at the second half of the XIX century plays an important part in the history of the non-Han (non-Chinese) peoples.

Dungans, Uighurs, Miaos, Mongols, Tibetans and others revolted against the Ch'ing dynasty all over the vast territory of the Empire. The final aim of the uprising consisted in the fight for national rights and independent existence.

The present article deals with the fight of Dungans against the Ch'ing dynasty at the second half of the XIX century and the resettlement of one part of the insurgents in Russian territory. In total nearly 10 000 Dungans settled in Kirghizia and Kazakhstan during that period.

Once become subjects to Russia, the destiny of those Dungans proved for ever to be connected with the destiny of the peoples at the new home.

---

⁸⁸ Обзор Семиреченской области за 1889 г., см. приложение. По данным этого обзора илийские дунганы распределились таким образом: в Александровской волости Пишпекского уезда - 494; в г. Пишпек (ныне Фрунзе) - 208; в Верненском уезде - 142; в гор. Верном (ныне Алма-Ата) - 146; в Джаркентском уезде - 204 и в г. Джаркенте (ныне Панфилов) - 179 семей.

К РЕЗУЛЬТАТАМ ОПИСАТЕЛЬНОГО И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ЗВУКОВ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКА

М.Х. Имазов (Фрунзе)

В течение ряда лет нами исследовались звуки дунганского языка.¹ В ходе работы выяснилось, что фонетическая природа отдельных звуков (дифтонгов, носовых и "эр") может быть истолкована по-разному. К тому же и в существующей литературе указанные звуки также получили различные интерпретации. С целью установления объективной характеристики названных звуков нами вместе с А. Мансузой были проведены осциллографические записи.² Результаты их анализа и результаты наших непосредственных наблюдений над звуками мы и предлагаем вниманию читателей в данной статье.

В специальной литературе существует различное толкование звука, передаваемого в дунганской орфографии сочетанием любой гласной буквы корня слова с последующей согласной буквой р: то его рассматривают как согласный³, то — как сочетание гласного и последующего согласного⁴, то — как гласный⁵.

Согласно положению общей фонетики, при образовании согласных звуков существует так называемый локализуемый фокус,

¹ См., например: М.Х. И м а з о в. Основы дунганской фонетики. Фрунзе, 1972.

² Осциллографические записи производились в Лаборатории экспериментальной лингвистики Института и литературы АН Киргизской ССР. При этом были использованы магнитофон МЭЭ-28А и осциллограф Н-115. В качестве дикторов были приглашены литературный сотрудник газеты "Шыйуади Чи" ("Знамя Октября") Юбуза Муса (мужчина 35 лет, уроженец с. Милянфана Кантского района Киргизской ССР) и диктор радио Мансурова Айша (женщина 42 лет, уроженка с. Александровки Московского района Киргизской ССР). В силу того, что в небольшой статье помещать огромное количество осциллограмм двух голосов не представляется возможным, приводим осциллограммы только мужского голоса.

³ Л.Б. Б у г а з о в. Фонетическое освоение русских лексических заимствований в дунганском языке. "Известия АН Киргизской ССР", т.П, вып. 2, 1960, с.19-20.

⁴ Ю. Я н щ я н с н я. Дун-ян йуянди жедуан вынфа. Фрунзе, 1957, с.25.

⁵ Е.Д. П о л и в а н о в. Из работ дунганской диалектологической экспедиции НИИЯЛ, 1936 (машинопись, 22 стр.), стр. 7. Архив АН Киргизской ССР.

воздух встречает на том или ином участке речевого тракта ту или иную преграду, а при образовании гласных нет локализуемого фокуса, воздух проходит свободно⁶. Непосредственные наблюдения показывают, что упомянутый звук отвечает условиям образования именно гласных, а не условиям образования согласных. На основании этих наблюдений нами и был вслед за Е.Д. Поливановым сделан вывод о гласной природе названного звука.⁷

Нельзя рассматривать его и в качестве сложного образования типа ГС. Если предположить, что перед нами бифонемное образование, то следует думать, что при его артикуляции будут две экзкурсии, две выдержки и две рекурсии, причем в конце обязательно должна быть смычка. Наблюдения же свидетельствуют о том, что звук этот образуется с помощью единой артикуляции, причем в конце артикуляции нет ожидаемой смычки. Обратимся к экспериментальным данным.

Упомянутый звук был признан вне фонетического контекста и в слове. При вычислении осциллографических данных этого звука в изолированном виде были получены следующие характеристики: $t = 280$ м/сек, $i = 6,5$ мм, $f = 90$ гц, т.е. характеристики, которые определяют гласные звуки дунганского языка. Для сравнения приведем характеристики некоторых дунганских гласных: звука (а) - $t = 280$ м/сек, $i = 5,9$ мм, $f = 107,1$ гц; звука (у) - $t = 260$ м/сек, $i = 5$ мм, $f = 88,4$ гц; звука (о) - $t = 260$ м/сек, $i = 3,3$ мм, $f = 96,1$ гц. Примерно такие же величины были получены также при вычислении осциллографических данных рассматриваемого звука и в слове, а именно $t = 240$ м/сек, $i = 4,8$ мм, $f = 125$ гц.

Простое сравнение длительности этого звука и длительности других гласных дунганского языка уже убеждают нас в том, что перед нами гласный звук. Так, например, длительность рассматриваемого звука, которая измерялась трижды, соответственно равнялась 220 м/сек, 240 м/сек, 280 м/сек. Как известно, гласные звуки других языков имеют аналогичные параметры времени (так, длительность различных гласных русского языка,

⁶ Л.Р. Зиндер. Общая фонетика. Изд-во ЛГУ, 1960, с. 109.

⁷ И.А. Имазов. Указ. соч., с.33.

например, колеблется от 132 м/сек до 219 м/сек⁸, длительность различных гласных татарского языка колеблется от 100 м/сек до 290 м/сек⁹, длительность различных гласных (кратких) в киргизском языке в разных позициях колеблется от 129 м/сек до 293 м/сек¹⁰, что косвенным образом также подтверждает вывод о гласной природе рассматриваемого звука. Таким образом, подсчеты показывают, что перед нами гласный звук. (Впрочем, это же можно было утверждать и без точных подсчетов: на осциллограмме хорошо видно, что этот звук имеет большую амплитуду колебаний, характерную для гласных (см. рис. I); согласные же, как известно, даже сонорные, имеют амплитуду значительно меньшую, чем гласные¹¹).

Рис. I. Осциллограмма звука (эр)

На основе непосредственных артикуляционно-акустических наблюдений над дунганскими звуками нами утверждалось, что в словах типа л у й (луи) - гром, з ы й (зыи) - узкий есть ди́фтонги (уи) и (ны)¹², а не сочетания гласных (у) и (ы) с согласным (й)¹³. При протягивании слов типа л у й, з ы й в конце слышится гласный (и), а не согласный (й). Кроме того, уй (уи) и ый (ны) образуются при помощи единой артикуляции. Это интуитивно отражается и в правилах переноса слов: при

⁸ У.Ш. Б а й ч у р а. Звуковой строй татарского языка. Экспериментально-фонетический очерк. Изд-во Казанского университета, 1959, с.60.

⁹ Там же, с.50-53.

¹⁰ Т.К. А х м а т о в. Звуковой строй современного киргизского литературного языка. (Экспериментально-фонетическое исследование). Ч. II. Пособие для студентов вузов. Фрунзе, 1970, с.91.

¹¹ Л.В. Б о н д а р к о. Осциллографический анализ речи. Изд-во ЛГУ, 1965, с.20.

¹² М.Х. И м а з о в. Фонетика дунганского языка. Автореферат канд. дисс. Фрунзе, 1972, с.14.

¹³ А.Б. Б у г а з о в. Указ. соч., с.16.

переносе слова их составные элементы не распределяются по двум слогам. Таким образом, непосредственные наблюдения и теоретические данные говорят о том, что эти звуки следует рассматривать как дифтонги, оканчивающиеся гласным элементом (и), а не как сочетания гласных с последующим согласным (й). Обратимся к результатам экспериментальной проверки.

Если бы слова л у й (луй), з ы й (зыи) оканчивались на йот, то на осциллограмме этих слов отразилась бы сравнительно небольшая и несложная амплитуда колебаний, характерная для согласных звуков. Однако внимательное рассмотрение осциллограмм этих слов показывает, что в конце нет ожидаемой амплитуды колебаний согласных (см. рис. 2 и рис. 3), что перед нами характерные рисунки гласных.

Рис. 2. Осциллограмма слова л у й.

Рис. 3. Осциллограмма слова з ы й.

Об этом же говорят и вычисления длительности гласных. Предположим, что слово з ы й оканчивается на йот. Тогда следует ожидать, что длительность гласного (ы) в этом слове должна быть меньше, чем в слове з ы "подставлять", поскольку "длительность гласных в закрытых слогах сокращается по сравнению с открытыми"¹⁴. Однако подсчеты показывают, что длительность гласного как в слове з ы й, так и в слове з ы равна 220 м/сек. Следовательно, слова типа л у й, з ы й оканчиваются не на йот, а на гласный элемент.

На основе теоретических данных и данных на основе непосредственных артикуляционно-акустических наблюдений, мы

¹⁴ Ш. Б а й ч у р а. Указ. соч., с.83.

вслед за А.Б. Бугазовым¹⁵ выдвинули положение о монофонемной природе дунганского дифтонга¹⁶. Нами утверждалось, что дунганский дифтонг не является бифонемным образованием: внутри него нельзя провести морфологической границы, образуется он при помощи единой артикуляции, длительность его не превышает длительности простого гласного. Таков был вывод, основанный на теоретических данных и данных непосредственных наблюдений. Как же он подтверждается экспериментально?

Рассмотрим осциллограммы слова к а "название соответствующей буквы" и к у а "хвалить" (см. рис. 4 и рис. 5).

Рис. 4. Осциллограмма слова к а

Рис. 5. Осциллограмма слова к у а

Предположив, что в слове к у а дифтонг является бифонемным образованием, следует ожидать, что на осциллограмме этого слова отразится как граница между начальным согласным и последующим гласным, так и граница между двумя гласными. Однако, как мы могли убедиться, как на одной осциллограмме, так и на другой зафиксирована одна единственная граница между согласным и гласным. Следовательно, дифтонг в слове к у а является монофонемным. Об этом же свидетельствуют вычисления длительности гласных. Как видно из подсчетов, длительность гласного в слове к а (200 м/сек) и длительность дифтонга в

¹⁵ Б. Б у г а з о в. Указ. соч., с.18.

¹⁶ М.А. И м а з о в. Фонетика дунганского языка. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1972, с.16.

слове к у а (180 м/сек) довольно близки.

Определяя фонемный состав дунганского языка, мы обосновывали положение о существовании в нем носовых гласных¹⁷. Утверждая, что слова типа л а н "саний", л о н "волк", л ы н "бугор" оканчиваются носовым гласным, мы исходили из следующих наблюдений: 1) при произнесении таких слов в конце нет ожидаемой смычки, 2) носовые гласные легко вычленяются и отдельно произносятся; 3) на слух их длительность не превышает длительности простых гласных. Эти наблюдения подтверждаются также теоретически: если предположить, что буквенные сочетания типа а н, о н, ы н, у н обозначают по два звука (ГС), то следует ожидать, что в словах их составные элементы при переносе могут распределяться и по двум слогам, что они могут следовать за теми же согласными, что и гласные (а), (о), (н), (у). На деле же указанные сочетания букв в словах при переносе слов не распределяются по двум слогам, да и следуют они на письме совершенно за другими согласными буквами. Исходя из изложенного, мы настаивали на том, что дунганские носовые гласные нельзя интерпретировать как сочетания соответствующего ротового гласного с последующим носовым согласным (н).

В потоке речи появление после носовых гласных перед последующим согласным едва уловимого призвука (н) объясняется влиянием артикуляции этого последующего согласного, в момент образования которого и создается акустический эффект упомянутого призвука; при чтении (если это случается) — оно объясняется влиянием написания. Таковы результаты непосредственных наблюдений. О чем же свидетельствуют осциллографические записи?

Был записан ряд слов, оканчивающихся на носовые гласные, и ряд слов, оканчивающихся на простые гласные. Рассмотрим осциллограммы двух слов: т а н — поле и т а — топтать, что вполне достаточно, поскольку они отражают картину в целом.

Даже при беглом рассмотрении данных осциллограмм первое, что бросается в глаза, это идентичность двух рисунков. Более внимательное рассмотрение их дает основание утверждать, что как на одной, так и на другой из них зафиксировано по два звука (согласный и гласный). Начинаются осциллографические рисунки с несложной амплитуды колебаний согласного и

¹⁷ М.Х. И м а з о в. Основы дунганской фонетики. Фрунзе, 1972, с.35.

Рис. 6. Осциллограмма слова т а н

Рис. 7. Осциллограмма слова та

кончаются более сложной амплитудой гласного, характерное резкое завершение которой хорошо видно на осциллограмме. Ни на первой, ни на второй из них в конце не зафиксирована амплитуда колебаний предполагаемого третьего звука, согласного. Таким образом, простое сопоставление двух осциллограмм говорит о том, что оба слова кончаются на гласный звук. Об этом же свидетельствуют подсчеты временной протяженности этих звуков. Длительность гласного в слове т а н, т.е. носового гласного (а), равна 280 м/сек, а длительность гласного в слове т а, то есть простого гласного (а), равна 240 м/сек. Длительность этих гласных после других согласных примерно такая же: после согласного (л), например, соответственно равна 280 м/сек и 280 м/сек, после согласного (х) — 280 м/сек и 240 м/сек. Предположив, что слово т а н кончается на согласный (н), следует ожидать, что длительность гласного в этом слове должна быть меньше, чем длительность гласного в слове т а, поскольку, как известно, длительность гласного в закрытом слоге меньше, чем длительность гласного в открытом слоге. Однако, как мы могли убедиться, длительность гласного в первом слове не только равна длительности гласного во втором слове, но в ряде случаев даже превышает последнее.

Аналогичные осциллографические данные были получены и по остальным носовым гласным.

Таким образом, результаты непосредственных артикуляционно-акустических наблюдений над некоторыми звуками дунганско-

го языка и результаты их экспериментальной проверки оказались идентичными, что дает основание считать объективную фонетическую природу рассмотренных звуков вполне установленной.

**AUX RÉSULTATS D'UNE RECHERCHE DESCRIPTIVE ET
EXPERIMENTALE DE QUELQUES SONS DU DOUNGAN**

M. IMAZOV (Frounzé)

R é s u m é

L'article examine certaines questions litigieuses du système phonétique du doungan.

S'appuyant sur les résultats des recherches expérimentales et des observations personnelles le dessein de l'auteur a été de donner la caractéristique objective des sons isolés, de démontrer le caractère des diphtongues, des voyelles nasales etc.

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ

М.Х. Имазов (Фрунзе)

Проблема частей речи в языках изолирующего типа, как правило, имеет прямо противоположные решения /1 и др./, поскольку одни исследователи считают способность слов изменяться всеобщим признаком существования частей речи, другие же полагают, что это не единственный показатель их наличия или отсутствия.

Вопрос о том, существуют ли части речи в дунганском языке, в имеющихся теоретических работах /2, 3, 4, 5, 8, 9 и др./ не ставится. Во всех же практических работах /5 и др./ части речи, как правило, перечисляются и описываются. А между тем описанию частей речи, как кажется, должны предшествовать их теоретическое обоснование и определение критериев их выделения. Этому и посвящены основные положения настоящей статьи.

Изучающему дунганский язык не может не броситься в глаза то, что дунганские слова зачастую лишены тех внешних признаков, по которым обычно относят слова к той или иной части речи. Эта очень заметная особенность дунганских слов, вероятно, может привести начинающего изучать язык к неверной мысли об отсутствии частей речи в дунганском языке, как это не раз случалось при изучении других языков изолирующего типа /1 и др./. Однако со временем изучающий дунганский язык не может не заметить и того, что одни слова в нем обозначают предметы, другие - действия, третьи - качества и т.д., т.е. точно так же, как и в известном ему языке. По мере углубления его знаний в области дунганского языка он обнаружит и то, что одни слова в предложении выступают в функции подлежащего, другие - в функции сказуемого, третьи - в функции определения и т.д., т.е. опять-таки точно так же, как и в известном ему языке. И, наконец, не может он не заметить и того, что определенные слова, помимо всего, имеют также внешние признаки, судя по которым можно отнести их к той или иной части речи.

Опыт начинающего изучать язык в данном случае поучителен. Он еще раз убеждает в том, что многие явления действительности не всегда находятся, как сказать, на поверхности,

их надо уметь увидеть, что дунганские части речи являются объективными данными языка (хотя, может быть, не всегда заметными), что следует только найти средства их распознавания, способы их обнаружения, которые, кстати, он (опыт) также подсказывает. Учитывая это, внимательно проследив путь познания начинающего изучать язык, мы приходим к выводу о том, что этот путь подсказывает верное решение проблемы частей речи — использовать данные семасиологии, синтаксиса и морфологии, т.е. решение, которое "настойчиво навязывается самой языковой системой" /10:78/.

Правильность такого решения подтверждается и тем фактом, что значение слова, его функция и форма неотделимы друг от друга, предполагают друг друга: слово определенного значения выполняет определенную функцию, в то же время определенная функция является свойством (качеством) слова определенного значения; выполняя определенную функцию, слово определенного значения как слово проявляет себя в определенной форме.

Таким образом, при выделении частей речи в дунганском языке логично использовать следующие критерии: семантический, синтаксический и морфологический.

Начнем с рассмотрения слов типа фонзы (дом), чочи (влага) тэпин (мир) и т.д. Предъявив семантический критерий, мы обнаружим, что значением этой категории слов является предметность. В предложении же, как мы можем убедиться, каждое из этих слов может быть в функции подлежащего или дополнения, например: 1. Фонзы бу нын гэжя нуэ ви (дом сам не может сдвинуться с места); Чочи мэули (влага исчезла); Тэпин — жысы вемули да вончён (мир — это наша большая надежда). 2. Вему да фонзы гынчян гуэли (мы прошли около дома); Ба фонниди чочи ё замузя йиждёни. (надо как-то ликвидировать влагу в комнате); Ви тэпин ё жыжданни. (за мир нужно бороться).

В отличие от других слова данной категории сочетаются со словами гынчян (около), вэту (снаружи), чянтү (впереди), быйху (сзади), хуту (сзади), выполняющими функцию послеслогов, и не сочетаются с отрицательной частицей бу (не). Приведем примеры: фу гынчян (около дерева), фонзы вэту (снаружи дома), жын чянтү (впереди человека), фынчуан быйху (сзади самолета), полуэ хуту (сзади стога сена) и т.д.; но невозможны сочетания типа бу фу, бу фонзы и т.д.

Рассматриваемые слова могут иметь перед собой обычное

определение, а также слова, обозначающие количество, например: жэно щёфе (интересный рассказ), санге ли (три группы) и др.

Есть у слов данной категории и отличительные морфологические признаки: многие из них оканчиваются на -зы, -жэн, -жызы, -ки, например: йызы (мыло), тозы (персики), гунгунзы (палочка), додозы (ножик), гигизы (перегородка), дудузы (бусы), тэтэзы (ступеньки), нифиджэн (штукатурщик), теджен (кузнец), мужэн (плотник), чонжызы (певец), фэжызы (говорун), фонки (квартирант), бёнки (наркоман) и др. Более того, отдельные слова данной категории в своем составе могут иметь то, что принято называть падежными окончаниями, например: дезы (тарелка) — дезыди (тарелки), дезыни (в тарелке) и др. Морфемы -ди, -ни в приведенных примерах не что иное как окончания родительного и местного падежей¹. Дунганской морфеме -ди в русском языке соответствуют -а (я), и (-и), а морфеме -ни — морфемы -е, -у. Приведем примеры: лоханди фонзы — дом старика, жуэзыди туйтуйзы — ножки стола, лофули гын — корень ивы; гонзыни — в ведре, хэни — в реке, фулини — в лесу и др. Могут, однако, возразить и сказать, что морфема -ни является суффиксом глагола зэ (находиться) настоящего времени, который здесь опущен, но подразумевается. Действительно, дунганские глагольные суффиксы в предложении могут переходить к существительному (объекту), например: хэ фидини (пьет воду), хэ фиди (пил воду), хэ фини (будет пить воду). Здесь морфемы -дини, -ди, -ни — это суффиксы настоящего, прошедшего и будущего времени глагола хэ (пить). Заметим, что это явление (т.е. переход глагольных суффиксов в словосочетании и в предложении к существительному) является отличительной особенностью дунганских глаголов. Но в приведенных (гонзыни — в ведре, фулини — в лесу) и аналогичных примерах морфема -ни не является глагольным суффиксом. Доказательством данного утверждения может служить следующее. Если попытаться употребить упомянутые существительные вместе с глаголом зэ (находиться), то в них появится еще одна морфема -ни, которая-то и является глагольным суффиксом. Приведем

¹ Вопрос о наличии в дунганском языке категории падежа, безусловно, требует специальной разработки. Наше же предложение, выраженное в несколько категорической форме, призвано привлечь внимание исследователей на столь интересный объект изучения и побудить их принять участие в обсуждении данной проблемы.

примеры: гонзыни (в ведре) — за гонзынины (находится в ведре), фулинни (в лесу) — за фулиннины (находится в лесу) и др.

Отдельные из разбираемых слов могут также иметь в своем составе морфему —му, которая выражает значение множественности, например: дэуан (учитель) — дэуанму (учителя), цэа (писатель) — цэаюму (писатели) и др. Правда, такой показатель множественности могут иметь лишь те немногие из них, которые обозначают лица. Однако важно то, что такой морфологический признак существует. А раз так, то значит существует и категория числа, которая, правда, часто выражается сочетанием существительного с числительным или со словами типа ду (все), хою (много), хиге (несколько), например: дезы (тарелка) — санге дезы (три тарелки), дезы ду (все тарелки), хою дезы (много тарелок), хиге дезы (несколько тарелок) и др.

Рассматриваемые слова при грамматическом разборе отвечают на вопрос сий? (кто?) или са? (что?). На вопрос сий? (кто?) отвечают только те из них, которые обозначают людей, остальные же, даже если и обозначают живые существа, отвечают на вопрос са? (что?), например: хуахэму (сий?) — художники (кто?), но фубыны (са?) — книга (что?), ягнозы (са?) — ягненок (что?) и др. Различение одушевленных и неодушевленных предметов в дунганской грамматике, как и в русской, не совпадает с различением живого и неживого в природе. Однако в русском языке различение одушевленных и неодушевленных имен существительных получило свое грамматическое выражение в форме винительного падежа множественного числа, а в дунганском же различение одушевленных и неодушевленных имен существительных получило свое грамматическое выражение в постановке вопроса при установлении отнесенности слова к той или иной части речи.

Таким образом, разбираемые слова обладают рядом семантических, синтаксических и морфологических признаков (значение предметности, функция подлежащего или дополнения в предложении, сочетаемость с предлогами и послелогами, наличие у некоторых из них определенных флексий, наличие категории числа и категории одушевленности — неодушевленности), которые отличают их от слов других классов. А такие слова, т.е. слова с названными признаками, обычно относят к существительным.

Предметы, явления действительности находятся, как учит материалистическая диалектика, во взаимодействии, в движении.

Поэтому естественно, что в языке есть слова типа дадэ (раз-
бить), дунтан (двигаться) и др., обозначающие действие, дви-
жение, семантически резко отличающиеся от других слов. По
своей функции эти слова также не похожи на другие. Они в
предложении могут быть только в роли сказуемого, например:
Вава худини. (ребенок рисует). Лишь в исключительных случа-
ях такие слова выступают в предложении в роли подлежащего,
например: Няи, ше- хысы вому сучон ганди. (читать, писать —
это наше обычное занятие). Но не подобные исключительные
случаи определяют названные слова как слова определенной ка-
тегории, а то абсолютное большинство случаев, когда они в
предложении выполняют функцию сказуемого. Выполняя в предло-
жении функцию сказуемого, они часто требуют после себя до-
полнения, что, как известно, является свойством слов опреде-
ленного класса, а именно: глаголов. Приведем примеры: Ливар
на тещи фан дидини (Ливар лопатой копает землю); Щесниму зе
фуфузидини (ученики сажают деревья).

Особенностью их является и то, что они в отличие от имен
существительных не могут иметь перед собой слова, обозначаю-
щие количество.

Разбираемые слова имеют также характерные морфологиче-
ские признаки — суффиксы -дини, -ни, -ли, например: фидини
(играет), фани (будет играть), фади (играл); подини (бежит),
пони (будет бежать), поли (бежал) и др.

Таким образом, наличие слов со значением действия, вы-
полняющих в предложении функцию сказуемого и имеющих опреде-
ленные словоизменительные аффиксы, убеждает нас в том, что в
дунганском языке есть такая часть речи, как глагол.

Действия, движения предметов, явления действительности
бывают разными по степени и характеру. Естественно, что в
языке существуют слова, отличающиеся от слов других катего-
рий. По своей функции они также похожи на другие слова. В
предложении они, как правило, выступают в роли обстоятельст-
ва образа действия и находятся после члена предложения, выра-
женного глаголом, например: Финчуан фиди го (самолет ле-
тит высоко). Лишь в редких случаях, в предложении особой кон-
струкции, они могут быть впереди члена предложения, выражен-
ного глаголом, но при этом перед ними обязательно появляется
предлог вон (по значению напоминающий приставку по — в рус-
ском языке), а сами они принимают суффикс -ни, например: Вон
гони фи. (лети повыше). Суффикс -ни здесь следует рассматри-

вать как характерный морфологический признак слов данной категории.

Таким образом, в дунганском языке существуют слова, обозначающие разную степень и характер действия, движения, выполняющие в предложении функцию обстоятельства образа действия и имеющие в определенных условиях характерный морфологический признак, т.е. слова, которые в грамматике обычно называют наречиями.

Предметы, явления действительности обладают определенными свойствами, признаками, качеством. В языке, естественно, есть слова, обозначающие свойства, признаки, качество предметов и явлений, семантически отличающиеся от слов других категорий. По своей функции они также не похожи на другие слова. В предложении эти слова, как правило, выступают в роли определения, например: Дезни гёди лён куэзы ган мёмо. (в тарелке лежат два куска сухого хлеба); Та жюли йигё фу гуэзы. (он сорвал одно спелое яблоко). Сочетаться они могут только с существительными, например: давлур гэту (светло-зеленый платок), шынлан тян (темно-синее небо), куэ дозы (острый нож), куан хё (широкая река) и др.

Слова данной категории в предложении являются частью составного именного сказуемого, если употребляются с суффиксом -ди, а определяемый ими член предложения, выраженный существительным, употребляется со связкой сы, например: Ванванзысы мутуди (пиала деревянная. Дословно: Пиала есть деревянная). Определяющее и определяемое слова при этом меняются местами. Суффикс -ди в данном случае определяет отнесенность разбираемых слов к прилагательным. Последним присущи также образования степеней сравнения, например: хи (черный) - хишер (чернее), го (высокий) - гошер (выше), бый (белый) - быйди-хын (очень белый), ван (мягкий) - вандихын (очень мягкий) и др. Морфемы - шер и -дихын в приведенных примерах, конечно же, являются отличительным морфологическим признаком рассматриваемых слов, т.е. прилагательных.

Таким образом, существование слов, обозначающих свойства, качества предметов и явлений действительности, выполняющих в предложении функцию определения и имеющих характерные морфологические признаки, свидетельствуют о наличии в дунганском языке такой части речи, как прилагательное.

Предметы, явления действительности бывают не только разного качества, но и разного количества. А для обозначения

количества в языке, разумеется, существуют слова, которые семантически отличаются от слов других категорий. Слова эти имеют и другие характерные особенности. Так, в предложении чаще всего сочетаются со счетными словами типа фон (пара), ба (горсть), а также подлежащим или дополнением, выраженным существительным со значением предмета, служащего мерой чего-либо, подлежащим или дополнением, выраженным существительным со значением предмета, подлежащего счету, например: Ве мэли дён-фон хэ (я купил две пары обуви); Самэ жуали сан ба мян (Самэ взяла три горсти муки); Та налэли сы гонзы ёнйу (он принес четыре ведра картофеля); Хэмэ мэли шнго дезн (Хэмэ купила десять тарелок). От них, как от слов, относящихся к определенной части речи (к числительным), образуются порядковые, дробные и собирательные числительные, например: йигэ (один) - ту йигэ (первый), санго (три) - ди санго (третий), йигэ (один) - шн фырди йи фыр (одна десятая), санго (три) - шн фырди сан фыр (три десятых), санго (три) - сангер (трое) и т.д. Морфемы ту, ди, -р в приведенных примерах являются теми признаками, которые свидетельствуют об отнесенности этих слов к числительным.

Объективно существуют предметы, явления, представляющие собой продукты определенного действия. Естественно, что в языке есть слова, обозначающие такие предметы, явления. В предложении - это своеобразные определения, совмещающие в себе как признаки глагола, так и признаки прилагательного, например: жухади ёнйу (варенный картофель), янхади хуонгуа (соленый огурец) и др. С одной стороны, слова данной категории имеют ярко выраженное глагольное значение, с другой - отдельные признаки прилагательного (например, суффикс прилагательного -ди и способность выступать в предложении только в функции определения, подлежащего или дополнения, выраженного существительным). Такие слова, как известно, в грамматике обычно называются причастиями.

Сами действия, движения предметов и явлений действительности могут подвергаться тем или иным действиям же и причем различным образом. В языке есть слова для обозначения действий, определенным образом характеризующих действия же, например: тёди зу (подпрыгивая идти), занди ше (стоя писать), щёди фё (смеясь говорить) и др. Слова данной категории в предложении выступают в роли обстоятельства образа действия, находятся только перед сказуемым, выраженным глаголом, и до-

пускает впереди себя постановки слова да (походя, заодно). Приведем примеры: Тёди зули банжер, вава занхали (подпрыгивая, прошел немного ребенок, остановился); Да тёди зули банжер, вава занхали. (подпрыгивая, прошел ребенок, остановился). Слова, подобные разбираемым, обычно называют деепричастиями.

В дунганском языке семантически резко выделяются слова, которые служат лишь указанием на предмет или его признак, например: ва (я), ни (ты): та (он), вэму (мы), заму (мы), ни-му (вы), таму (они), вэмуди (нам), замуди (нам), нимуди (вам), тамуди (их) и др. Функционально они похожи на существительные (могут быть в предложении в роли подлежащего, дополнения, определения), но в отличие от последних не допускают впереди себя никаких определений. Эти слова являются ничем иным как местоимениями.

Одни и те же слова в дунганском языке могут иметь различные смысловые оттенки, которые выражаются с помощью служебных слов типа са, на, каса, ма, ба му, о, например: те (железо) – теса? (железо же? железо бы), тена? (а железо? где железо?), тенаса? (где же железо?), тема? (железо ли?); чили (ходил) – чилиба (видимо, ходил), чилиму (если идти, то ...), чили, о (ходил, да). Такие слова, как известно, называются частицами.

Слова в предложении взаимосвязаны. Отношения между ними обычно выражаются флексиями. В дунганском языке слова, как правило, лишены флексий. Роль флексий в этих условиях выполняют, помимо порядка слов в предложении, определенные слова. Слова с такой функцией есть и в других языках. Их называют предлогами и послелогами: да (от, с), на (с), ба (употребляющийся в предложении вместе с дополнением и не имеющий аналогии в русском языке), вон (к, по направлению), до (до), лян (с), ли (от), фын (от) и др.; литу (внутри), вэту (снаружи), гынчан (около, рядом), тунн (впереди), хуту (сзади), диха (внизу) и др. Сравнительная многочисленность предлогов и послелогов в дунганском языке объясняется отсутствием во многих случаях флексий, функции которых они и выполняют.

В предложениях часто встречаются слова типа касы, зэмусы, е, ю, хуэйгуан, йинви, еба, данси, йинцзы, зэсы, которые не являются членами предложений, а служат лишь для связи членов предложения и для связи простых предложений в составе слож-

ного. Такие служебные слова обычно называются союзами.

В дунганской речи нередко встречаются слова типа эё, эя, хэй, пый, эй, хын, ид, которые не обладают номинативной функцией, но выражают различные ощущения и волеизъявления говорящего. Такие слова, как известно, принято называть междометиями.

Таким образом, части речи в дунганском языке, как и в других языках, "представляют собой естественно данные самим языком грамматические группировки лексики, без учета которых невозможно любое грамматическое описание" /7:53/.

К ним относятся:

- 1) существительное,
- 2) глагол,
- 3) наречие,
- 4) прилагательное,
- 5) числительное,
- 6) счетные слова,
- 7) причастие,
- 8) деепричастие,
- 9) местоимение,
- 10) частицы,
- II) предлоги,
- 12) послелоги,
- 13) союзы,
- 14) междометия.

Л и т е р а т у р а

1. Г о р г о н и е в Ю.А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966.
2. Д р а г у н о в ы А. и Е. Дунганский язык. - "Записки Института востоковедения". Т. VI. М.-Л., Изд. АН СССР, 1937.
3. Д р а г у н о в А. Исследования в области дунганской грамматики. М., 1940.
4. К а л и м о в А. Счетные суффиксы в современном дунганском языке. - В кн.: Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.-Л., 1958.

5. К а л и м о в А. Употребление служебного слова ба в дунганском языке. - В сб.: Восточная филология. Характерологические исследования. М., 1971.
6. К а л и м о в А., Ц у н в а з о Ю. Хуэйзу йуянди жё-куёфу. I буфын. Фрунзе, 1970.
7. Л о п а т и н В.В. Словообразование как объект грамматического описания. - В сб.: Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
8. П о л и в а н о в Е.Д. Дунганский суффикс множественного числа - му. - В его кн.: Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
9. Ц у н в а з о Ю. Заметки о некоторых модификаторах в дунганском языке. - В сб.: Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964.
10. Щ е р б а Л.В. О частях речи в русском языке. - В его кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

SUR DES PARTIES DU DISCOURS EN DOUGAN

M. Imazov (Frounzé)

R e s u m é

L'article aborde le problème des parties du discours en doungan. Se fondant sur le vaste et concret matériel du lexique, l'auteur y démontre que la langue étudiée possède des classes sémantico-grammaticales de mots, donne l'argumentation et la définition des critères de leur classification.

ДУНГАНСКИЙ АКЦЕНТ В ПРОИЗНОШЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

А.Д. Мансуза (Фрунзе)

В проблеме акцента следует выделять психологический, физиологический и собственно лингвистический аспекты. В данной работе мы рассматриваем лингвистический (точнее, фонетический, произносительный) аспект данной проблемы.

Акцент в фонетике — это нарушение, отклонение от произносительных канонов изучаемого языка под влиянием родного, это результат "подчинения чужой фонетики фонологическим наработкам своего языка" /1, 154/. Следовательно, акцент дунган в произношении русского языка следует рассматривать как нарушения, изменения произносительных норм русского языка, обусловленные влиянием фонологической системы дунганского. Произносительный акцент, возникающий в русской речи носителей дунганского языка, обладает целым рядом особенностей. Путем сопоставительного анализа основных компонентов фонологической системы русского языка с соответствующими компонентами фонологической системы дунганского и на основании данных наблюдений /2/ можно описать основные черты дунганского акцента в произношении русского языка.

Консонантизм. Сопоставление системы согласных русского языка с консонантизмом дунганского позволяет установить следующие несоответствия: а) в русском языке согласные по глухости-звонкости составляют одиннадцать пар оппозиций: /б/-/п/, /б'/-/п'/, /в/-/ф/, /в'/-/ф'/, /д/-/т/, /д'/-/т'/, /з/-/с/, /з'/-/с'/, /ж/-/ш/, /ж'/-/ш'/, /г/-/к/. В дунганском языке по указанному признаку противопоставляются только согласные /в/-/ф/, /ж/-/ш/ и аффрикаты /дж/-/пж/, /гв/-/пф/, /дв/-/пф/, а также губногубные согласные /дб/-/пб/. Смычные согласные и остальные аффрикаты коррелируются по придыхательности-непридыхательности: /б/-/п/, /д/-/т/, /г/-/к/, /дз/-/п(г)/, /ж(дз)/-/ч(п)/, /ж(дз)/-/ч(п)/. Фрикативный согласный /с/ в дунганском языке, в отличие от соответствующего согласного в русском, является выпарным по глухости-звонкости. Артикуляторно и акустически дунганские придыхательные согласные /п/, /т/, /к/, /п/ отличаются

от русских /п/, /т/, /к/, /ц/ тем, что они являются полусмычными, неполносмычными, как в русском языке, вследствие наличия у них придыхательной фазы. По слухо-произносительным свойствам непрдыхательные согласные /б/, /д/, /г/ в дунганском языке также отличаются от /б/, /д/, /г/ в русском. Данное различие связано в том, что в русском языке рассматриваемые согласные являются полновзвонкими, так как при произношении их голосовые связки начинают колебаться до взрыва, в дунганском — полувзвонкими, неполновзвонкими, потому что при произношении их голосовые связки начинают колебаться в момент взрыва,

б) Согласные по мягкости-твёрдости в русском языке образуют двенадцать пар противопоставлений: /б/-/б'/, /п/-/п'/, /в/-/в'/, /ф/-/ф'/, /д/-/д'/, /т/-/т'/, /с/-/с'/, /з/-/з'/, /м/-/м'/, /л/-/л'/, /н/-/н'/, /р/-/р'/. В дунганском языке мягкие и твёрдые согласные выступают как позиционные разновидности, функционирование которых обусловлено действием слогового сингармонизма /з/. Иными словами, такие пары согласных в дунганском языке, как /б/-/б'/, /п/-/п'/, /д/-/д'/, /т/-/т'/, /м/-/м'/, /л/-/л'/, /н/-/н'/, /ж (дж)/ - /ж (дж')/, /ч (чш)/ - /ч' (чш')/ являются вариационными, позиционно обусловленными, а не фонематическими, как в русском языке.

в) Для русского языка, как видно из сказанного, не характерны дунганские согласные /бж'/, /пш'/, /дб/-/тп/, /дв/-/тф/, /гв/-/кф/, /дз/, /дж, дж'/, /тш, тш'/, /ц'/, /н/ и придыхательные-непридыхательные смычные согласные /4/. С другой стороны, дунганскому языку не свойственны русские согласные /б'/, /п'/, /д'/, /т'/, /с'/, /з/, /з'/, /в'/, /ф'/, /р/, /р'/, /х'/ и смычные согласные по глухости-звонкости.

Все вышеизложенные несоответствия в консонантизме рассматриваемых языков обуславливают определенные черты акцента в произношении дунганскими согласных русского языка, которые проявляются в следующем:

1. Произнесение непрдыхательного дунганского согласного /б/ на месте русских /б/, /п/: /пыткА/ или /пъткА/ вместо "бутылка", /пумагА/ вместо "бумага", /полкА/ вместо "булка", /пареп⁵/ вместо "борец", /бул'и/ вместо "пуля".

Замена русских согласных /б/, /п/ в позиции перед гласным переднего ряда /и/ специфическими дунганскими аффрикатами /бж'/, /пш'/: /бж'и/ или бж'инт/ вместо "бинт", /пш'ивА/ вместо "пиво".

2. Произнесение непридыхательного дунганского согласного /д/ на месте русских /д/, /т/: /дʊ/ вместо "ту", /дʊа/ вместо "тула", /тʊс/ вместо "дуст".

Замена русских согласных /д/, /т/ в положении перед лабиализованным гласным /у/ губно-вибранными аффрикатами дунганского языка /дʊ/, /тʊ/: /дʊʊа/ вместо "дуэль", /дʊʊа/ вместо "дула", /тʊʊа/ вместо "тура", /тʊʊа/ вместо "турист".

3. Произнесение непридыхательного дунганского согласного /г/ на месте русских /г/, /к/: /гол/ вместо "кол", /кол/ вместо "гол", /катава/ вместо "готово".

Замена русских согласных /г/, /к/ в позиции перед гласным /у/ своеобразными дунганскими аффрикатами /гʊ/, /кʊ/: /гʊʊа/ вместо "гувернёр", /кʊʊа/ вместо "кувада".

4. Замена русского дрожащего /р/ дунганским "ретрофлексным" гласным /ʀ/ (главным образом в абсолютном конце слова): /пам'идʀ/ вместо "помидор", /самавʀ/ вместо "самовар", /бадзʀ/ вместо "базар".

Произнесение /р/, /р/ без элемента вибрации (или с еле заметным дрожанием кончика языка) в начале слова перед гласным и в интервокальном окружении.

5. Замена русских согласных /з/, /з'/ дунганской аффрикатой /дз/: /дзэв'ил'эн'я/ вместо "заявление", /гадзэт или гадзэтʌ/ вместо "газета", /надзат/ вместо "назад".

Замена интервокального русского мягкого согласного /з'/ аффрикатой дунганского языка /дʒ/: /хадʒ'а или хадʒ'айин/ вместо "хозяин".

6. Произнесение дунганской аффрикаты /дж'/ на месте русского двуфокусного щелевого /ж':/: /дж'эн'я/ вместо "жжение", /водʒ'я/ вместо "вожжи".

7. Замена русской аффрикаты /ц/ дунганской фрикативной согласной /с/: /тансы/ вместо "танцы", /сытансы/ вместо "станция", /вэнэс/ вместо "венцы".

8. Утрата фрикативного губно-зубного /в/ в заударных слогах в абсолютном конце слова: /дула/ вместо "Дулов", /дука/ вместо "Дуков", /кузы/ вместо "кузов".

9. Произнесение дунганского согласного /с/ на месте русских /с/, /с':/: /сэсы/ вместо "сессия", /вэсы/ вместо "весь".

10. Произнесение дунганского согласного /в/ на месте русских /в/, /в':/: /вэсы/ вместо "весь", /вал/ вместо "вяд".

11. Произнесение дунганского согласного /ф/ на месте русских /ф/, /ф'/: /ферм/ вместо "ферма", /фудзэл'аш/ вместо "фоселях".

12. Произнесение твердых русских согласных в абсолютном конце слова с редуцированным гласным непяреднего ряда вследствие того, что в дунганском языке в конце слова согласные не встречаются: /куб^б/ вместо "куб", /лоф^б/ вместо "лов", /сэф^б/ вместо "сев".

Произнесение по указанной причине мягких русских согласных в абсолютном конце слова с редуцированным гласным переднего ряда: /сол'я/ вместо "соль", /рул'и/ вместо "руль", /тол'я/ вместо "толь". Исключения составляют губно-губные /б/, /б'/, /п/, /п'/, губно-зубные /в/, /в'/, /ф/, /ф'/ и зубные согласные /с/, /с'/: они, как правило, произносятся твердо.

Определенные черты дунганского акцента в произношении русского языка обусловлены особенностями сочетания фонем, а именно тем, что согласные в русском языке сочетаются с согласными, а в дунганском нет.

13. Произнесение с эпентетическим гласным между согласными сочетания: /кулуп/ вместо "клуб", /кул'уч/ вместо "клуб", /курушка/ вместо "кружка", /м'ин'э/ вместо "мне", /вин'э/ вместо "вне".

14. Утрата одного (двух, иногда даже трех) из согласных сочетаний: /токл/ вместо "только", /сых'и/ вместо "стихи", /матацк/ вместо "мотоцикл", /чувис/ вместо "чувство", /суд'а/ вместо "судья".

Вокализм. Сопоставительный анализ вокализма русского языка с системой гласных дунганского позволяет отметить наличие пяти фонем в русском языке /а, о, у, э, и/ и двадцати фонем в дунганском /а, а̃, о, б̃, ʊ, у, ū, и, ы, ӓ, ӓ̃, э, ӓ̃, ыи, уи, уэ, уӓ̃, ӓ̃б̃, ӓ̃а̃, уа/ /5/. Вместе с тем в русском языке противопоставления гласных по признакам подъема и лабиализации являются фонологически значимыми. В дунганском гласные противопоставляются не только по подъему и лабиализации, как в русском языке, но еще коррелируются по наличию-отсутствию носового резонанса. Отмеченные расхождения в репертуаре гласных фонем и их дифференциальных признаков обуславливают такие черты дунганского акцента в произношении русских гласных, как:

15. Произнесение дунганских назализованных гласных на месте русских сочетаний -он/-ён/, -ан/-ян/, -ун/-юн/, -эн/-ен/, -ин/-ин/, в которых имеет место назализация гласных: /т'ил'иф/ вместо "телефон", /пёсн/ вместо "пенсия".

16. Произнесение русских гласных /э/, /и/ в абсолютном начале слова с протетическим согласным /й/ ввиду того, что в названной позиции слова гласные в дунганском языке не встречаются: /йигл / вместо "игло", /йин'и/ вместо "иней", /йискира/ вместо "искра".

Утрата начального лабиализованного гласного /у/ по указанной причине: /правл'эн'и/ вместо "управление", /правл' -аш':и/ вместо "управляющий".

17. Произнесение краткого лабиализованного гласного /ў/ дунганского языка на месте русского /у/: /оўдўш':и/ вместо "будущий", /пўт или пўтын/ вместо "пуд".

18. Произнесение дунганского гласного /ў/ на месте русского /ы/ в позиции после губного взрывного /б/, так как в этой позиции в дунганском языке гласный /ы/ не встречается: /пўл'и/ вместо "пыль", /оўл/ вместо "был", /вўл/ вместо "выл".

Отсутствие вокальных сочетаний в дунганском языке обуславливает следующие черты дунганского акцента в произношении сочетаний русских гласных:

19. Замена сочетаний русских гласных специфическими дунганскими дифтонгами: /вўал'и/ вместо "вуаль", /тўал'эт/ вместо "туалет", /дўэл'и/ вместо "дуэли".

20. Стяжённое произнесение сочетаний русских гласных: /сацал'ис/ вместо "социалист", /м'ил'ицан/ вместо "милиционер", /йин'ипат'ивл /, вместо "инициативный", /нлп'ирац/ вместо "на операции", /нацанал'ны/ вместо "национальный".

21. Произнесение сочетаний русских гласных с эпентетическими согласными /й/: /в/: /к'ийос/ вместо "киоск", /т'ийат/ вместо "театр", /павук/ вместо "паук", /рад'ивл/ вместо "радио".

Ударение. Сопоставление ударения позволяет увидеть следующие расхождения в русском и дунганском языках. Ударение в русском языке, являясь длительно-силовым, функционирует как организующая сила: оно выполняет "роль соединения слогов в слова" /с. 322-323/. Ударный слог, выступая ритмическим центром слова, группирует вокруг себя предударные и заударные слоги и определяет характер их произношения /7, 80/. По

экспериментальным данным, русское ударение сильно влияет на спектральный состав гласных в безударных слогах /8/. В дунганском языке ударение является мелодическим, тоновым. Односложным словам дунганского языка присуща трехтоновая корреляция, акустически реализующаяся в противопоставлении ровного, нисходящего и восходящего уровней. 1-й ровный тон характеризуется как длительный, самый низкий, слабый, 2-й нисходящий тон как самый краткий, высокий, самый сильный, а 3-й восходящий как относительно краткий, менее высокий, слабый. Тонируемые гласные качественному изменению не подвергаются. В многосложных словах каждый слог выделяется тем или иным тоном. Например, в слове хуалу́ги "одеколон" слог хуа произносится с III-м, лу с I-м, а фи со II-м тонами, то есть произносится в соответствии со следующей акцентной схемой: III-I-II. Акцентная структура русского слова резко отлична от акцентной структуры дунганского слова. Например, в слове хо́дите ударный слог ди произносится с наибольшей длительностью и силой, максимальным напряжением артикуляторов, а первый предударный слог хо и второй заударный слог те характеризуются краткостью произношения, отсутствием такой динамичности и интенсивности, как у ударного слога ди. Акцентная схема слова хо́дите такова: - ˈ -. Ритмический центр в словах русского языка не связан с определенным слогом. Например, в слове вече́ра акцентная схема имеет такой вид: - - ˈ, а в слове вече́ра такой вид: ˈ - -. В дунганском языке, поскольку каждый слог произносится с тем или иным тоном, трудно сказать, какой слог является ритмически организующим центром слова. Отсюда произношение каждого слога в дунганском слове определяется не ритмическим центром, как в русском языке, а соответствующим тоном. Таким образом, если ритмика русского слова складывается из различной комбинации ударяемых и неударяемых слогов, то ритмика дунганского слова характеризуется различной комбинацией тонируемых слогов. Отмеченные несоответствия обуславливают следующие черты дунганского акцента в русском ударном произношении:

22. Смещение ритмического центра в многосложных словах русского языка с ударного слога на безударный и, наоборот, по причине подвижности и разноместности русского ударения: /вы́резать/ вместо "вырезать", /призна́й/ вместо "признай", /го́лоса/ вместо "голоса".

23. Выделение ударного слога иными средствами: а) слабое, краткое, с восходящим тоном выделение ударного слога (такое произношение затрудняет опознавание места ударного слога вследствие нивелирования контраста между ударным слогом и безударными); б) краткое, сильное, с нисходящим тоном выделение ударного слога (такое произношение сильно затрудняет опознавание места ударного слога, ибо длительность является конституирующим признаком русского ударения); в) слабое, длительное, с ровным тоном выделение ударного слога (такое произношение также препятствует опознаванию места ударного слога, так как динамичность для русского ударения является важным просодическим признаком).

24. Равномерное выделение ударного слога и слога со слабым ударением, что приводит к образованию слов с двумя ударениями: /вó все/ вместо /в[^]вс'э/, /з^а но́чь/ вместо /з^а н'ч'./.

25. Слабое выделение безударного слога, что приводит к утрате одного из слогов слова: /дзэвл'эн'и/ вместо "заявление".

26. Несоблюдение редукции гласных приводит к: а) произнесению русских гласных /а/, /о/ во всех безударных слогах после твердых согласных как звук /[^]/: /д^арл^бц/ вместо /д'раг^оц/, /сах^ар/ вместо /сах'р/; б) произнесение русских гласных /а/, /о/, /э/, /и/ во всех безударных слогах после мягких согласных как звук /^ц/, реализующийся в неударенном положении: /п'ятк'и/ вместо /п'ьтк'и/, /м'идл^вбц/ вместо /м'ьдл^воц/.

Таковы основные черты дунганского акцента в произношении русского языка. Знание данного вопроса позволит правильно и рационально построить методику обучения русскому произношению носителей дунганского языка.

Л и т е р а т у р а

1. Реформатский А.А. Обучение произношению и фонология. - ФН, 1959, № 2, стр. 154.
2. Бугазов А.Б. Фонетическое освоение русских лексических заимствований в дунганском языке. - "Изв-я АН Кирг. ССР", серия общественных наук. Т. II, вып. II. 1960.

3. М а н с у с а А.Д. О составе фонем дунганского языка (К вопросу о статусе твердых и мягких согласных). - В сб.: Исследования звуковой и семантической структуры языка. Фрунзе, Изд. "Илим", 1975.
4. ʔ - знак, служащий для обозначения своеобразного дунганского гласного, передающегося на письме сочетанием любой гласной буквы с буквой р.
5. Знак ~ служит для обозначения назализованных гласных.
6. Б о д у э н д е К у р т е н э И.А. Резья и резьяне. - В сб.: Славянский сборник. Т. III. СПб, 1876.
7. А в а н е с о в Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., Изд. МГУ, 1956.
8. Б о н д а р к о Л.В., В е р б и ц к а я Л.А., З и н д е р Л.Р. Акустические характеристики безударности. - В сб.: Структурная типология языков. М., "Наука", 1966.

DER DUNGANISCHE AKZENT BEIM RUSSISCHSPRECHEN

A. Mansusa (Frunze)

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der vorliegende Aufsatz gehört dem Bereiche der Sprachkontakte an. Seinem Wesen nach fußt er sowohl auf den persönlichen Beobachtungsangaben des Verfassers, als auch auf einer vergleichend-etymologischen Analyse der dunganischen und russischen phonetischen Systeme. Indes werden unter Anführung des nötigen Faktenmaterials die markantesten Wesenszüge des sogen. dunganischen Akzents sowohl in der Aussprache der russischen Vokal- und Konsonantverbindungen, als auch beim Aneignen der russischen Betonung erläutert. An dem Aufsatz werden insbesondere diejenigen interessiert sein, die sich mit den Akzentproblemen und der damit verbundenen (gegebenenfalls dunganisch-russischen) Zweisprachigkeit befassen. Denjenigen aber, die sich mit dem Unterricht der russischen Sprache an Dunganen abgeben, wird der Aufsatz zweifelsohne praktische Hilfe erweisen.

"ГАО СЭН ЧЖУАНЬ" В СВЕТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

М.Е. Ермаков (Ленинград)

В собственно китайскую, т.е. представленную китайскими авторами часть буддийского свода Китайской Трипитаки 大藏經, вошли среди прочих четыре крупных биографических сочинения. Это "Гао сэн чжуань" / 高僧傳, Жизнеописания достойных монахов/ - сочинение начала VI в., "Сюй гао сэн чжуань" / 續高僧傳, Продолжение жизнеописаний достойных монахов/ - сочинение VII в., "Сун гао сэн чжуань" / 宋高僧傳, Сунские жизнеописания достойных монахов/ - от второй половины X в. и "Дамин гао сэн чжуань" / 大明高僧傳, Великоминские жизнеописания достойных монахов/ - XVII в. Все перечисленные сочинения объединены в китайской традиции под общим названием "Си чао гао сэн чжуань" / 四朝高僧傳, Жизнеописания достойных монахов четырех династий/. Они содержат биографии в общей сложности более 1500 исторических лиц. Событие, описанное в них первым, относится к 67 г. н.э. и последнее - к 1644 г.

Наибольший интерес в этом литературном ряду представляют "Гао сэн чжуань" Хуй-цзяо 慧皎 /496-556/, поскольку по их образцу составлялись все остальные сочинения. Здесь собраны сведения по раннему китайскому буддизму с 67 г.н.э.по 519 г. Более пятисот биографий этого крупного по объему и емкого по содержанию буддийского свода распределены по десяти разделам: "Переводчики", "Проповедники", "Толкователи" и др.В сочинение вошли также авторское предисловие, письмо первого критика "Гао сэн чжуань" Ван Мань-ина 王曼卿 к Хуй-цзяо и ответ последнего и, наконец, включенная при последующем редактировании биография автора.

Являясь в определенной степени компиляцией, "Гао сэн чжуань" вобрала в себя наиболее существенное из созданного до них в китайской буддийской историографической литературе, и исследование этого сочинения явится т.о. ключом, первой ступенью к раскрытию более широкой темы - буддийские жизнеописания в китайской литературе.

Из "Гао сэн чуань", изобилующих именами исторических деятелей, географическими названиями, датами и т.д., современная синология заимствует большую часть сведений по истории раннего китайского буддизма. Если к тому же иметь в виду, что многие из этих сведений подтверждаются только более поздними сообщениями, или больше нигде не освидетельствованы, то становится ясной необходимость выявления степени доверия к "Гао сэн чуань", как к историческому источнику. Вынести окончательное суждение по этому, как и по ряду других вопросов, возможно только на материале литературного анализа, т.е. путем выяснения того, что представляют из себя "Гао сэн чуань" как литературный памятник.

Представить сочинение Хуй-цзяо таким образом вовсе не будет актом произвола по отношению к нему. В силу объективных причин, т.е. благодаря тому, что китайская историография отделилась от художественной прозы позднее¹, и причин субъективных, под которыми мы понимаем несомненный художественный талант автора, "Гао сэн чуань" предстают письменным памятником с высокими литературными достоинствами. Мера этих достоинств была хорошо известна буддийским критикам, вполне осознается современными исследователями, один из которых называл сочинение Хуй-цзяо "шедевром в прозе периода Шести династий"².

Необходимой частью предпринимаемых нами изысканий предполагается сопоставление "Гао сэн чуань" с другими параллельно существовавшими литературными явлениями. Провести такое сопоставление предусматривается на трех последовательных уровнях, а именно: 1. "Гао сэн чуань" и европейская литературная традиция. 2. "Гао сэн чуань" и официальная китайская историография³. 3. "Гао сэн чуань" и буддийская биография

¹ В теории китайской литературы такое выделение прослеживается достаточно четко начиная с VIII в., о чем свидетельствуют суждения танского ученого Лю Чжи-цзи /661-722/, зафиксированные в его трактате "Ши тун".

² См. A. F. Wright. Biography and hagiography, Hui-chiao's Lives of eminent monks. - Silver Jubilee volume of the Zunbun-Kagaku-Kenkyusyo, Kyoto, 1954, p. 383.

³ Частично такое сопоставление уже проведено нами. См. М. Ермаков. Биография Кумарадживы в "Гао сэн чуань" и ее версия в официальной китайской историографии. - IX научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч. I. М., 1978, с. 137-141.

начала VI в.⁴ Что касается настоящей статьи, то здесь мы ставили задачу попытаться установить на первом уровне сопоставления приблизительные контуры китайского литературного памятника.

Как и любое сочинение, вошедшее в Китайскую Трипитаку, "Гао сэн чжуань" заключают в себе глубокий пиетет к учению Будды, проникнуты духом его доктрин. В письме к Ван Мань-ину Хуй-цзяо пишет: "По части распространения Учения нет в буддизме тех, кто превзошел достойных монахов. Питаясь их усилиями, со временем засиял завещанный закон. Век от века да восторжествуют выдающиеся заслуги и образцы благочестивого поведения! Все это и побудило меня упорядочить записи, должным образом обобщить их и связать воедино"⁵. Основной просчет предшествующей буддийской историографии Хуй-цзяо усматривает в том, что "замечательные примеры образцового поведения часто или опускаются или подвергаются сокращению"⁶ и "Гао сэн чжуань" призваны по его замыслу этот просчет устранить.

Сходное назидательное предназначение было и у представляющей европейскую литературу агиографии.⁷ Агиография обращается к той же биографической форме повествования с непре-

⁴ Провести сопоставление на этом уровне позволяет то счастливое обстоятельство, что помимо "Гао сэн чжуань" от начала VI в. до нас дошло еще одно буддийское сочинение "Чу Саньцзян цзи цзи" / 出三藏記集. Собрание свеле-

ний о переводах Трипитаки Сэн-ю 僧祐 445-518/, содержащее биографический раздел. Хуй-цзяо упоминает это сочинение в качестве одного из основных источников для "Гао сэн чжуань". См. Тайсё синсё Дайдзюкё (Заново составленная Трипитака гг. Тайсё). Токио, тт. I-85, 1960-64, т. 50, с. - Далее в тексте статьи: Трипитака Тайсё.

⁵ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 422 в.

⁶ См. там же.

⁷ "Прочтите сие жизнеописание и другим братьям, - обращается к монахам архиепископ александрийский Афанасий, автор жития св. Антония - древнейшего образца агиографической литературы, - и пусть убедятся, что господь и спаситель наш Иисус Христос прославляет прославляющих его и служащих ему до конца не только вводит в небесное царствие, но и здесь, сколько бы ни утаивались и ни старались пребывать в уединении, соделывает повсюду известными и славными, ради добродетели их и ради пользы других". См. Творения святых отцов. Т. 21. М., 1853, с. 284.

менным описанием жизни героя от рождения до смерти. Здесь обязательными являются рассказы о чудесах, которые можно усмотреть и в некоторых биографиях из сочинения Хуй-цзяо. Наконец, сходство может показаться полным, если учесть, что в отдельных биографиях из китайского сочинения встречаются те же "сюжетные штампы", что и в европейской агиографической литературе: чудесное рождение, раннее благочестие, предсказание устами знаменитого подвижника славной будущности героя.

И все же настаивать на полном сходстве, даже в порядке предварительного суждения, было бы неправильным. По-видимому, вопрос должен быть поставлен следующим образом: были ли созданы в китайском буддизме образцы биографической литературы, соотносимые с биографической христианской литературой или, другими словами, насколько термин "агиография" правомерен по отношению к китайскому сочинению?

Судя по названию статьи "Биография и агиография". Жизнеописания достойных монахов "Хуй-цзяо", тот же вопрос задавал себе ее автор - американский исследователь Артур Райт. На самом же деле, в этой в целом интересной и обстоятельной статье содержится только несколько замечаний по обещанной в заглавии теме. А. Райт отмечает, что Хуй-цзяо обнаруживает в своем сочинении то же отношение к историческому материалу, что и лучшие китайские историки его дней. Далее, усматривая единственное отличие Хуй-цзяо от светских историков в его принадлежности к последователям буддийского учения, А. Райт заключает: "Всё же, поскольку он ищет в истории отражение важных моральных принципов, то и стремится в "Жизнеописаниях достойных монахов" продемонстрировать действие буддийских законов и могущество буддийских божеств. В этом контексте он равным образом может быть назван биографом и агиографом"⁸. Вслед за А. Райтом, но уже без каких-либо оговорок (высказывание А. Райта заключает в себе такую возможность) китайский памятник как агиографический определяют Артур Линк⁹ и Эрик Цурхер.¹⁰

---

⁸ См. A. Wright. Op. cit., p. 389-390.

⁹ A. E. Link. Shih Seng-yu and his writings. - "Journal of the American Oriental Society", vol. 80, 1960, I, p. 34.

¹⁰ E. Zürcher. The Buddhist conquest of China. Leiden, 1959, pp. 6, 10.

Все же позволим себе усомниться в правильности ставшей, казалось бы, общепринятой установки и попытаемся выяснить не тот ли это случай, когда определение появляется раньше, чем выявлена суть предмета.

Под термином "агиография", а равно и под житиями, понимается, как известно, жанр средневековой литературы, повествующей о жизни святых и подвижников христианства.¹¹ Исследователей давно занимает вопрос о том, насколько достоверным источником являются жития. По оценке известного русского исследователя П. Безобразова, из 92 глав, составляющих житие св. Антония (один из ранних образцов греческой агиографии), "/.../ не более 10 имеют реальное содержание, и самый реализм этот очень относительный"¹². Судя по высказываниям П. Безобразова относительно других житий,¹³ соотношение, выведенное им на материале отдельного текста, характерно для всей агиографической литературы в целом. Интересные наблюдения привел в своей книге о севернорусских житиях И. Яхонтов. Исходя из замеченной им закономерности, заключающейся в том, что многие жития не только в общих агиографических характеристиках, но и в конкретных описаниях повторяют более ранние образцы и друг друга, он пишет: "/.../ вся биографическая сторона этих житий может дать историкам нужный материал только разве для изучения идеальных взглядов народов на подвижничество, но с этими взглядами знакомят историка и жития святых подвижников всякого другого края"¹⁴. Сошлемся также

II Агиография - предмет к настоящему времени довольно благополучный и в арсенале научных представлений о ней содержится богатый набор авторитетных суждений русских ученых начала XX в. Поэтому мы посчитали целесообразным не привлекать для сопоставления с "Гао сэн чуань" самих житийных текстов, но опереться на эти проверенные временем суждения.

12 П. Б е з о б р а з о в. Древнейшие греческие жития. - "Журнал министерства народного просвещения", новая серия, т. 71, № 1, 1917, с. 150.

13 Приведем только некоторые из этих высказываний: "Никакого фактического материала мы в житии Симеона не находим /.../ (см. там же, с. 206); "Не заключает в себе ничего исторического небольшой рассказ об отшельнике Пимене /.../ (см. там же, с. 223); "Сказочным содержанием наполнено житие пустынножителя Феоктиста /.../ (см. там же, с. 227).

14 И. Я х о н т о в. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, с. 333.

на авторитетное мнение В.О. Ключевского, который считал, что как исторический источник приобретают значение только жития, в результате литературного развития отошедшие от канонов житийного жанра¹⁵.

Не приходится сомневаться, что предав забвению агиографию, историческая наука лишилась бы многих представлений о характере подвижничества в христианстве, об отправлении христианских культов, о деталях христианского быта и т.д. И все же, что касается сообщений об определенных во времени и по месту достоверных событиях, т.е. всего того, что принято называть фактографией, то, не удовлетворив своего любопытства за счет житий, историк должен будет обратиться за этим к источникам другого рода.

Рассмотренные как исторический источник "Гао сэн чжуань" обнаруживают принципиальное отличие от житий. Даже руководствуясь самыми строгими критериями исторической критики, невозможно будет усмотреть вымысел к примеру в биографии Чжу Фо-шо 三帝朔.

"В то время жил шраман из страны Тяньчжу по имени Чжу Фо-шо. Он взял в дорогу сутру Лаосин и в году правления ханьского Лин-ди /168-190/ прибыл в Лоян, где и переводил с санскрита на китайский. Тогдашние переводчики, допуская отдельные смысловые огрехи, в целом передавали (что делалось порой в ущерб стилю) глубинную суть оригинала. На втором году правления по девизом Гуан-хэ (179 г.) в Лояне Чжу Фо-шо зачитал сутру Божо саньмэй. Локакшема переложил сутру на китайский язык, и она была записана в хэнаньском Лояне Мэн Фу и Чжан Ляном"¹⁶.

Биографий, сходных с приведенной выше в "Гао сэн чжуань", большинство. Легенды, сказочные сюжеты, если и появляются, то чаще всего в биографиях, превышающих остальные своим объемом, иными словами, в "развернутых" биографиях. Все же и в такого рода биографиях реальное преобладает, остается тем главным, что сообщает автор.

Обыкновенно, каждая биография содержит определенный фактический минимум, который мог быть дополнен, если это позво-

¹⁵ В.О. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

¹⁶ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 324б.

ляли сделать источники. Независимо от объема биографии, этот минимум, составляющий как бы ядро повествования, всегда один и тот же: откуда родом герой повествования, какой род деятельности избрал для себя, перечень его заслуг, дата кончины.

В приведенную схему полностью укладывается биография Тань-ди 蒙帝:

"Шраман Тань-ди родом из Аньси /Бактрия/ был знатоком ви-
най. В годы под девизом правления Чжэн-нань /254-255/ динас-
тии Вэй прибыл в Лянь. Тань-ди перевел сутру Тань уде цзе-
мо"¹⁷.

Из той же схемы исходит автор "Гао сэн чуань" и в раз-
вернутых биографиях:

"Чжу Фо-нянь 三佛念 - уроженец Лянчжоу. Монахом он
стал в юном возрасте и все его помыслы и дела были чисты и
непогрешимы. Снаружи умиротворенный, изнутри просветленный,
он был зеркалом проникновения в тайны Учения. Он выучил наизусть множество сутр, обозрел мало-помалу прочие писания. Бо-
лее всего он преуспел в том, что касалось комментирования. С
юных лет любил странствовать, повсеместно обозревал людские
нравы. Семейство его проживало к западу от Хуанхэ, и он хо-
рошо понимал тамошний язык. Не было в языке жунов и в китай-
ском, чего он не мог бы понять. И хотя в постижении истинно-
го смысла Учения Чжу Фо-нянь не был совершенен, благодаря об-
ширным познаниям обрел он всемирную славу. При правителях из
рода Фу в годы правления под девизом Цзянь-нань (365-344) в
Чанъань прибыли Сангхабути и Дхармананди. Чжао Чжэн просил
их перевести сутры¹⁸. В те времена среди славных и добродетельных мужей не нашлось того, кто бы мог переводить писания на китайский язык и все как один указали на Чжу Фо-няня. Сангхабути зачитывал санскритский текст, а Чжу Фо-нянь передавал его по-китайски. Он придерживался простоты и избегал двусмысленности, добиваясь ясности в звучании и по смыслу. В первую луну двенадцатого года под девизом правления Цзянь-нань был приглашен Дхармананди передать сутры Цзэньи ахань и Чжун ахань. Совершенные в учении шраматы, собравшиеся в

¹⁷ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 325а.

¹⁸ О высокопоставленном чиновнике, покровителе буддизма Чжао Чжэне см. ниже биографию Дхармананди.

Чанъани, просили Чжу Фо-няня перевести эти тексты. Он до тонкости разъяснил два этих писания, на что ушло два года. В том и состоит заслуга Чжу Фо-няня, что он перевел и распространил два этих текста. После Ань Шя-гао и Чжи Чаня никто не превзошел его как переводчика. При правителях из родов Фу и Яо он оставался патриархом переводчиков, и монахи в Гуаньчжуне все им восхищались. Чжу Фо-нянь впоследствии перевел и другие сутры: Пуса инло, Шичжу дуаньцзе, Чжуньинь и Юэтай. Стал он было приводить все в порядок, но так и не довел дела до конца. Вскоре он занемог и скончался в Чанъани. Вставшие на путь и погрязшие в мирском, те, у кого карма чиста, и те, у кого она загрязнена, — все сожалели о нем"¹⁹.

При всем различии с короткой заметкой о Тань-ди биография Чжу Фо-няня сводится к той же приведенной нами схеме, хотя и в ее развернутом варианте.

О том, что конкретные биографические сведения мыслились Хуй-цзяо первоосновой своего сочинения, с полной очевидностью свидетельствует следующая короткая заметка:

"Жил еще шраман Бо-янь 帛延, о происхождении которого ничего не известно. Был он умен и обладал глубокими познаниями. В годы под девизом правления Гань-лу (256—260) династии Вэй перевел сутру Улян цинцзин пиндэн цзяо и другие, всего шесть сочинений. О последующем ничего не известно"²⁰.

Если бы хуй-цзяо не располагал реальными (хотя и отрывочными) историческими сведениями о Бо-яне, биография этого буддийского деятеля не нашла бы своего места в "Гао сэн чжуань", или, проще сказать, не состоялась бы как таковая. Китайский автор упомянул бы Бо-яня только затем, чтобы сказать, что о нем ничего не известно.

При передаче исторических сведений автор "Гао сэн чжуань" безупречен как историк, а в случае, когда материалы источников не дают достаточных оснований для окончательного вывода, приводит все известные ему версии:

"Не совпадают записи о дате смерти Кумарадживы. В одних записях говорится о седьмом годе под девизом правления Лунши (406 г.), а в других — о седьмом и одиннадцатом. Предпо-

¹⁹ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 329а, б.

²⁰ См. там же, т. 50, с. 325а.

честь седьмой год одиннадцатому было бы ошибкой, тем более, что в самих переводах Кумарадживы содержится дата - одиннадцатый год. Боюсь, однако, что и под ударами грома три этих летописца не пришли бы к единому мнению"²¹.

Точность фактического материала "Гао сэн чжуань" никогда не подвергалась сомнению ни в традиционной китайской историографии, ни у современных исследователей, по части раннего китайского буддизма полагающихся преимущественно на это сочинение.

В следующем пункте расхождение между агнографией и "Гао сэн чжуань" представляется не менее очевидным. В самом деле, неостепенным признаком агнографии, одним из тех, что выделяют её из общего литературного потока, всегда оставалось то выдержанное в хвалебных тонах отношение, которое выказал к своему герою автор. "Панегирическое отношение к герою и восхваление его добродетели /.../" - в этом П. Безобразов усматривает то заложенное еще в предшествующей биографической литературе "зерно", из которого развилась впоследствии агнография²². Появление в житии порицания в адрес героя (во всяком случае, порицания, исходящего от автора) не могло означать ничего другого, как только самоустранения жития как такового, переход его в новое, отличное от прежнего качество²³.

В том, что с китайским сочинением все обстоит по-иному, убеждает нас отрывок из биографии Кумарадживы:

"Император Яо Син говаривал Кумарадживе: "Великий наставник, в Поднебесной нет равного тебе по уму и широте познаний. Если в какой-то день ты оставишь мир, то можно ли допустить, чтобы семена Закона, брошенные тобой, не имели

²¹ См. там же, т. 50, с. 333а.

²² П. Б е з о б р а з о в. Древнейшие ..., с. 153.

²³ Здесь, судя по всему, многое объясняется богослужебным предназначением агнографии. "Житие святого - пишет П.В. Знаменский, - само составляло принадлежность богослужения в день его памяти /.../ (П.В. Знаменский, Сергей Мелонин, один из малоизвестных писателей XVII века. - "Православное обозрение", 1882, февраль, с. 300). Заметим по этому поводу, что "Гао сэн чжуань" принадлежат к китайской книжной культуре и лишены тем самым особенностей, которые присущи любой ориентированной на устное воспроизведение литературе, в т.ч. и агнографической.

преемника?". И должен был Кумараджива по настоянию императора взять к себе десять певиц. С этого времени Кумараджива оставил монастырский квартал и император особым декретом обязал казенные дома и постоянные дворы встречать его щедрыми подношениями. Каждого, кто приходил за наставлениями, Кумараджива встречал такими словами: "Слово мое подобно лотосу, что растет в вонючей грязи. Когда срываешь лотос, нужно брать его чистым". Еще в государстве Цюнь Кумараджива был в учениках у наставника по винаям Вималакши. И вот спустя много лет Вималакша прибыл в Гуаньчжун. Кумараджива узнал об этом, несказанно обрадовался и встретил Вималакшу как наставника. Вималакша не был осведомлен о том, к чему принудили Кумарадживу и потому спросил: "В землях Хань обрел ли ты счастливый удел? Сколько учеников под твоим руководством встали на путь Будды?". Кумараджива отвечал: "В пределах Хань было не так много сутр и винай. Новые сутры и всевозможные настры — это по большей части то, что принесено и передано мной. Тех же, кто под моим началом приняли Закон — три тысячи. Однако карме моей был нанесен большой урон и только потому я не принял звание патриарха"²⁴.

Было бы большим преувеличением сказать, что Хуй-цзяо усомнился в величии Кумарадживы, действительно выдающегося деятеля раннего китайского буддизма, но, как выясняется, он далек и от того, чтобы умалчивать о столь несовместимых с представлением о монашеской добродетели изъянах этого величия.

В последних строках обстоятельной, выдержанной в обычных тонах биографии Дхармаяшаса, там, где китайские авторы по обыкновению помещают собственные суждения по поводу изложенного (или по китайской историографической терминологии "переданного"), Хуй-цзяо пишет следующее:

"В особой келье, за наглухо закрытой дверью сидел Дхармаяшас в позе медитации. Внезапно в этой келье появились пять-шесть каких-то шраманов. Еще принимал он шраманов, прилетающих по верхушкам деревьев. И было это часто, и было их множество. Поговаривают Дхармаяшас общался с божествами, но ведь жил он как невежда и простолудин. Так и не снизошло на Дхармаяшаса просветление, но возвели его современники в

²⁴ См. Трипитака Тайсэ, т. 50, с. 332в.

ранг достигшего плода святости"²⁵.

Приведенный отрывок в еще большей степени убеждает нас в том, что тональность биографии в "Гао сэн чжуань" в отличие от тональности житий вовсе не однозначна, но колеблется (в зависимости от позиции автора в каждом отдельном случае) от полностью хвалебной к более сдержанной и до откровенно осуждающей.

Еще об одном существенном различии житий и буддийской биографии. "Основанием для причисления усопших подвижников к лику святых, — пишет историк церкви Е.Е. Голубинский, — служило прославление подвижников даром чудотворения или же еще при жизни /.../, или же /.../ по смерти"²⁶. Отсюда и жития обязательно должны были включать рассказы о чудесах, явленных как при жизни святого, так и после его смерти.

Напротив, рассказы о чудесах, элемент невероятного — скорее исключение в биографии из "Гао сэн чжуань", чем её непременная принадлежность. Только немногие биографии из китайского памятника (не более одной пятой из общего числа) действительно включают эпизоды, расходящиеся с нашими представлениями (но не с представлениями китайского автора Уй.) о реальном. Остальные (к их числу, кстати сказать, относятся и приведенные выше биографии Бо-яня, Тань-ди, Чжу Фо-яня) — вовсе обходятся без каких-либо рассказов о чудесах. Очевидно, что рассказы о чудесах не стали здесь тем канрообразующим признаком, каким они являются в житиях.

Укажем в заключение на одну прослеживавшуюся в этой связи особенность буддийской биографии. Задолго до того, как Кумараджива в посвященной ему биографии выказывает способность предвидеть или толковать невероятные явления (что, заметим, не равно христианской способности к чудотворению) сообщается о том, что он "перечитал все содержащееся в четырех ведических собраниях, трактатах о пяти познаниях, постиг учение об Инь и Ян, а также астрологию"²⁷. Таким образом, чудесная способность героя "Гао сэн чжуань" рационально объясняется, представляет собой не акт озарения, приходит не по нантию,

²⁵ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 329в.

²⁶ Е.В. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с. 40.

²⁷ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 330в.

как это бывает в житиях, а становится результатом его учености.

Итак, в итоге сопоставления "Гао сэн чуань" и житий следует сказать следующее. Мировая литература в ее национальном многообразии на определенных, не обязательно совпадающих по времени этапах своего развития создавала образцы биографий в духе определенных религиозных учений. В этом смысле можно говорить об общности китайских буддийских жизнеописаний и агниографии. В остальном контуры этих литературных явлений не совпадают. Если придерживаться точного словоупотребления, то необходимо будет признать, что термин "агниография" не распространяется на биографическую литературу китайского буддизма. Если верно древнее утверждение о том, что всякое уподобление хромает, то верно также и то, что уподобление "Гао сэн чуань" житиям хромает на обе ноги²⁸.

- 28 Традиция китайской биографии, в т.ч. биография буддийской, восходит к "жизнеописаниям" — одному из разделов "Исторических записок" Сыма Цяня (145?—87? гг. до н.э.). Будет поэтому уместным ко всему изложенному по части "Гао сэн чуань" и агниографии прибавить наше частное мнение по поводу отдельных суждений исследователя "жизнеописаний" Л.Б. Померанцевой. Осуществленные Л.Б. Померанцевой изыскания поэтических мотивов в "жизнеописаниях" представляются вполне правомерными, а уровень их исполнения — образцовым. Возражение вызывает разве что окончательный вывод, а именно: "жизнеописания" есть синкретический жанр, содержащий в себе элементы исторического, биографического и поэтического повествования при главенстве последнего". (Л.Б. Померанцева. "жизнеописания" Сыма Цяня: история, биография, автобиография? — "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока". Тезисы и доклады восьмой научной конференции, II, М., 1978, с. 139). Биографическая тема, как мы выяснили, действительно может быть изложена двояко: в форме исторического повествования (такого рода биографии содержатся в "Гао сэн чуань") и повествования поэтического (такие биографии представлены, в частности, житиями). Само собой, в реальности историческая биография, как и любое литературное явление, не существует изолированно, но включает в себя и отдельные поэтические элементы. Говоря же о преобладании поэтических элементов в биографии, мы тем самым исключаем её из разряда историографии. В нашем случае это означает только, что Сыма Цянь предстает в своих "жизнеописаниях" не историком, но поэтом, использующим исторические сюжеты. Не считая себя вправе выносить категорическое суждение на этот счет, ограничимся предположением, что изыскание исторического элемента в "жизнеописаниях", выявит его несомненное преобладание, позволит восстановить определенного в поэты Сыма Цяня в его правах великого китайского историка.

Сопоставление "Гао сэн чуань" и аггиографии (точнее сказать сопоставление, перешедшее затем в противопоставление) позволило установить только немногие литературные признаки китайского памятника. За счет привлечения других образцов европейской литературы, попытаемся расширить набор таких признаков.

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что первый и самый обширный из разделов китайского памятника — раздел "Переводчики сутр" отличается от остальных тем, что помимо биографий исторических лиц (в данном случае переводчиков буддийских сочинений на китайский язык), он содержит обстоятельные сведения библиографического характера: о переводах буддийских сочинений, содержании этих переводов, авторскую оценку деятельности переводчиков и т.д. Все это дает нам право считать "Гао сэн чуань" не только биографическим, но в какой-то и биобиблиографическим памятником. Такого рода биобиблиографическая литература в европейской традиции представлена патрологией.

Патрология (здесь в узком смысле, т.е. как раздел христианской литературы, изучающий историю писаний отцов церкви) предстает в целом однородным, четко обозначенным литературным явлением. В ее состав входит ряд сочинений, далеко отстоящих друг от друга по времени, принадлежащих разным авторам, но имеющих общее название "De viris illustribus" (О знаменитых мужах)²⁹. Труд Иеронима (330—419) "О знаменитых мужах", написанный в 392 г., занимает ту же позицию в этом литературном ряду, имеет то же основополагающее значение, что и "Гао сэн чуань" в собрании "Си чао гао сэн чуань".

Сочинение Иеронима открывается предисловием (откуда мы

---

²⁹ Среди последователей Иеронима значатся имена марсельского пресвитера Геннадия (ум. 500 г.) с его "О знаменитых мужах" от 480? г., а также виднейших христианских историков — Исидора, епископа севильского (ок. 570—636) и валлонского монаха Сигеберта из Жамблу (ум. IIII2). Труд Исидора увидел свет между 615 и 618 гг. под тем же названием, что и сочинение Иеронима и Геннадия. Сигеберт назвал сочинение несколько иначе "De scriptoribus ecclesiasticis" (О церковных писателях). Современный историк христианской литературы определяет историческую продолжительность традиции "О знаменитых мужах" более чем в одно тысячелетие. (J. Quastan, Patrology, vol. I—III, Utr.-Ant. 1949, p. I. Как мы уже знаем, столь же продолжительна и столь же жизнеспособна была и традиция "Гао сэн чуань" Хуй-цзяо.

почерпнем чрезвычайно важные сведения), далее приведен имен-
ной указатель к биобиблиографической части и вслед за этим —
135 биобиблиографических глав. Глав следуют одна за другой
с учетом исторической последовательности событий.³⁰ первая
рассказывает об апостоле Петре (ум. не позже 68 г.), послед-
няя посвящена Иеронимом собственной писательской деятельно-
сти.

В первых строках своего предисловия Иероним указывает на
то, что к созданию "О знаменитых мужах" его побудил Декстер
Пациан, тогдашний префект претории³¹. То, что его труды по-
ощрялись официальными властями, представлялось Иерониму важ-
ным обстоятельством и несомненно являлось таковым. Все же
важно при этом иметь в виду, что как историческое и литера-
турное явление патрология обеспечивалась вовсе не указаниями
власть имущих.

Важнейшим историческим процессом, определившим появление
патрологии, а в самом широком аспекте вообще христианской
историографии, явилось складывание внутри христианства цер-
ковных институтов, создание крупных учреждений. Только в рам-
ках таких крупных учреждений могла быть осознана потребность
в письменной истории, достаточно полно и достоверно изложен-
ной, только они могли кумулировать в себе первоначальные ис-
торические записи, составляющие впоследствии материалы исто-
риографа. Вместе с тем, на вторую половину IV в. приходится
оформление единой церковной организации, санкционированное на
Никейском соборе 325 г. — процесс во многом подготовивший
взгляд на историю церкви, как на нечто единое и целое. "О
знаменитых мужах" Иеронима и стали как раз одним из литера-
турных явлений в христианстве IV в. (напомним, что к этому
же периоду относятся сочинения Евсевия Памфила /ок. 260–340/
"Церковная история" и "Хроника"), обозначивших переход от
устного предания, легендарной истории, разрозненных историче-
ских записей к тому, что теперь принято называть общей ис-
ториографией.

Исключая из своих намерений полностью отождествить пути

---

³⁰ Того же хронологического принципа придерживается в "Тао
сэн чжуань" Хуй-цзяо.

³¹ Hieronimus Liber de viris illustribus, herausgegeben von
O. von Gebhardt, 1896, с. I.

развития христианской и буддийской историографии, мы, тем не менее, исходим из того, что подобно христианской патрологии, буддийский памятник "Гао сэн чжуань" обозначил переход от частной историографии к общей. Переход этот обеспечивался внутренней логикой развития буддизма и приходился на довольно четко определяемый исторический период - первые десятилетия I в.³²

Возвращаясь к сочинению Иеронима, отметим еще одно существенное обстоятельство. Как явствует из предисловия, "О знаменитых мужах" являлись по замыслу автора ответом тем критикам (Иероним называет их поименно: Цельс, Порфирий, Юлиан), которые обвиняли христианство в "грубой простоте", в бедности письменной культуры³³.

Подобные инвективы, но уже в адрес буддизма высказывали китайские критики. В этом отношении характерно высказывание Цай Мо 蔡謨 (312-387), зафиксированное в династийной истории "Цзинь шу" (История Цзинь):

"Буддизм - варварский обычай, но не руководство из классических книг. Прежние императоры всецело опирались на Поднебесную. Множили таланты и искусства. И вот пришло время, когда рисуют изображение Будды. Между тем, что касается просвещенного в буддийском учении, то не удостоится ему в этом признания"³⁴.

Буддийская историография, в т.ч. "Гао сэн чжуань", если рассматривать их в свете приведенного высказывания, были призваны в своей сфере приблизить буддизм к китайским стандартам.

Вообще говоря, христианство и буддизм внедрялись в культурных средах в некоторых отношениях значительно более зрелых, чем те, которые их породили. Одним из направлений в первоначальном развитии обеих религий было освоение, а затем и привлечение для своих потребностей достижений соответственно греко-римской и китайской традиционных культур. На примере "Гао сэн чжуань" и "О знаменитых мужах" приходится убедиться,

³² Обоснование к такому выводу содержится в нашей предполагаемой к изданию статье "Становление буддийской историографии в Китае".

³³ См. Hieronimus Liber ..., с. 2.

³⁴ См. серия "Си-бу бэй-яо", т. 58. Шанхай, 1936, с. 626.

что такого рода процесс происходил и в буддийской, и в христианской историографии. И европейский, и китайский автор основывались на тех литературных образцах, которые были уже выработаны традиционными культурами. Иероним следовал "О знаменитых мужах" Светония Транквила,³⁵ а "Гао сэн чуань" явились буддийской разновидностью традиционных китайских биографий.

С тем, чтобы перевести дальнейшее сопоставление на более твердую почву, обратимся непосредственно к тексту христианского памятника. Прежде всего приведем славу об уже упомянутом нами Евсевии Памфиле:³⁶

"Евсевий, епископ Кесарии Палестинской. Ученейший в божественных писаниях, он с мучеником Памфилом тщательно исследовал священные собрания. Издал бесконечные тома, из которых дошли до нас: "Доказательство в пользу евангелий" в двадцати книгах, "Приготовление к евангелию" в пятнадцати книгах, "Богоявление" в пяти книгах, "Церковная история" в десяти книгах, "Хроника" и ее сокращение, "О согласии евангелий", "Толкование на пророка Исайю" в десяти книгах, двадцать пять книг "Против Порфирия", одна книга "Учений с доказательств", шесть книг "В защиту Оригена", "О жизни Памфила" — три книги, "О мучениках" и комментарий на сто двадцать пять псалмов. Жил он при императорах Константине и Констанции. Был в дружбе с мучеником Памфилом и по сему прозвали его Памфил"³⁷.

Далее остановимся на одной из подробнейших биографий из сочинения Иеронима:

"Игнатий, третий после апостола Петра епископ антиохийской церкви, во времена гонений Траяна осужденный к диким зверям, был скованный отправлен в Рим. Приплыв в Смирну, где Поликарп, ученик Иоанна был епископом, написал одно письмо "К эфесянам", второе — "К магнезийцам", третье — "К тралийцам", четвертое — "К римлянам" и, выйдя оттуда, написал "К филиладельфийцам" и "К смирнцам" и лично "К Поликарпу", вверяя

³⁵ См. Hieronimus Liber ..., с. I.

³⁶ Перевод отдельных глав из сочинения Иеронима любезно предоставлен ч.л. Лосевым.

³⁷ См. Hieronimus Liber ..., с. 43.

ему антиохийскую церковь; здесь же, сославшись на евангелие (которое я ранее перевел) дал доказательство относительно личности Христа, говоря: "Воистину, и я после воскресения увидел его во плоти и верую, что он есть; и когда он пришел к Петру и к тем, которые были с Петром, сказал им: "Вот, коснитесь меня и увидите, что я не воплощенный бес". И тотчас коснулись его и уверовали".

Но кажется достойным, раз мы упомянули о столь великом муже, сказать в немногих словах и о его письме, которое написал к римлянам: "От Сирии до Рима я сражаюсь с дикими зверями на море и на земле, ночью и днем, привязанный к десте леопардам, то есть воинам, которые меня стерегут, и которые, хотя и оказывают им благодеяния, становятся хуже. Однако их незаконные — мне поучение. Но и не этим я оправдан. О, если бы я мог насладиться зверями, которые мне уготованы, и молю, чтобы они были скоры на расправу, а я был бы им хорошей приманкой; да не будет так, как было с другими мучениками, тела которых остались нетронутыми. А если не пожелают приблизиться, я принужу их пожрать меня. Простите меня, дети, что мне полезно, я знаю. Теперь становлюсь учеником, не желаю ничего тленного, а только обрести Иисуса Христа. Огонь, крест, звери, перелом костей, разделение членов, и уничтожение всего тела, и искушения дьявола да придут ко мне, только чтобы я смог насладиться Христом". И когда был брошен к зверям и слышал львиное рычание, в предвкушении мук сказал: "Я хлеб Христа, буду смолот зубами зверей, чтобы мной был обретен чистый хлеб".

Принял мученичество на одиннадцатом году правления Траяна. Останки его тела покоятся в Антиохии, в гробнице у Дафнийских ворот³⁸.

Первое, что необходимо сказать по поводу приведенных выше глав, касается тех же пунктов, по которым сопоставлялись "Тао сан чжуань" и агнография. Впрочем, в данном случае сопоставление не сводится к противопоставлению, поскольку:

1. В противоположность агнографам автор "О знаменитых мучах" включает в свое сочинение по-преимуществу достоверный

³⁸ См. Hieronimus Liber ..., с. 17-18.

исторический материал³⁹.

2. В отличие от житий с их панегирическим отношением к герою, повествование в "О знаменитых мужах" ведется в более подходящих для историографии умеренных тонах.

3. Иероним вовсе не расположен излагать рассказы о чудесах, столь необходимые в житиях.

Остается заключить, что в своих основоположениях, сочинение Иеронима согласуется с "Гао сэн чжуань", иначе сказать, примыкает к тому же направлению в мировой письменной культуре, что и китайский памятник, а именно, к историографии.

Вместе с тем, все сказанное вовсе не означает, что за пределами отмеченного сходства, между "Гао сэн чжуань" и патростологией не существует значительных расхождений.

На примере приведенных выше глав выясняется, в частности, что автор "О знаменитых мужах" особенно обстоятелен в библиографических частях и довольно краток в биографиях деятелей церкви. Библиография как бы довлееет над остальным материалом главы, а биографическая часть является только обрамлением к ней. В китайском памятнике эти части более соразмерны. Библиография предстает здесь не так четко обозначенной, но не менее полной и обстоятельной, чем библиография в "О знаменитых мужах". Сошлемся в этой связи на биографию Дхармананди:

"Дхармананди 曇摩難提, что означает "радость Учения". Уроженец Доуцзюэля. С юных лет отошел от грубого и почитался за сообразительность и проникательность. Перечитывал и повторял вслух сутры, всецело посвятив себя совершенствованию кармы. Был осведомлен в Трипитаке и заучил наизусть сутру Цзянь ахань и не было в ней ничего такого, что не стало достоянием его ума. И потому был он почитаем в дальних и ближних пределах своей страны. С юных лет Дхармананди отправился в далекие странствия, говорил о теле распространения учения. Пустился в путешествие, миновал пустыню и с верой в три драгоценности пришел в земли Востока. При правителях из рода Фу в годы Цзянь-вань прибыл он в Чанъань. Поскольку карма Дхармананди была совершенна, то и великолепное учение дало пышные всходы. Фу Цзянь удостоил Дхармананди почтительным ри-

³⁹ По-преимуществу, но не исключительно, поскольку, как и в случае с "Гао сэн чжуань", мы вовсе не настаиваем на том, что Иероним избежал отдельных отдельных погрешностей и был во всем объективен. (См. об этом J. Q u a s t o n, op. cit., p. I.

туалом. В срединных землях среди переведенных сутр не было "Четырех Хань". Советник Фу-Цзяня, уханьский тайшоу Чжао Чжэн вознамерился просить у него перевести эти сутры. В Гуаньчжуне в то время Мужун Чжун начал мятеж и поднял солдат на Фу Цзяня. Чжао Чжэн был ревностен в учении Будды, забывал о себе ради него. Правитель пригласил в Чанъань досточтимого Дао-аня, созвал праведных монахов и просил Дхармананди перевести сутры Чжун ахань и Цзэнъи ахань, а также писания, прежде не существовавшие в переводах - Питань синь и Сань фадун. Всего это составило сто шестьдесят цзюаней. Изложенное Дхармананди перевел на китайский язык Фо-нянь, записывал Хуй-сун. С лета до весны раз за разом оттачивали они стиль и содержание, и только тогда текст был готов. К тому времени Яо Чан пустился в разбой в землях Гуаньчжуна. Народ терпел лишения. Дхармананди покинул китайские земли и возвратился в Западный край. О дальнейшем ничего не известно⁴⁰.

Биография из "Гао сан чжуань" содержит, таким образом, довольно обстоятельные библиографические данные: из истории перевода того или иного буддийского текста (/.../ среди переведенных сутр не было "Четырех Хань"); об императорах или чиновниках - инициаторах перевода (т.е. своего рода "издателях" переводного текста); упоминание о "собственно" переводчиках и писцах, участвовавших в переводе данного буддийского сочинения;⁴¹ о том, сколь продолжительной была работа по переводу ("С лета до весны раз за разом выправляли они стиль и содержание и только тогда текст был готов") и, наконец, об объеме переводного текста ("Всего это составило сто шестьдесят цзюаней"). Впрочем, набор библиографических сведений в китайском памятнике тем самым не исчерпывается. Обыкновенно перевод датируется (иногда с точностью до дня)⁴², а в ряде

⁴⁰ См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 328 б, в.

⁴¹ Судя по содержащимся в "Гао сан чжуань" сведениям о раннем китайском буддизме, перевод буддийских сочинений был или трехступенчатым: монах-чужестранец, зачитывающий текст со списка или наизусть на языке оригинала - "собственно" переводчик, владевший устной китайской речью - секретарь, записывающий текст; или же двухступенчатым: монах-чужестранец, зачитывающий текст по-китайски (владел устной китайской речью, но не знал письменности) - секретарь.

⁴² В приведенной биографии Дхармананди такая датировка не понадобилась, поскольку с точностью до дня она приводится в самостоятельной биографии Чжу Фо-няня (см. выше

случаев Хуй-цзяо или выносит собственное суждение по поводу выполненного перевода (см. выше биографию Чжу Фо-няня), или же ссылается на мнение других критиков:

"Дао-ань отмечает: "То, что передал Кан Мэн-сян, повсеместно распространено и в переводах его есть привкус переводов Ань Сюаня и Кашьяпа Матанги"⁴³.

Вместе с тем, библиографической части в "Гао сэн чжуань" сопутствует столь же подробная биографическая часть. Приходится повториться, что даже самая краткая биография в "Гао сэн чжуань" содержит сведения о том, откуда родом герой повествования, когда пришел в китайские земли, об основных результатах его деятельности и о том, когда, в каком возрасте и где закончил свой жизненный путь⁴⁴.

Напротив, глава из сочинения Иеронима по части биографии чаще всего сводится к единственной записи о том, когда жил христианский деятель:

"Секст при императоре Севере написал книгу "О мучениках"⁴⁵. Или же о том, какое место он занимал в духовной иерархии:

"Понтий, дьякон Киприана. До дня мученичества Киприана, разделяя с ним изгнание, оставил том "жизнь и мученичество Киприана"⁴⁶.

Представляется важным отметить в этой связи, что, если автор "Гао сэн чжуань" достаточно полно воспроизводит данные доступных ему источников, то Иероним в отдельных случаях отсылает читателя к первоисточнику, не излагая его содержания. Так, в главе об апостоле Павле он обрывает изложение биографии следующей фразой:

"Так как в "Деяниях апостолов" наиболее полно описано его обращение в веру, я скажу только /.../"⁴⁷.

биографию Чжу Фо-няня), участвовавшего в роли ассистента в переводе тех же сутр Цзэньи ахань и Чжун ахань.

43 См. Трипитака Тайсё, т. 50, с. 324в.

44 Если автор "Гао сэн чжуань" не располагает таковыми сведениями, он это, как правило, оговаривает (см. выше биографию Бояня).

45 См. Hieronimus Liber ..., с. 31.

46 См. там же, с. 38.

47 См. там же, с. 9.

Относительная биографическая бедность "С знаменитых му-
жах" объясняется не столько вероятным отсутствием в анналах
христианской истории соответствующих материалов (хотя и это
обстоятельство, указывающее на некоторую слабость христиан-
ской историографии по сравнению с китайской, должно принима-
ться в расчет), сколько отличной от "Гао сэн чжуань" пред-
расположенностью патрологии как исторического жанра⁴⁸.

В довершение ко всему сказанному, необходимо отдать
должное "Гао сэн чжуань" как библиографическому памятнику.
Если в том, что касается истории перевода буддийских сочине-
ний в Китае I—V вв., первостепеннейшим источником является
сочинение Сэн-ю "Собрание сведений о переводах Трипитаки"⁴⁹,
то среди ранних источников по истории "собственно" китайской,
т.е. представленной китайскими авторами части Китайской Три-
питаки, на одно из первых мест должно быть поставлено сочи-
нение Хуй-цзяо. Раздел "Переводчики сутр" — только один из
десяти разделов этого памятника и в остальных десяти мы по-
черпнем важные сведения.

---

48 Патрология предрасположена, в частности, к малым лите-
ратурным формам, в то время как "Гао сэн чжуань" должны
быть отнесены к крупным историческим сочинениям. Напом-
ним, что "С знаменитых мух" соотносятся только с од-
ним из десяти разделов китайского памятника и только
один этот раздел по объему превышает христианский па-
мятник по меньшей мере в три раза.

49 Помимо биографий переводчиков в "Собрании сведений о
переводах Трипитаки" содержится свод предисловий к пе-
реводным буддийским текстам, а также каталог таких тек-
стов.

**"KAO SENG CHUAN" IN THE LIGHT OF EUROPEAN
LITERATURE TRADITION**

M. Jermakov

S u m m a r y

The article considers the most important source for the history of the early Chinese Buddhism (the late 1-st - the early 6-th A. D.) "Kao seng chuan" (Biographies of Eminent Monks) by Hui-chiao (496 - 556) as a literary phenomenon. Comparing "Kao seng chuan" with samples of Christian literature (hagiography and then patrology) the author specifies the limits of this literary phenomenon. The author opposes "Kao seng chuan" to the hagiography on the most important points: historical reliability and the attitude to the miracle. Thereafter, "Kao seng chuan" is supposed to be a historical biography, though A.F. Wright, A.E. Link, E. Zürcher consider it to be hagiography work. The further comparing with the patrology allows to verify the literary traits of "Kao seng chuan". The patrology belongs to the same part of the literary tradition, as the Chinese writing, i. e. to the historiography. At the same time, patrology and Chinese Buddhist biography seem to be specific, rather different historical genres.

ОТЗЫВ О "ФОНЕТИКЕ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКА"

М.И. Задорожный (Фрунзе)

До революции дунганский народ не знал, что такое книга на родном языке. При Советской власти впервые за многовековую историю этого народа была создана своя письменность. Дунганский язык изучается в школах с соответствующим контингентом учащихся. На родном языке многотысячными тиражами издаются книги, более двадцати лет выходит республиканская газета "Шийүеди чи", ведутся радиопередачи. При Отделе востоковедения АН Киргизской ССР функционирует сектор дунгановедения.

Уже полвека прошло с тех пор, как на дунганском языке вышла первая книга стихов "Утренняя заря" широко известного в нашей стране поэта и прозаика, родоначальника дунганской советской литературы народного поэта Киргизии Ясыра Шивазы. Сейчас дунганский литературный язык вступает в пору своей зрелости. И вполне понятно поэтому обращение к нему как к предмету систематического научного описания.

К настоящему времени насчитывается уже несколько десятков работ, посвященных частным вопросам дунганского языка, разработанным такими крупнейшими лингвистами современности, как Н.С. Трубецкой, Е.Д. Поливанов, А. и Е. Драгуновы, А.А. Реформатский, а также национальными кадрами дунгановедов — Ю. Яншансином, Ю. Цунвазо, А. Калимовым, Х. Бугазовым, М. Имазовым, А. Мансузой. В основном это вопросы фонетики и орфографии, возникавшие в связи с созданием алфавита. Полное же лингвистическое описание дунганского языка пока еще отсутствует. В этой связи представляется весьма актуальной монография старшего научного сотрудника Отдела востоковедения АН Киргизской ССР, кандидата филологических наук Мухаме Хусезовича Имазова "Фонетика дунганского языка"¹.

Монография состоит из "Введения", в котором излагается история изучения дунганского языка, трех глав, "Заключения",

¹ М.Х. Имазов. Фонетика дунганского языка. Фрунзе, "Илим", 1975, 174 с. (500 экз.).

суммирующего результаты исследования, осуществленного автором, и "Приложения" – отрывка из повести Я. Шивазы "Новый дом". иллюстрирующего основные положения работы. Забегая несколько вперед, сразу же отметим, что исследование М.Х. Имазова отличается стремлением к строгой аргументированности теоретических выводов и исчерпывающему описанию фактического материала.

Основная часть монографии открывается описанием звукового состава дунганского языка (первая глава). Во второй главе обосновывается фонемный состав дунганского языка. В третьей главе рассматриваются тоны (одна из характерных особенностей дунганского языка) и ударение.

Заслуживает внимания уже сама композиционная схема подачи материала. Действительно, логически вполне оправданно рассматривать сначала сегментные единицы (т.е. линейно расположенные, следующие одна за другой в речевой цепи), какими являются, например, звуки, а затем – надсегментные (т.е. складывающиеся из сегментных элементов выражения и характеризующие их в целом), к которым, в частности, относятся тоны и ударение. Естественно также описание сегментных единиц начинать с наблюдаемых фактов, в данном случае со звуков, а затем уже переходить к их обобщению, к объяснению их функциональной значимости, т.е. установлению инвентаря фонем. Описание тонов прежде ударения оправдывается большей функциональной нагрузкой в дунганском языке музыкального ударения по сравнению с динамическим, силовым.

Уже один только этот факт свидетельствует о том, что автор хорошо владеет логикой научного исследования и предельно четко представляет себе соотношение описываемых явлений.

В первой главе работы дается подробная артикуляционно-акустическая характеристика звуков дунганского языка и исчерпывающим образом описываются их сочетаемость и поведение в определенных фонетических условиях. В результате такого описания автор приходит к подтверждению (правда, в неявном виде) вывода предшествующих исследователей о наличии важнейшего закона звуковой системы дунганского языка – закона открытого слога, в силу которого в данном языке невозможно стечение согласных в пределах не только односложных, но и

многосложных слов².

Этот закон кладется в основу всей системы дальнейших доказательств и последовательно проводится при обосновании фонологической (т.е. функциональной, различительной) значимости звуков, чему посвящена вторая глава.

Существенную роль в системе рассуждений автора играет также позиционный анализ – весьма перспективный метод исследования в науке о языке. Применительно к фонетическому уровню этот метод (его называют еще методом минимальных различий) предписывает устанавливать фонологическую значимость звуков в тождественных позициях, поскольку именно при таком условии различительная роль звуков проявляется наиболее рельефно. Например, вывод о фонологичности звуков /т/ и /д/ в русских словах там и дам дается на основании того, что оба согласных функционируют в абсолютно тождественных условиях (в начале слова перед гласным /а/ конечные звуки также одинаковы). Следовательно, дифференциация значений приведенных слов, различия между звуковыми оболочками которых, как видим, минимальны, осуществляется только за счет этих согласных. В этом отношении дунганский язык является, если можно так выразиться, наилучшим полигоном для применения позиционного метода: дело в том, что любой слог этого языка является в то же время и потенциальным словом, для чего его достаточно произнести в том или ином тоне.

Именно позиционный анализ звуков позволяет автору решить вопрос об основной фонологической единице в дунганском языке. Так, некоторые языковеды, в частности Е.Д. Поливанов и А. и Е. Драгуновы, считали, что такой единицей в дунганском языке является не звукофонема, как, например, в русском, а слогафонема³. В качестве примера приводились пары слов типа

² См. также: А. Калимов. Дунганский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. У. Л., "Наука", 1968; А. Манс у з а. О сочетаемости звуков в дунганском и русском языках. – В сб.: Звуковая и семантическая структура языка. Фрунзе, "Илим", 1975; О н л е. Структура слога в русском и дунганском языках. – "Русский язык в киргизской школе", 1977, № 3.

³ См.: Е.Д. Поливанов. Фонологическая система ганьсуйского наречия дунганского языка. – В сб.: Вопросы происхождения дунганского языка. Фрунзе, Киргизгосиздат, 1937; А. и Е. Драгуновы. Дунганский язык. – Записки Института востоковедения АН СССР, № 6. М.-Л., 1936. Стой же точкой зрения придерживается А. Калимов. См. его указ. р. 3.

ба (I тон) - "восемь" и бя (I тон) - "лепить". При этом утверждалось, что указанные слова различаются не отдельными звуками (твердым или мягким /б/, либо задним и продвинутым /а/), а целиком слогами, т.е. одновременно и звуком /б/, и звуком /а/ соответствующих качеств. Действительно, в приведенных примерах трудно отдать предпочтение тому или другому звуку (какой из них ведущий в слоге?), так как очевидно, что в данном случае они в равной мере взаимозависимы. Но достаточно привести другие пары слов, характеризующиеся минимальными звуковыми различиями, чтобы убедиться в фонологической значимости именно звуков, а не слогов дунганского языка. Ср.: ба (здесь и в других примерах приводятся слова, произносимые в I тоне) - "восемь" и да - отец, бя - "лепить" и пя - "бахвалиться", ба - "восемь" и бо - "узел", бя - "лепить" и бё - "упитанность". Достаточно очевидно, что в первых четырех примерах слова противопоставлены друг другу согласными, а в остальных - гласными, откуда следует, что фонемологической значимостью в дунганском языке обладают звуки, а не слоги.

Ну а как же все-таки обстоит дело с фонемным статусом звуков в словах типа ба и бя? Как это видно из дальнейших рассуждений автора, он, обосновывая наличие в дунганском языке твердых и мягких согласных фонем⁴, склонен считать, что эти слова различаются твердым и мягким б. Различные же /а/ являются разновидностями одной фонемы, по-разному реализующейся в соседстве с твердыми и мягкими согласными фонемами.

Но с таким же успехом можно утверждать, что эти слова различаются передним и задним а, влияние которых и вызывает различные качества (палатализованность или непалатализованность) одной и той же фонемы б. И тогда это, по существу, своеобразная перефразировка слогофонемной точки зрения, не опровергающая, а, напротив, подкрепляющая ее. Ведь в дунганском языке в силу закона открытости слога отсутствует такая идеальная диагностическая позиция для согласных, свойственная звуковой системе русского языка, как финаль слова, формируемая сочетанием гласная + согласная, где качество согласного абсолютно независимо от качества соседних гласных и

⁴ Эта точка зрения в свое время обосновывалась Х.Б. Бугазовым. См.: Х.Б. Бугазов. Фонетическое освоение русских лексических заимствований в дунганском языке. - Изв. АН Киргизской ССР. Т. II, вып. 2. 1960.

где дифференцирующая роль того или иного различительного признака проявляется с наибольшей отчетливостью, в силу чего и оказывается возможным автоматическое перенесение функциональности этих признаков согласного в данной позиции на другие позиции. Например, утверждение о том, что различение звуковых оболочек слов лук и люк осуществляется за счет твердого и мягкого д, а не за счет "нормального" и продвинутого у, либо за счет "слогофоном" лу и лю, возможно на том основании, что, во-первых, в современном русском языке (в отличие, скажем, от древнерусского на определенном этапе его развития) имеются позиции, в которых согласные д и д' не обременены вокалическими спутниками (полка, полька, мол, моль, мел, мель и др.), и, во-вторых, позиции, а именно абсолютного конца слова, в которых различительная роль может быть приписана только этим согласным (ср. приведенные выше примеры мол, моль, мел, мель и мн. др.). Следовательно, в русском языке твердость и мягкость согласных действительно выполняет роль функциональных дифференторов, что и дает нам право говорить о фонологически значимой противопоставленности русских согласных по твердости-мягкости. Относительно же дунганского языка нет оснований для такого утверждения, что видимо, и дало повод Е.Д. Поливанову и А. и Е. Драгуновым наделить функциональной значимостью в этом языке не звук, а слог.

Более перспективной применительно к дунганскому языку была бы, как нам кажется, другая точка зрения по этому вопросу, до которой от слогофонемной теории оставалось сделать один только шаг, выдвинутая в свое время А.А. Реформатским и, как представляется, успешно развиваемая в ряде работ на материале различных языков, в том числе и дунганского⁵.

⁵ См.: А.А. Реформатский. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма. - В сб.: Исследования по фонологии. М., "Наука", 1966; А.И. Васильев. Лингвистические основы обучения русскому произношению в тюркоязычной школе. Фрунзе. КГУ, 1969; О н ж е. Лингвистические основы обучения русскому произношению в киргизской школе. Часть I. Фрунзе, "Мектеп", 1974; И. Г у з е в. О составе фонем в карачаево-балкарском литературном языке. - Сб. трудов аспирантов и соискателей. Сер. гум. наук. Вып. 7. Фрунзе, КГУ, 1971; О н ж е. Несингармонические двусложные и многосложные слова в русском языке и сингармонизм двусложных и многосложных слов в карачаево-балкарском. - Сб. трудов аспирантов и соискателей. Сер. гум. наук. Вып. 8. Фрунзе, КГУ, 1972; С. К у н д у з а к о в а. Состав гласных фонем в русском

Согласно этой точке зрения, твердость и мягкость согласных и соответственно непередность и передность гласных в сингармонистических языках не является их внутренне присущим свойством, а, подобно ударению, как бы накладывается на слово, состоящее из тех или иных фонем, и характеризует его в целом.

Такой подход, как нам представляется, вполне приемлем и при анализе звуковой системы дунганского языка, поскольку слова-слоги в нем последовательно сингармонистичны: твердые согласные не сочетаются с передними и продвинутыми гласными, а мягкие - с непередними и непродвинутыми. Отсюда вытекает, что твердость-мягкость согласных, равно как и передность-непередность гласных, являются не дифференциальными (различительными) признаками дунганских фонем, а их позиционным свойством, приобретаемым в определенных условиях, т.е. под влиянием твердой или мягкой накладки, характеризующей слово-слог в целом, которая, собственно, и выполняет смысловозначительную функцию.

Явления накладки в функциональном отношении совершенно аналогичны динамическому ударению в русском языке и политоническому в том же дунганском, которые, характеризуя слово в целом и будучи в определенных случаях единственным различительным средством оболочек слов или их форм, не влияют при этом на фонемный статус гласных. Так, например, пары слов и словоформ замок - замок, хлопок - хлопок, волны - волны, пишу - пишу, насыпь - насыпь, засыпать - засыпать, нарезать - нарезать и мн. др. имеют совершенно идентичный фонемный состав и дифференцируются не разными гласными фонемами (ударным или неударным а и пр.), а единственно местом ударения. Точно так же слова дунганского языка да I - "отец" и да II - "покупать" и др. различаются не разными фонемами а, а тем, что одно из них произносится в первом тоне, а другое - во втором.

и хакасском языках. - Там же; О н а ж е. Парные по твердости-мягкости согласные фонемы в русском языке и сингармонизм слога в хакасском. (К вопросу об обучении русскому произношению в хакасской школе). - Труды КГУ. Сер. гум. наук. Вып. 10. Фрунзе, 1974; А. М а н с у з а. О составе фонем дунганского языка. (К вопросу о статусе твердых и мягких согласных). - Б сб.: Исследования звуковой и семантической структуры языка. Фрунзе, "Илим", 1975.

Аналогично этому и слова ба I и бя I на фонемном уровне различаются не передним и непредним а или твердым и мягким б, а соответственно твердой или мягкой суперсегментной накладкой. Можно поэтому говорить, что в дунганском языке имеются твердые и мягкие согласные звуки, являющиеся реализацией тех или иных фонем, фонологичность которых определяется прежде всего местом образования (например, губной, смычный, звонкий; переднеязычный, фрикативный, глухой и т.п.), но нет ни твердых, ни мягких согласных фонем⁶. Точно так же нельзя говорить о наличии в дунганском языке передних и непредних гласных фонем. Есть только передние и непредние гласные звуки — комбинаторные варианты соответствующих гласных фонем, ведущей фонологической характеристикой которых является степень подъема языка. В конкретном примере звуки /а/ и /а/ репрезентируют одну и ту же гласную фонему, определяемую как гласная низкого подъема, неогубленная, неназализованная, незвонкая.

Таким образом, при установлении инвентаря фонем того или иного языка (и дунганский язык в этом отношении не является исключением) необходимо, во-первых, исходить из уровневой организации фонологических единиц, а во-вторых, отвлечься от уровней, смежных с собственно фонемным, — субфонемного (или аллофонического), формируемого любыми линейно-звуковыми единицами, фонологическая значимость которых нуждается в обосновании, и надфонемного (суперсегментного), формируемого единицами нелинейного порядка, характеризующими речь, в частности слово, в целом — интонацией, ударением, сингармонией и всякого рода другими накладками.

⁶ Эта точка зрения обосновывалась еще Н.С. Трубецким. См.: N.S. T r u b e t z k o y. Aus meiner phonologischen Kartothek. I. Das Phonologische System der dunganischen Sprache. — Travaux du cercle Linguistique de Prague. Prague, 1939, vol. 3. Наиболее последовательно и аргументированно она проведена А.Д. Мансузо. См.: А.Д. Мансузо. О составе фонем дунганского языка... См. также: М.И. Задорожний. Исследование звукового строя дунганского языка. — "Угалимдер газетасы", 1975, 26 декабря; Он же. Редакционное предисловие к статье: А.Д. Мансузо. Структура слога в русском и дунганском языках. — "Русский язык в киргизской школе", 1977, № 3.

Уровневый подход к фонетическим явлениям, как видим, не противоречит звукофонемному представлению об основной фонологической единице дунганского языка. Напротив, он углубляет это представление, делает фонологическую модель более корректной, более простой и вместе с тем более адекватной объекту описания. Впрочем, это лишь одна из возможных точек зрения, требующая, быть может, более глубокого обоснования, и поэтому оставим за автором право иметь свой взгляд на вещи.

Более доказательным и последовательным представляется обоснование М.Х. Имазовым наличия в дунганском языке специфической ретрофлексной (р-образной) гласной фонемы, дифтонгов и назализованных гласных фонем, отрицаемых или "незамечаемых" некоторыми исследователями.

Суть проблемы в следующем. На письме эти фонемы обозначаются соответственно сочетанием гласной и согласной букв: гласная + р, гласная + й, гласная + н. Кроме того часть дифтонгов обозначается сочетанием двух гласных букв. Это дало некоторым лингвистам основание полагать, что, во-первых, в дунганском языке якобы существуют закрытые слоги, т.е. слог может оканчиваться согласными р, й, н, и, во-вторых, что сочетание двух гласных букв передает две гласные фонемы.

Опираясь на закон открытого слога, в силу которого в пределах дунганского слова невозможно стечение согласных, М.Х. Имазов убедительно доказывает, что согласные в конце слога являются всего лишь диакритическими знаками, передающими ретрофлексность, дифтонгичность и назализованность определенных гласных. Это подтверждается также и тем, что: 1) внутри таких сочетаний не проходит морфемная граница; 2) они не распределяются по двум слогам, что привело бы к несвойственным дунганскому языку стечениям согласных; 3) характеризуются различной сочетаемостью сравнительно с "чистыми" гласными; 4) их длительность равна длительности остальных гласных и, наконец, 5) при их произнесении не обнаруживается локализуемый фокус, т.е. воздушная струя не встречает преграды, характерной при произнесении согласных. Последние два довода были недавно подтверждены автором совместно с А.Д. Мансузой экспериментально — путем опиллографического анализа, осуществленного в Лаборатории экспериментальной

лингвистики АН Киргизской ССР. Аналогичным образом доказываются и однофонежность сочетаний из двух гласных букв.

Интересны наблюдения автора над тонами и ударением (силовым) в дунганском языке. Основное внимание уделяется функции тонов и ударения.

Любое односложное слово дунганского языка, может быть, как известно, произнесено в одном из трех тонов: восходящем /I/, нисходящем /П/ и восходяще-нисходящем /Ш/. Например: да I - "отец", да II - "бить", да III - "большой". Приближенное представление о дунганском тоне могут дать следующие русские слова-предложения: I - Да. (спокойно); II - Да! (резко); III - Да? (с недоумением). На многочисленных подобных примерах автор показывает, что тон является принадлежностью не гласной, а слова в целом и что функция его состоит в смысловой дифференциации односложных слов с одинаковым фонемным составом.

Аналогичная функция и силового ударения. Но, в отличие от музыкального, силовое ударение (в дунганском языке, как и в русском, оно разноместное и подвижное) служит средством различения многосложных слов, в которых тон, как правило, редуцируется. Например: тувэй - "товарищ" и тувэй - "труба", чуончуонзы - "окошко" и чуончуонзы - "кровать" и др. Кроме того, силовое ударение служит также и средством отграничения сложных слов от словосочетаний. Сложным словам такое ударение присуще, а словосочетаниям - нет. Ср.: ханфи - "слюна" и хан-фи - "соленая вода".

Не лишена работа и некоторых недочетов, а иногда и не совсем верных, на наш взгляд, выводов. Но мы не будем на них останавливаться, так как не они определяют общую научную ценность рецензируемого исследования. Впрочем, дадим по этому поводу слово самому автору: "Вопросы артикуляционно-акустической характеристики дунганских звуков и их сочетаемости и вопросы, связанные с уточнением состава дунганских фонем, ставятся впервые. Поэтому решение некоторых из них отнюдь не является бесспорным. Напротив, сама постановка таких вопросов должна вызвать появление новых исследований, где будут предложены иные решения" /с. 14/.

"Фонетика дунганского языка" не только ценное теоретическое исследование. Она явится также хорошим подспорьем русистам, работающим в школе с дунганоязычным контингентом учащихся, поможет вскрыть типичные ошибки в речи и письме у

учащихся-дунган, обусловленные интерферирующим влиянием родного языка, найти пути их устранения. Кстати, попытки подобных методических разработок уже имеются⁷.

Мухаме Лусезович Имазов – автор не только этой книги. По его учебнику родного языка занимаются четвероклассники. В издательство "Мектеп" сдана рукопись учебника дунганского языка для средней школы. В 1976 году издательство "Мектеп" выпустило его книгу рассказов на дунганском языке для детей – "Ласточка". Через год в издательстве "Илим" АН Киргизской ССР вышла монография "Орфография дунганского языка", автором которой также является М.Х. Имазов. Завершается работа по созданию аналогичного труда, посвященного вопросам морфологии дунганского языка.

---

⁷ См., например: М.Х. И м а з о в. Причины некоторых фонетических ошибок у школьников-дунган. – "Русский язык в киргизской школе", 1971, № 1; А. М а н с у з а. Переднеязычные сонорные фонемы в русском и дунганском языках. (К вопросу о лингвистических основах обучения русскому произношению в дунганской школе). – Труды КГУ. Сер. гум. наук. Вып. 10. Фрунзе, 1974; О н ж е. Некоторые вопросы обучения русскому ударению учащихся-дунган. – Там же; Он же. Структура слога в русском и дунганском языках. Он же. "Русский язык в киргизской школе", 1977, № 3.

Содержание

<u>От редакции.</u> В бретской семье народов	3
<u>Nurtekund, P.</u> Ausgewählte Kapitel der dunganischen Sprachgeschichte	5
<u>Нуртекунд П.</u> Избранные главы из истории развития дунганского языка. Резюме	21
<u>Суньянло М.</u> Борьба дунган против цинской династии и переселение их в Киргизию и Казахстан	22
<u>Sushanlo, M.</u> The Fight of Dungans against the Ch'ing Dynasty and the Resettlement of One Part of Them in Kirghizia and Kazakhstan. Summary.....	66
<u>Имазов М.Х.</u> К результатам описательного и инструментального исследования некоторых звуков дунганского языка	67
<u>Imazov, M.</u> Aux résultats d'une recherche descriptive et expérimentale de quelques sons du doudgan. Résumé	74
<u>Имазов М.Х.</u> О частях речи в дунганском языке	75
<u>Imazov, M.</u> Sur des parties du discours en doudgan. Résumé	84
<u>Мансуза А.Д.</u> Дунганский акцент в произношении русского языка	85
<u>Mansusa, A.</u> Der dunganische Akzent beim Russischsprechen. Zusammenfassung	92
<u>Ермаков М.Е.</u> "Тао Сан Чуань" в свете европейской литературной традиции	93
<u>Jermakov, M.</u> "Kao seng chuan" in the light of European literature tradition. Summary	114
<u>Задорожный М.И.</u> Отзыв о "Фонетике дунганского языка". Рецензия.....	115

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 507. ДУНГАНОВЕДЕНИЕ. Труды по востоковедению У. На русском и немецком языках. Резюме на разных языках. Тартуский государственный университет. ЗССР, г. Тарту, ул. Лийкооли, 18. Ответственный редактор П. Нурмекунд. Корректор Н. Чикалова. Сдано в печать 27/09.1979. Бумага печатная 30x45 1/4. Печ. листов 8,0. Учетно-издат. листов 7,53. Тираж 600. МВ 07323. Типография ТТУ, ЗССР, г. Тарту, ул. Пялсона, 14. Зак. № 1278. Цена 1 руб. 10 коп.